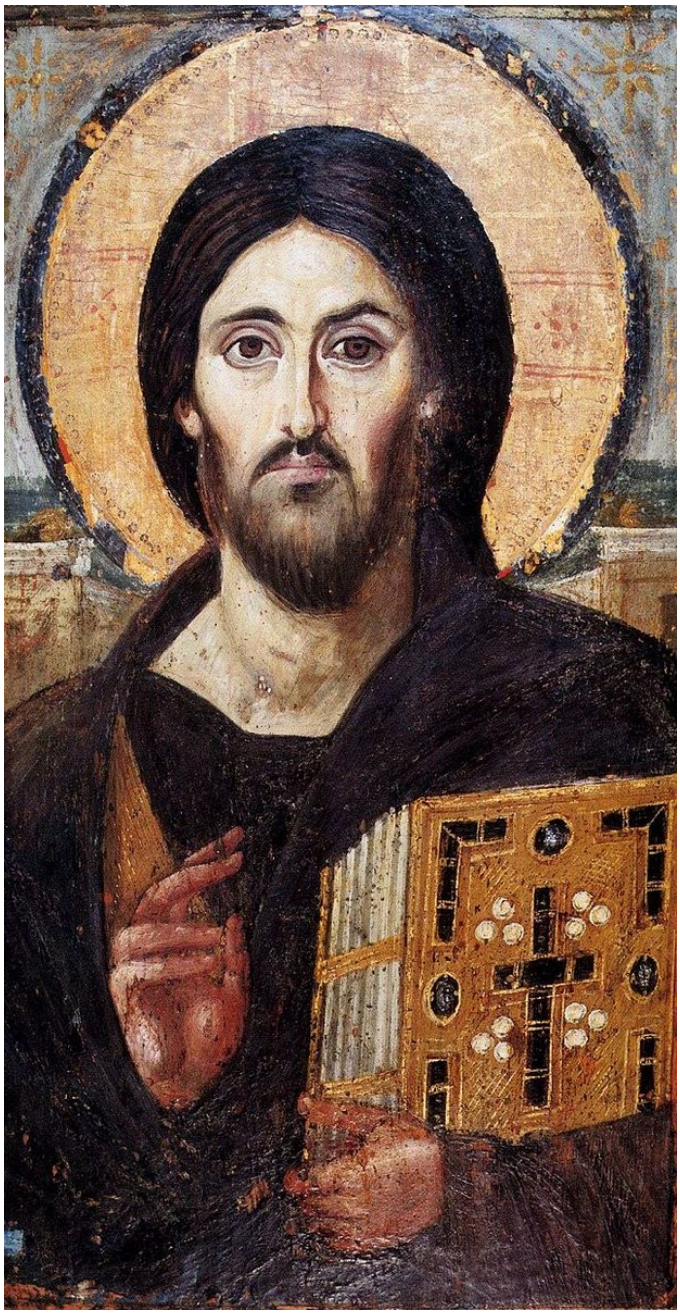
ШЛЕПИН ВАСИЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ
Доктор богословия, профессор

ОБЗОРНЫЙ КУРС ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ



2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……3
Тема 1. Церковь в апостольский век……3
Тема 2. Церковь в эпоху гонений……...14
Тема 3. Миланский эдикт и Никейский собор. Церковь в эпоху между I и II Вселенскими соборами. II Вселенский собор……...25
Тема 4. Церковь на рубеже IV-V столетий……41
Тема 5. Христологический вопрос. III и IV Вселенские соборы……50
Тема 6. Монофелитская ересь и VI Вселенский собор. Иконоборческая ересь и VII Вселенский собор……...……64
Тема 7. Церковь в эпоху патриарха Фотия. Распространение христианства среди славян. Разрыв с Западной Церковью в 1054 г……...74

Введение

Наш предмет называется «История Древней Церкви». Иногда его называют «История Вселенской Церкви» или «История Христианской Церкви». В любом случае речь идет об истории Церкви до ее разделения, то есть до того момента, когда Католическая Церковь отпала от Православия.

В качестве рекомендуемой литературы назову вам два учебника:

Болотов В.В Лекции по Истории Древней Церкви. Т.1-4, М., 1994.

Тальберг Н. История Христианской Церкви. М – Н-й, 1991.

Итак, перейдем к первой теме.

Тема 1. Церковь в апостольский век

Существует проблема, с какой исторической точки или момента следует начинать церковную историю. Есть подход, который исключает апостольский век из церковной истории, потому что исторический материал в этот период почти исключительно библейский новозаветный, и поэтому изучается уже в курсе Священной истории и в курсе экзегезы Священного Писания. Однако поскольку для нас истина, что бытие Церкви начиналось с Пятидесятницы, то было бы несколько искусственным отрывать век апостолов от церковной истории.

Итак, в апостольском веке главный источник – само Священное Писание. Прежде всего, нужно отметить Деяния апостолов и Послания апостолов, потому что Евангельские книги относятся ко времени земной жизни Иисуса Христа. Апокалипсис обращен к временам апокалиптическим, к временам эсхатологическим, но и он содержит в себе, например, в обращениях к Церквам исторически важные указания на существование христианских общин в тех или иных городах, исключительно Малой Азии. Поэтому косвенным образом и Апокалипсис является источником самой первой, самой ранней христианской истории. Но кроме этих книг есть так же и некоторые другие. Творения мужей апостольских, то есть прямых учеников апостолов, таких как священномученик Игнатий Богоносец, священномученик Климент епископ Римский – это тоже материал по истории Церкви апостольского века. Материалом являются также и некоторые нехристианские памятники, например, еврейская талмудическая литература, где есть упоминания и Христа, и христиан, даже несмотря на то, что они представлены в этих книгах в крайне негативном виде, а также сочинения иных писателей и римских, и греческих, и греко-язычного писателя из еврейской среды Иосифа Флавия. В переписке Плиния Младшего с императором Траяном, в истории Тацита, в истории Светония есть упоминания об эпизодах самых первых десятилетий христианской истории. Кроме того, следует указать, что есть книга, которая по самой сути своей стоит на рубеже памятников, представляющих собой свидетельства эпохи, и уже исторических работ. Это самая ранняя история Церкви, написанная Евсевием Памфилом, христианским писателем первой половины четвертого века. Он включает в свою историю и исторические записи по церковной истории, более ранние. Так что из этой книги

мы узнаем об отношениях мужей апостольских с самими апостолами, например, о таком древнехристианском писателе, как Поликарп Смирнский, жившим уже в первой половине второго века. Известно, что воспитывался он с юности при апостоле Иоанне Богослове. Вот на что можно опираться, знакомясь с самой древней эпохой в истории Церкви.

Как отмечено, эта эпоха, сама Церковь началась с Пятидесятницы, с излияния даров Святого Духа на апостолов, собравшихся в Сионской горнице. Совершилось это по обетованию Самого Христа, который пред Своим распятием обещал послать Своим ученикам Утешителя. Вот таким Утешителем Церковь именует Святого Духа, Который подал особые, благодатные дары ученикам Христовым. Вследствие этого ученики Христовы преобразились через дарование им преизобильной благодати. В этом легко убедиться при чтении Священного Писания. Когда мы читаем Евангелия, апостолы перед нами предстают людьми, стремящимися во всем следовать за Христом, но при этом обнаруживающими свои обыкновенные человеческие немощи, и малодушие, и непонимание того, что говорит или делает Христос, или разного рода колебания, и после распятия Христа утрату самой веры в то, что Он действительно спасает их. Но апостолы, какими они предстают перед нами в Деяниях апостольских, в посланиях, совсем другие. Апостолы уже исполнены абсолютной, совершенной веры во Христа, они не страшатся ничего человеческого, никаких опасностей от людей, они готовы пострадать за Христа, и когда эти страдания на них приходят, они претерпевают их с мужеством, стойкостью ничем не омраченными. Очевидным образом, для читателя Священных книг, с одной стороны, для читателя Евангелия, а с другой стороны, Деяний апостольских, удивительным образом явилась реальность их перемены от получения изобильных даров Святого Духа. В этом получении даров Святого Духа было нечто особенное, что поразило людей, которые съехались в Иерусалим отовсюду, а это были евреи рассеяния, диаспоры, которые приезжали на праздник Пятидесятницы. Сам праздник Пятидесятницы был ветхозаветным, но он наполнился иным, христианским смыслом. Так вот, эти люди, приезжавшие из разных стран, и говорившие разными языками, потому что обыкновенно евреи в ту эпоху, да и в наше время говорили на языках тех народов, среди которых они жили, вдруг услышали, что эти простые израильтяне, никогда не бывавшие нигде вне Палестины, простые люди и в отношении не книжности, не учености, большею частию рыбаки, заговорили на разных языках. Люди, слышавшие их говорение на разных языках, удивлялись. Некоторые из языков были непонятны, и собравшиеся думали, что те опились вином, и оттого так странно говорят. Но апостол Петр убедил их, что в столь раннее время вино не пьют. Вот так это и было записано в книге Деяний апостольских. Нужно сказать об авторе этой книги: это апостол Лука, который написал одно из Евангелий. Надо сказать, что апостол Лука не был один из числа двенадцати, его называют апостолом от семидесяти, но тут надо иметь в виду, что наименование апостолов от семидесяти имеет отчасти условно-литургический характер. Об апостоле Луке исторически известно, что он ученик апостола Павла, что он был с апостолом Павлом. В таком случае маловероятно, чтобы он был из того круга семидесяти, который упоминается в Евангелии, хотя

в календаре церковном, в богослужебном строе Церкви он включается в этот круг семидесяти апостолов. Он из учеников апостола Павла. При опыте чтения Священного Писания Нового завета по-гречески, становится совершенно очевидно, что Евангелие от Луки и Деяния написаны одним и тем же лицом. Язык этих книг отличается от языка других книг наибольшей правильностью. Евангелие от Луки и Деяния Апостольские написаны человеком, для которого греческий язык родной. Поэтому есть предположения, что может быть он один из немногих, а может быть, единственный из апостолов из круга семидесяти, который имел не еврейское, а греческое происхождение. Но это только предположения, он вполне мог быть также и евреем греко-язычным и знавшим этот язык как родной. Выходец он определенно, как и апостол Павел, не из Палестины.

Иерусалимская христианская община

Как устроена была жизнь христианской, жизнь апостольской общины в самые первые месяцы, годы после распятия и Воскресения Христова? Христиан было немного, но, тем не менее, это были не десятки человек, потому что мы в книге Деяний видим обращение и пяти тысяч, трех тысяч. Следовательно, христианство все-таки распространилось, потому что после распятия, как известно, многие ходили, бия себя в грудь с раскаянием, хотя незадолго до этого кричали: «Распни, распни Его!» Поэтому христианство распространялось в иудейской общине. Оно воспринималось первоначально как одна из еврейских сект, а сект тогда было много. Например, наиболее известные нам фарисейская, или саддукейская, более экзотическая секта – ессеи, были и малочисленные секты. И христиане, ученики Христа, они еще не назывались так; впервые стали называться именем Христа в Антиохии. В Иерусалиме еще не носили этого названия, и ученики Христовы еще соблюдали закон; они молились ежедневно в храме Иерусалимском, они посещали синагоги, но все же важнейшими для себя собраниями они считали не те, которые были в храме или в синагоге, а те, которые они имели в собственном своем кругу. Важнейшим деянием всей жизни, которое их соединило со Христом, и переносило их из этой жизни в Жизнь Вечную, была Евхаристия, преломление хлеба, как Тела Христова, и питие вина, под образом которого они причащались самой Крови Христа Спасителя, воспоминая при этом все бывшее: Его рождение от Девы Марии, иначе говоря, Боговоплощение, Его служение, Голгофу и Его Воскресение. И это воспоминание, переживание как реальности, вечно пребывающей, а не исторической только, было содержанием всей жизни, которое вечно наполняло их. Во главе апостольской общины встал Петр, которого мы называем первоверховным апостолом. Потом же, когда апостолы ушли из Иерусалима, неся проповедь о Христе по отдаленным странам, в пределах Римской империи, и за ее пределами, общину в Иерусалиме возглавил брат Господень, Иаков. Брат не в смысле обычного брата, но родственник, то есть не брат родной – таковых у Христа Спасителя не было, но находившийся в некоем родстве со Христом. Об этом родстве есть разные предположения: что он двоюродный брат, или, что он сын Иосифа от первого тайного брака, делаются разные предположения об этом родстве, но Иаков и Иуда именуются братьями Господними. Не тот Иуда,

который предал Христа, и не Иуда из Двенадцати, а иной еще Иуда, составитель одного из посланий, помещенных в Новом Завете.

Отношение еврейской общины к христианам

Вначале в разных кругах не было определенности; сам Израиль был разделен на секты, и поскольку христиане веровали в воскресение из мертвых, во что веровали и фарисеи, то это в одних случаях встречало с их стороны поддержку. Но чем дальше, тем больше фарисеи, которые понимали закон иначе, стали видеть в христианах нарушителей закона, или разрушителей закона, предателей закона, который они очень чтили. Что же касается саддукеев, то с самого начала они были последовательными, жесткими противниками христиан, потому что саддукеи стояли во главе израильской общины. Саддукеи поддерживали хорошие отношения с римской властью, и, опасаясь возмущения и бунта в связи с распространением учения Христова, стремясь предотвратить вмешательство римских властей во внутреннюю жизнь, которая могла бы стоить садуккеям власти над израильтянами, выдали Христа на смерть. Поэтому учеников Его они преследовали сразу, а когда в синедрионе обсуждали вопрос, как быть с теми, кто проповедует учение Христа, то высказался очень замечательно один из старейшин, Гамалиил, который был из фарисеев (у которого, по традиции церковной, но, возможно, это совпадение имен, апостол Павел воспитывался). Гамалиил тогда сказал глубокие замечательные слова: «Оставьте их, если это дело от человеков, оно разрушится само собой, а если от Бога, то вы не можете его разрушить. Вспомните, как некоторое время тому назад восстал некто Иуда, увлек за собой многих, а потом, когда их стали преследовать, все разбежались, и вся эта затея рухнула. И еще одного такого восставшего привел в пример, который тоже за собой увлек сотни людей, а когда начали их преследовать, дело рассыпалось». Гамалиил сказал: давайте посмотрим, что из этого получится, потому что если это дело от Бога, вы не сможете его разрушить, бойтесь оказаться противниками Самого Бога. Это очень важные слова, которые мы всегда должны вспоминать, когда рассматриваем церковную историю. В разные периоды ее существования казалось, что она должна непременно рухнуть под теми ударами, которые на нее обрушивались. Но если применить к этим ситуациям, тяжелым и страшным, в которых оказывалась Церковь, критерий Гамалиила – если дело от человеков, то развалится, а если от Бога, то не в состоянии вы его разрушить, мы видим, что Церковь выдерживала испытания и выходила всегда из этих испытаний победительной. Гамалиил сказал, но его не послушались, и стали запрещать ученикам Христовым проповедовать Его имя. Тогда в ответ апостол Петр сказал: «Послушайте, хорошо ли это будет, бояться вас более нежели Бога. Поэтому мы не можем не исполнять повеления Божия и прекратить проповедь Его учения». За это учеников стали подвергать арестам, бичеваниям, заточениям, и чудесным образом они, с благодатной помощью, выходили из этих испытаний до времени. Но уже в Палестине, в Иерусалиме пали первые жертвы среди христиан, жертвы преследования со стороны израильской общины. Первомученик Стефан был побит камнями, потом и апостол Иаков, возглавлявший общину в Иерусалиме, был убит.

Важное решение предстояло Церкви, христианской общине, когда обратился Корнилий сотник в городе Яффе, желая креститься и стать христианином, потому что Корнилий не был иудеем. Корнилий был язычник, а первоначально проповедовали учение Христа иудеи. Этот барьер, отделяющий иудеев от язычников в сознании израильтян, и в какой-то мере для христиан из иудеев, был еще очень серьезным. В Евангелии есть только отдельные моменты, указывающие на то, что учение Христа для всех людей, и Христос пришел в этот мир, чтобы спасти всех. Особенно ясно эта тема предстает в Евангелии, когда обратилась ко Христу женщина сиро-финикиянка, или хананеянка, это примерно один народ, которая просила об исцелении ее дочери, а Господь, испытуя ее веру, напомнил ей о том, что она язычница, и сказал, что Он пришел к детям Израиля, и нехорошо, сказал Господь, давать пищу собакам прежде, чем люди ей не насытились. Она же сказала, что и псы едят крохи, падающие со стола их господ, и тогда Господь сказал: «Такой веры не нашел Я и в Израиле; иди жено, дочь твоя исцелилась». Отдельные моменты выхода за пределы израильской общины есть в Евангелии. Сотник, который был при кресте Господнем, бил себя в грудь с сокрушением, и в церковной памяти сохранился, ставший христианином. Можно привести и другие примеры из евангельской истории, когда благодатные дела Божии касались и язычников.

Апостол Петр видел сон – некую корзину с пищей, с разными птицами, в том числе и запрещенными законом, и слышал голос: заколи и ешь. Тогда апостол Петр говорил, что он никогда не нарушал закона, и не может есть то, что для израильтян скверно, потому что есть пища кошерная (пригодная), а есть пища, так называемая, нечистая, трефная пища. Но апостол Петр слышал снова: заколи и ешь. Когда он вспомнил это видение и осмыслил его, то увидел в этом указание, что падают границы, отделяющие кошерное от трефного, что все это – дела плоти, а по духу все люди – потомки Адама, все чада Божии, и все нуждаются во спасении. Господь пришел спасти всех. Сотник Корнилий был крещен, таким образом, в Церковь стали входить и язычники.

Обращение св. апостола Павла

Однако до времени язычники, приходившие в Церковь, вначале становились иудеями. Был прозелитизм и в Ветхом Завете, когда язычников принимали и в иудейскую общину, и возлагали на них бремя закона. Таким образом, первоначально, через вхождение в иудейскую общину, из язычников, принимали и в христианскую общину. Затем, чрезвычайно важное для Церкви событие – это обращение апостола Павла. Павел был не из числа «самовидцев Слова», не был из тех апостолов, которые следовали за Христом. Он не видел Христа во плоти. Он не был израильтянином из Палестины, он был из рассеяния, из диаспоры. Известен город, из которого он родом – Тарс Киликийский. Город Тарс и сейчас существует, почти на границе Турции с Сирией. В Тарсе Павел родился, причем принадлежал, по-видимому, к верхнему слою израильской общины этого города, потому что был римский гражданин уже от рождения. В книге Деяний апостольских есть такой эпизод, где содержащий его в заключении под стражей, римский чиновник говорит, что за большие деньги он купил римское гражданство. В Риме были не только римские граждане и рабы, там было

множество иных людей свободных и часто очень богатых, но не имевших римского гражданства, потому что каждый свободный человек был гражданином своего города. В Риме все свободны и почти римские граждане, если не иностранные, в том числе и нищие люди, но свободные, природные граждане. В Италии практически все свободные постепенно получили гражданство, а в дальних землях, с неиталийским населением, только самые богатые или оказавшие особые услуги римским властям, в благодарность за эти услуги получали гражданство. Вот Павел имел гражданство прирожденное, то есть уже от отца, от деда – он родился римским гражданином, так что, по-видимому, принадлежал все-таки к роду знатных. Конечно, он был человеком в высшей степени начитанным в Священном Писании, причем учеником Гамалиила, из числа фарисеев, и в то же время, очевидно, он был человеком сведущим и может быть в литературе, философии. Сам еще принадлежал и к римо-греческой культуре, писал по-гречески, все тексты написаны на греческом языке. Павел, который назывался до обращения своего Савлом, был гонителем христиан. Когда убивали первомученика Стефана, книга Деяний нам напоминает, что у его ног сбрасывали одежду те, которые совершали это убийство. Видимо, было легче метать камни, сбросив с себя верхнюю одежду. И он гнал, и преследовал, и арестовывал, и заточал в темницы учеников Христовых, и с письмами о преследованиях, он ехал в Дамаск. На пути в Дамаск с ним случилось чудесное событие. Он услышал голос: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна». «Кто Ты?», – спросил он, и узнал, что это Тот, Кого он гонит, что это Христос к нему обратился. Он был настолько всецело и совершенно уверовавшим в общение со Христом, что, как известно, стал самым ревностным и пламенным проповедником Его учения и веры в Него. Вскоре в Дамаске он явился христианам, его крестили, и он стал одним из самых усердных проповедников Евангелия, благой вести.

Собор в Иерусалиме

Книга Деяний апостольских совершенно очевидным образом разделяется на две части; первая часть, меньшая, связана с деяниями разных апостолов, по преимуществу Петра; вторая и большая часть свидетельствует о деяниях апостола Павла. Апостол Павел вместе с Варнавой стал проповедовать Христа в Сирии, в ее столице, Антиохии, в Малой Азии, где по преимуществу жили народы греко-язычные, хотя по большей части уже не греки, но эллинизированный народ. Он проповедовал и среди язычников, и тогда оказалось, что есть разная практика в том, как принимать в Церковь язычников. Когда апостол Павел. быв с учеником своим, Тимофеем, к которому он обращался в посланиях, пошел в храм Иерусалимский, то для того. чтобы не соблазнять иудеев, оставил Тимофея, который был по происхождению полуевреем и не был обрезан предварительно. Когда Павел имел дело с язычниками. вовсе не имевшими в себе еврейской крови, не происходившими от израильтян, он их не обрезывал. Он был убежден, что ветхий закон упразднен был благодатию Господа Иисуса Христа, и что закон был всего лишь детоводителем ко Христу. Слово «детоводитель» – педагог существует в христианском языке. Закон подводил народ к принятию Мессии Христа, и все

ветхозаветные обряды и установления, вся внешняя сторона закона имела только прообразовательный смысл. Скажем, для нас, христиан, обрезание библейское понимается всего лишь как прообраз пролитой крови на Голгофе. Так это понимал апостол Павел, и поэтому он не возлагал на принимающих Христа язычников бремя закона. Это вызвало споры в самой христианской среде, потому что иные христиане из евреев были в этом с ним не согласны. Сам первоверховный апостол Петр по началу считал, что язычников надо делать прозелитами, иудеями, а потом крестить. Апостол Павел поступал иначе, более радикально, он разрывает нить, связывающую христиан с иудеями, с еврейской общиной. Возник спор, между апостолами, который должен был найти решение. В связи с этим апостолы собрались в Иерусалиме, и там совершился первый известный нам апостольский собор, Иерусалимский собор в 51 году, на котором поставлен был вопрос: следует или нет возлагать на язычников, принимающих Христа, бремя закона. Ответ был: нет, не следует. Им следует говорить, чтобы они не употребляли в пищу кровь и удавленину – из всего множества сложнейших пищевых запретов Ветхого Завета. Никаких запретов на мясо животных с не раздвоенными копытами, или на рыб без чешуи, и множество иных всяких, на мясо скотов, не жующих жвачки, – все иные запреты упразднены. Только не есть крови и удавленины.

Удавленина – это значит животное задушенное. Это тоже был способ охоты, силки, арканы всякого рода, когда не стекала кровь. Кроме того, не творить блуд, и вообще, общая универсально нравственная заповедь, почерпнутая еще из Ветхого Завета – не делать другим того, чего себе не желаешь. Это заповедь универсально емкая. Потому что если не делать другим того, чего себе не желаешь, то, в общем-то, не грешишь, наверное.

Это постановление Иерусалимского собора, ставшее законом для Церкви, привело к тому, что те христиане из евреев, которые не согласились с этим постановлением, постепенно стали обособляться в особую секту. В дальнейшем, следующем уже христианском поколении, когда в Церкви совершенно исчезло разделение между обратившимися из язычников и из евреев (уже никак они между собой не отличались друг от друга), с некоторых пор перестали соблюдать ветхий закон и христиане из евреев. Так стало после подавления при императоре Веспасиане бунта зилотов в Иерусалиме. Тит разрушил Иерусалим и храм в 70 году. И когда был разрушен иерусалимский храм, то закон с его внешней обрядовой стороны, по убеждению всех христиан, перестал связывать и христиан из евреев. Тогда те христиане из евреев, которые держались за закон, обособились в секту. Исторически они так и были названы – «иудео-христианская секта». Таких сект было несколько, одна из них называлась «назореи». Впоследствии эти секты исчезли, по всей вероятности, разделились на малую часть, вернувшуюся в Церковь, и большую часть, слившуюся с еврейством. Церковь с тех пор внутри себя не знала различения на тех, кто из иудеев или кто из язычников.

Миссионерские путешествия св. апостола Павла

Апостол Павел проповедовал Христа в самых разных странах, городах, местах Римской империи. В книге Деяний апостольских можно прочитать о трех

или даже о четырех его миссионерских путешествиях. Книга рассказывает, как он поступал обыкновенно, приезжая в тот или иной город. Он обыкновенно приходил в начале в местную синагогу, и там проповедовал учение Христа. Конечно, в большей части синагог об этом уже слышали; были суждения уже до него, но чаще всего он имел в этой проповеди неудачу. В синагоге ему удавалось увлечь не многих. Тогда он обращался к язычникам, и преуспевал больше. Среди язычников оказывалось больше тех, кто с открытой душою слушал апостола Павла, слушал учение евангельское из его уст. Нужно иметь в виду особое духовно-нравственное состояние Римской империи в ту пору. Старая языческая религия Рима умирала, превратилась в социальный, почти политический институт, в большей мере, чем оставалась живой религией народа. Видимо где-то в местах глухих, сельских, деревенских язычество еще сохранялось со своим прежним значением. Однако в иной среде обычным было распространение неверия и скептицизма, а, кроме того, та часть общества, которая была особенно хорошо образована, увлекалась философскими идеями, неоплатонистическими схемами, где божество присутствует, но теоретически, умозрительно. Не как субъект или объект живого религиозного почитания. В Римском обществе было и большое увлечение восточными культами.

На этих путях, конечно, многие увлекались оккультизмом, но в этой среде были люди, способные услышать проповедь апостола Павла, проповедь о Христе. Кроме того, Римская империя была поработительницей сотен народов. Это была империя, где были огромные латифундии из рабов. Эти рабы, порабощенные народы, жаждали освобождения, стремились к свободе, но апостол Павел им проповедовал учение не об освобождении в здешней, земной, краткосрочной жизни, а освобождение из уз греха и смерти для жизни вечной. В этой среде рабов проповедь апостола Павла тоже находила живой отклик. В одном из своих посланий он пишет: «Немного среди нас знатных, немного богатых, немного мудрых, но Бог избрал немудрое мира сего для того, чтобы посрамить мудрость человеческую». Еще он говорит: «Мы никому не известны – но нас узнают, мы нищие, но всех обогащаем, мы мертвые, но даруем жизнь». Вот такие контрастные характеристики общины проливают свет на то, что в общине преобладали люди самые простые и по мирским меркам последние. Однако хорошо известно, что христиане уже в первом столетии были и среди знатных, и среди сильных мира сего и в самом императорском дворе. Особенно среди женщин. Христианские общины появились во всех значительных городах Римской империи. Апостол Павел пишет послания к Римлянам, Коринфянам, к Фессалоникийцам, к Филипийцам; (Фессалоники и Филиппы – города европейской Греции), к Ефесянам, Колоссянам – это побережье Малой Азии. Христианские общины появляются и в Египте, и в Карфагене в Африке. Во втором столетии уже определенно в разных городах Галлии существуют христианские общины. У римского историка Светония, автора жизнеописания цезарей, есть упоминания о том, что император Клавдий изгнал евреев из Рима. Это было в середине первого столетия, прошло лет пятнадцать-двадцать после распятия Христа. Почему же для нас важно обратить на это внимание? Потому что среди них были смуты из-за споров о некоем Христе. Поэтому мы видим, что

христианская община существует в Риме. В еврейской среде эта тема вызывает самые энергичные споры, разделения. Они приобретают опасный для правительства характер общественных споров, и император высылает всех евреев из Рима в связи с ними.

Положение христианских общин за пределами Палестины в разных городах Римской империи

Систематические гонения на христиан обрушились позже; законодательство, преследующее христиан, появилось только в начале второго столетия. Однако фактически гонения на христиан имели место в Римской империи уже в самом начале существования христианской общины. Самые свирепые гонения в Риме обрушились на первых христиан при императоре Нероне. Что тогда произошло? Пожар в Риме. Одна из версий, очень распространенная, что Рим поджег сам Нерон. Это была личность чрезвычайно своеобразная, наверное, патологическая, можно сказать аморальная. Кровосмесительная связь с собственной матерью и ее убийство, причем не просто матери, а той, которая самыми изобретательными и преступными интригами возвела его на престол. Публичный на весь город праздник, связанный с его женитьбой на некоем юноше Споре, после чего в Риме возникла очень остроумная поговорка: какое было бы счастье для Рима, если бы у отца Нерона был такой же брак, как у самого Нерона. Император Нерон, конечно, мог поджечь Рим. Он был еще человеком с эстетическими пристрастиями, поэт, может быть, музыкант, и версия такова, что он мог просто насладиться зрелищем этого пожара грандиозного, прекрасного, великого города. Но есть и другая версия, может быть, более реалистичная: пожар возник помимо Нерона, не он поджег Рим, но народная ненависть к нему была так велика, что обвинили в поджоге его. Тогда Нерон должен был найти других виновников пожара Рима, и христиан обвинили в поджоге. Их арестовывали и предавали казни. Был бой зверей, были гладиаторские бои, и христиан отдавали на растерзание зверям, не где-то в темнице, а это было народное зрелище, это было представление, народ на трибунах наблюдал за этим. Народная молва обвиняла христиан в изуверском культе, в темных и преступных деяниях. Таинство Евхаристии простой народ объяснял в буквальном смысле, что на собрании христиан происходит питие человеческой крови, они кого-то убивают, видя в нем таинственно продолжающегося Бога, Христа, и пьют его кровь, и едят его тело. Так, в виде каннибализма, людоедства народная темная масса римского общества, представляла себе христианское таинство Евхаристии.

Основание христианских общин апостолами

Вот что происходило тогда в середине первого столетия в Риме. Тем не менее, какой стремительный рост христианской общины! За двадцать лет до этого – маленькая группа учеников Христовых, а потом уже огромный след в истории по человеческим меркам. Римская империя, великие римские императоры, так или иначе, вынуждены в своих политических действиях учитывать факты присутствия христианства. Однако христианская проповедь велась и за пределами Римской империи. Это не отражено в Священном Писании, в Деяниях Апостолов, тем не менее, жития апостолов до нас доносят

сведения о том, что проповедь Христа уже в первом столетии, при жизни апостолов, велась и в Иране, и на Кавказе (Симона Зелота почитают как апостола Грузии, например, Грузинского Приморья, Абхазии), в Эфиопии и Индии. Правда, трудно сказать, имеется ли в виду настоящая Индия, иногда Индией называли ту же самую Эфиопию, и просто южные страны. Но, тем не менее, апостол Фома традиционно почитается апостолом Индии. Апостол Андрей проповедовал не только в грекоязычном Причерноморье, то есть на южном побережье Черного моря, но также и на его северном побережье, где жили также и варвары, имеющие отношение к нашим предкам. Мы знаем историю пребывания апостола Андрея далеко на севере от Черного моря. Таким образом, христианские общины создавались и за пределами Римской империи, в разных отдаленных странах.

Устройство раннехристианской общины

Первоначально апостолы из Двенадцати, среди них первоверховный апостол Петр. Потом они рассеялись, разошлись по разным странам, и только одни из общин возглавлялись самими апостолами. Были и другие общины, в которых уже не могли пребывать апостолы, и они ставили на возглавление этих общин епископов. Впоследствии, когда из этой земной жизни ушли и апостолы, епископы поставлялись уже самими епископскими соборами. Епископы были преемниками апостолов. У епископов и апостолов были помощники. Из церковной истории мы знаем, что это были пресвитеры, но были и помощники особого рода, которые по преимуществу занимались служением стола, то есть занимались попечением о земных нуждах христианской общины. Это были диаконы. О поставлении семи диаконов повествует книга Деяний апостольских. Христианский первомученник за веру Стефан из этого собора.

Были ли диаконы в числе семи, теми же что и позднейшие диаконы, современные диаконы? Служение было особого рода, не совпадающее с тем, какое совершали в позднейшие времена диаконы, в богослужениях. Во всяком случае, они упомянуты. Таким образом, все три степени священства, которые Церковь имеет и сейчас, епископское, пресвитерское и диаконское, возникли уже при начале церковной истории в век апостольский. Поэтому оно почитается за Богоустановленное. Была ли некая церковная организация, которая бы связывала отдельные христианские общины подчинением одних другим, как это существовало в позднейшие времена, когда над епископами были митрополиты, над митрополитами потом патриархи? В строгом смысле такого соподчинения общин в апостольский век очевидно не было. В то же время, безусловно, что общины, которые возглавлялись лично апостолами, имели несравненно больший авторитет, чем те, во главе которых стояли уже поставленные апостолами епископы. Кроме того, особым авторитетом пользовались и общины более многочисленные, существовавшие в больших городах – в Дамаске, в Антиохии на Востоке, в Коринфе, Риме, Александрии, Ефесе, – крупнейшие города того времени. В особом, исключительном положении была Иерусалимская община, о существовании которой после разрушения Иерусалима мало что известно, но во времена апостола Павла к ней были обращены воспоминания христиан, и особая забота в разных городах Римской империи. Апостол Павел в разных общинах

организует сбор помощи, милостыни для находившихся в особо трудном положении христиан Иерусалима. Это было постоянным занятием христианских общин, в рассеянии существовавших.

Христиане собирались на богослужения обыкновенно в частных домах. Евхаристия совершалась, вероятно, каждодневно. Совершенно определенно, что она совершалась в день воскресный. Воскресный день был особенным, днем воскресения Христа, днем, который следовал за субботой, и этот первый день недели воспринимался не только как первый день, но и как восьмой день. Восьмой день в семидневном кругу самим своим существованием, самой своей выделенностью служил символом вечной жизни, жизни, не подчиненной закону времени.

В древнехристианской общине совершались все Таинства, которые мы знаем сейчас, но не совсем так, как они сейчас совершаются. Например, Таинство Миропомазания, Таинство дарования Святого Духа совершалось через возложение апостольской или епископской руки. Таинство Брака не было венчанием брачным, это уже гораздо более поздний институт, а совершалось через епископское благословение на брак. В христианской общине появилось Священное Писание из предшествующего Священного Предания о земной жизни, распятии и Воскресении Христа.

Важный вопрос: как христиане относились к еврейству и Ветхому Завету в целом? Христианская община, следуя словам Христа Спасителя, о том, что Он пришел исполнить закон, а не нарушить, восприняла все Священное Писание Ветхого Завета как свои священные книги. Таким образом христианская община рассматривала себя как естественное продолжение ветхого Израиля, поэтому христиане называли себя новым Израилем, а те иудейские общины, которые не приняли учение Христово, полагали уклонившимися от истины. Вследствие этого появилось такое наименование – лжеименный Израиль, то есть Израиль, который не узнал день своего посещения. Из этого вытекало для некоторых из христиан и радикальное отвержение не только Израиля, существовавшего тогда отдельно от Церкви в виде разнообразных фарисейских общин или саддукейских и ессейских, но и самого Ветхого Завета. Это учение выразилось в сочинениях Маркиона. Они до нас не дошли, но в изложении учение Маркиона хорошо известно из книги «О ересях» св. Иринея Лионского, древнехристианского писателя второй половины второго столетия. Учение Маркиона было отвергнуто Церковью. Маркион представлял собой одно из направлений в гностицизме.

Гностические ереси

В ту пору в первом столетии, потом в первой половине второго столетия, распространение получили разнообразные религиозно-оккультные синкретические секты, которые развивали учение, представлявшее собой смешение совершенно разных религиозных и философских традиций. Это называлось «гностикой» или «гнозисом», от слова «знание», «познание», потому что в этом была претензия на познание истины, бытия, Божественного или человеческого, истинных знаний о происхождении мира и о конечной его судьбе. В гностицизме, в таких разнообразных материалах, в сплаве представлены традиции, идущие от философского неоплатонизма, от различных по

преимуществу оккультных парарелигиозных учений Востока, есть и псевдохристианское течение. Причем по происхождению гностические общины не связаны были с апостольской общиной, они не имели преемства от апостолов. В свою очередь св. Ириней Лионский, отделяя ереси и секты от Церкви, особенное значение придает фактору преемства. Известны имена ересиархов, Валентина, Василида, Маркиона с его своеобразным крайне негативным отношением к Ветхому Завету.

В гностической среде возникли и апокрифические Евангелия, не только иная литература, которая в основном была уничтожена и сохранилась в изложении св. Иринея Лионского. Это Евангелия от Петра, от Фомы, от Иакова, они возникли в гностической среде, и представляют собой сочинения на тему евангельских историй. Вовсе не исключено, что в этих Евангелиях апокрифических содержится и некая достоверная информация, сведения о жизни Христа. Однако писали их люди не Богом вдохновленные. Там если и есть истина, то перемешанная с ложью, и вычленить из них то, что должно быть в действительности сказано и сделано Христом, представляет большую трудность. Наше церковное Предание о жизни Богородицы Приснодевы Марии имеет в значительной мере общий источник с апокрифической книгой «Евангелие от Иакова». Из апокрифических Евангелий возникли многие идеи и фантастические или более достоверные истории, отразившиеся в Коране.

Тема 2. Церковь в эпоху гонений

Эпоха гонений на Церковь во втором – третьем и начале четвертого столетия для будущего Церкви имела решающее значение. К концу первого века относительно малочисленная Церковь распространилась по Римской империи и по странам за пределами империи, но к эпохе императора Константина стала важнейшей проблемой для Римского государства. Когда император Константин даровал свободу христианам через издание Миланского эдикта в 313 году, число их в империи составляло примерно десятую часть. Это примерно пять миллионов из пятидесяти миллионов. При этом все человечество тогда исчислялось в двести миллионов – Римская империя составляла примерно четверть мира. Христианство в империи было распространено неравномерно, составляя в Малой Азии до половины всего населения, это была самая христианизированная часть империи. И, кончено, христиан было крайне мало на дальнем западе империи, на Британских островах, в Германии, которая входила в состав империи.

Гонения со стороны Римских властей

Второе столетие существования Церкви начиналось ужесточением гонений. Гонения на христиан со стороны римских властей носили в первом веке характер не систематический, они были жестом, направленным на угождение темным страстям толпы; суеверный римский народ подозревал в христианах страшных злодеев, занимающихся колдовством, и даже обвинял их в каннибализме. Было удобным в моменты каких-то потрясений обвинить во всем христиан, что особенно проявилось при императоре Нероне, но, впрочем, и при императоре

Домициане. Сам языческий народ, помимо властей, христиан не любил и преследовал. Однако во времена императоров Антонинов, так называют династию, к которой принадлежали Траян, Адриан, Антоний Пий, Марк Аврелий, который был философом, гонения на христиан были поставлены на юридическую почву. С одной стороны, из общей системы римского права проявляется юридический характер этих гонений. С другой стороны, на это проливает свет переписка Плиния Младшего, римского писателя, географа и одновременно высокопоставленного провинциального чиновника, с императором Траяном. По отношению к христианам Плиний в своей провинции принимал меры, которые вызвали полное одобрение со стороны Траяна. Император, в тон этих мер, что принимал Плиний дает указания, что разыскивать христиан специально и намеренно не следует, как не следует и принимать доносы, но если обвиненный обнаруживает себя христианином, то ему нужно предложить снять обвинение, неважно, был он или не был ранее христианином – надо показать, что он чтит римских богов. Если обвиняемый это сделает, то он свободен, прежнее христианство ему не вменяется, а если он откажется это сделать, то подлежит смертной казни.

Христиане преследовались не в строгом смысле как иноверцы, потому что Рим был весьма терпим в религиозном отношении. Языческие культы покоренных народов легко вводились в общегосударственный культ, и так сказать, дополняли пантеон. Само римское язычество было с момента, со времени завоевания Греции как-то так отождествлено с греческим. У всех римских божеств нашлись эквиваленты в греческом пантеоне. Боги восточных религий также включались в этот пантеон. Однако римский культ носил характер официальный и государственный; вопрос личного исповедания, личной веры римское государство не интересовал, но доказательством лояльности римскому государству было участие в общественном культе. Это требование приобрело особенно острый характер, прямое соприкосновение со сферой гражданской верности, со сферой политической, когда стали причислять к лику богов римских императоров. Уже первый цезарь был объявлен богом, и Август был объявлен богом – эта традиция утвердилась. Известна шутка императора Веспасиана, когда он был при смерти, и уже стало ясно, что он не выживет, он присутствующим у его одра сказал: кажется, я начинаю становиться богом.

Когда в этот культ включены были императоры, почитаемые как боги, проявление верности римскому государству особенно подчеркивалось участием в культе. Только это одно и было важно. И в этом отношении христиане оказывались государственными преступниками. Причем нужно сделать уточнение: в римском культе, языческом культе принципиально не участвовали евреи. Если вспомнить Ветхозаветные книги, книги Маккавеев, то греческие власти после завоевания Палестины пытались навязать языческий культ евреям. Это вызвало войну, и сопротивление, в конце концов закончившееся полууспехом. Римские власти, когда они подчинили Палестину, проявляли большую мудрость, политическую терпимость, и уже не пытались заставить евреев участвовать в официальном языческом культе. В Риме почитали обычаи народов, и убедившись, что почитание евреями Бога Яхве, исключающее

почитание других богов, это древняя национальная традиция евреев и она уважалась; такую привилегию евреи имели в империи. Поначалу и на христиан смотрели как на одну из еврейских сект. Известно, что не систематические гонения на христиан были в первом столетии, но они не имели законодательной базы и это потому, что тогда еще по преимуществу видели в христианах одну из сект еврейства. Во втором столетии стало совершенно ясно, что христианство иная религия, что среди христиан те, которые были евреями по происхождению, совершенно ассимилировались и не держались за еврейство. Множество христиан были выходцами из римлян, греков и других народов, входивших в состав Римской империи, и римские власти стали ясно понимать, что на христиан распространять льготу, не принуждать их к участию в официальном государственном культе, нет оснований. Они не евреи, христианство это религия иная и не древняя, а появившаяся совсем недавно. Тот, Кого чтут христиане, был почти современником сложившейся незадолго до этого Римской империи. И тогда возникло отношение к христианам, что отказом участвовать в римском государственном культе, они выражали свою нелояльность к римскому государству, за что подлежали смертной казни как государственные преступники.

Была ли какая-то форма законного существования христианских общин? Да, была. Поскольку общие указания со стороны императора Траяна и его преемников заключались в том, чтобы специально христиан не разыскивать, а застигнутых как христиане, отказывающихся участвовать в культе, наказывать, то преследованию они подвергались время от времени. Конечно, христиане существовали незаконно. Однако законно они могли быть в катакомбах не как христиане – дело в том, что в Риме, с одной стороны, с большим уважением относились к людям, профессией которых было погребать мертвецов, а, с другой стороны, это было своеобразное отношение, потому что эти общества, коллегии могильщиков пользовались различными льготами. В то же время они были не престижными. В эти коллегии люди, принадлежавшие к высшим сословиям, не входили, и поэтому они не находились под контролем и надзором правительства. Римское государство в отличие от современного европейского права, не одобряло всякого рода частных коллегий. Любая коллегия должна была иметь элемент публичности, так чтобы государство везде могло присутствовать. Все должно было быть публичным, общественным, государственным, но кроме коллегии могильщиков, где государство как бы устранялось. Поэтому христиане часто существовали законно как христианские общины в виде коллегий могильщиков. Поскольку христиане решительно отличались и от язычников, и от евреев, с особенным почетом относились к останкам своих братьев и с особым благоговением к мощам мучеников, пострадавших за Христа, это занятие было естественно, соответствовало в общем умонастроению христиан. Поэтому христиане имели возможность приобретать имущество, но не под именованием христиан.

Гонения обрушивались на Церковь периодически. Если иметь в виду первую половину второго столетия, когда сложилась юридическая система преследования христиан, то это было более или менее равномерное давление на

христиан. Однако оно обостряется во второй половине второго века. Император-философ Марк Аврелий, которого историческая наука гуманитарного направления обыкновенно ставит очень высоко не только как философа и писателя, но и как правителя, усваивает ему всяческую гуманность, был более жестким гонителем христиан, чем его предшественники, принадлежавшие к одной династии. После Марка Аврелия накал этих гонений спадает. Затем, в начале третьего столетия, при императоре Каракалле, потом при императоре Септимии Севере обостряются гонения, но опять спадают при императоре из династии Северов Александре. Эта династия была африканского происхождения. Некоторые историки сделали такое наблюдение: чем больше императоры сознательно относились к благу римского государства, больше о нем заботились, тем более они склонны были гнать христиан. Это потому, что в самом существовании Церкви, христианских общин видели самую опасную болезнь Римской империи. Те императоры, которые наиболее заботились о своем личном интересе, те снисходительнее относились к христианам, потому что их меньше волновали проблемы римского государства.

Иногда можно обнаружить: в эпоху, когда римский официальный культ, оставался живой религией для простого народа, для сельских жителей, но перестал быть живой религией для образованного римского общества, распространился интерес к восточным религиям. Императоры, проявлявшие интерес к восточным, мистически насыщенным религиям, например, к египетскому культу Озириса, Изиды, к культу Митры, – эти императоры склонны были с благожелательным интересом относиться и к христианству, которое тоже воспринималось ими как один из мистических восточных культов, идущий вразрез со всей духовной системой Римской империи. Те императоры, которые стремились в чистом виде к римскому началу, проявляли жесткую нетерпимость к христианам, их интересовало процветание и мощь империи. Те же, которые думали о вечности, готовы были с пониманием, с интересом посмотреть на христиан. Поэтому об Александре Севере известно, что он даже расширив круг, пантеон богов, почитаемых официально, в своем дворце поставил и статую Христа, но среди прочих богов – это не значит, что он стал христианином.

Очень сильные гонения обрушились на Церковь в середине третьего века, при императоре Декии. Это было кратковременное царствование, но Декий пытался сломить Церковь. Если раньше была кратковременная волна гонений, то Декий перед возможностью широкого распространения христианства, особенно в Малой Азии, увидел в христианах не просто одну из многих локальных проблем, а главную проблему. Поэтому он прямой своей целью поставил разрушить, уничтожить Церковь. Пролилось много христианской крови. Однако в начале, первой половине третьего столетия, которая протекала для христиан сравнительно спокойно и когда число христиан значительно увеличилось, особенно в Малой Азии, оказалось, что среди христиан уже было много людей нестойких. Во времена гонений императора Декия были случаи отпадений христиан. Если до Декия это было исключительным явлением, то при нем это стало явлением жизни. Перед Церковью встал вопрос о падших. Одни

высказывались за крайнюю нетерпимость по отношению к павшим, считали, что им нет возврата в Церковь. Другие проявляли безбрежную к ним терпимость, то есть принимали их как ни в чем ни бывало. Церковная линия была тогда средняя: на падших смотрели как на падших, подвергали их прещениям, в течение долгих лет отказывались их принимать как полноправных христиан, то есть их лишали причастия на долгие годы, но все же не отказывали им в возвращении в Церковь. В конце концов, их прощали и примиряли с Церковью.

Это явление повторилось и после императора Декия. После него императором стал Филипп Аравийский, который относился к христианам благожелательно при том, что основные римские законы не отменялись. Юридически сохранялись законы, подвергавшие христиан смертной казни, но они не применялись, и существует предположение, что Филипп сам был христианином.

Гонения Диоклетиана и его приемников.

Церковь пользовалась относительным покоем до начала четвертого столетия, а в начале четвертого столетия был повторен опыт Декия, причем с большим размахом. Однако это была уже последняя со стороны языческого Рима попытка уничтожить Церковь при императоре Диоклетиане. Историки, которые очень высоко ценят идею Рима, Римской империи очень высоко ставят Диоклетиана, как одного из самых великих правителей империи. Он двадцать лет управлял империей, сохраняя прежнюю, относительную терпимость в отношении христиан. В начале четвертого века, когда по разным причинам, в частности и по экономическим, резиденцию Диоклетиан переместил из Рима, который все более приходил в упадок, в Никомидию, то он оказался на территории Малой Азии уже основательно христианизированной. И это общество, которое не почитало за высочайшую ценность римское государство, римскую идею, окружило его. Он проникся идеей необходимости для спасения империи истребить христианскую Церковь и начал самые страшные гонения. Однако сам захлебнулся во время этих гонений, потому что христиане уже охватили все сферы государственной жизни. Христиане были сенаторы, христиан было много в армии, христианами часто были жены самых высокопоставленных чиновников Римской империи, христиане присутствовали в императорском дворе. И насколько могли, пользовавшиеся влиянием христиане, ответили на эти гонения стремлением прекратить эту компанию. Это приводило к тому, что разлаживался государственный аппарат. В конце концов император Диоклетиан счел необходимым, сохраняя общеимперский центр, разделить империю на части, во главе которых стояли бы его соправители. Поэтому при нем были августы и цезари – это монархи, но все же иерархически подчиненные высшему среди них. Таким образом он к высшей власти в империи призвал других лиц – Максенция, Галлерия, Константина Хлора, отца св. Константина, супруга которого, св. Елена, была христианкой. Поэтому Константин Хлор иначе относился к христианам, чем Диоклетиан. Сам Диоклетиан оставил императорский престол. Галлерий попытался развязать еще более жестокие преследования христиан, но в конце концов пришел к выводу, что все тщетно, ничего не получается. И в 311 году, еще до издания Миланского эдикта, уже

император Галлерий, и отец Константина, Константин Хлор, решили прекратить гонения и даровать христианам свободу. Правда, это еще не была полноценная свобода, равноправие, но уже был знак возможности законного существования для христиан. Приблизился канун совершенно новой эпохи в истории Рима, в истории мира, в истории Церкви. Вначале Церковь получила свободу, христиане равноправие с язычниками, а потом сама империя стала христианской.

В эти два с лишним столетия Церковь среди своих святых почитает сонмы мучеников, которые проливали кровь за Христа. Среди них мученики воины. Армия, как часть государственного аппарата, в особенности строго контролировалась на верность ее государству, поэтому в армии обнаружение христианина влекло за собой либо требование отречься, либо немедленную смертную казнь. Поэтому св. вмч. Георгий, св. Феодор Стратилат, а Стратилат – это значит не просто воин, а военачальник, св. вмч. Димитрий Солунский и ряд других святых мучеников – это воины.

Это также святые жены, или девы, пострадавшие за исповедание Христа. Такие как св. вмчц. Екатерина, св. вмчц. Варвара, принадлежавшие к кругу знатных и состоятельных граждан Римской империи. Вмчц. Екатерина была из Египта, Варвара – из Финикии.

Среди христиан, проливших свою кровь, есть и церковные учители, и христианские писатели, епископы. Священномученик Климент Римский, один из первых епископов Рима, автор посланий к римлянам, которые древняя Церковь иногда включала в состав самого священного канона, в число священных книг. От священномученика Игнатия Богоносца сохранилось одно послание, но это послание необычайной силы. Он на пути к страданиям, его везут туда, где он должен принять смертную казнь. Ему удалось отправить своим братьям это послание, в котором он изображает свою радость, что ему предстоит пострадать за Христа.

От рук гонителей христиан пали и такие христианские писатели, как Иустин Философ, в середине второго века, священномученик Поликарп Смирнский, около середины второго века, он в ту пору был почти столетним старцем. Он, как известно из истории Евсевия Кесарийского, воспитывался в детстве возле апостола Иоанна Богослова. Поэтому через Поликарпа Смирнского христианская письменная традиция возводит нас прямо к временам апостольским. Он был сожжен на костре и тоже принял смерть с готовностью, с радостью, стремясь пострадать за Христа, отвергал всякие попытки его как-то выкупить или иным образом избавить от смерти. Во второй половине второго века пострадал Ириней Лионский, один из учителей Церкви; в середине третьего столетия – священномученик Киприан Карфагенский.

Христианская письменность этой эпохи включает в себя на раннем ее этапе писания мужей апостольских, прямых учеников апостолов, следовательно, и священномученика Климента Римского. Известно, что местом его ссылки был Херсонес Таврический. Священномученик Климент был в каменоломнях среди рабов, но там образовалась христианская община, и там он был утоплен.

Священномученик Поликарп Смирнский был епископом города Смирны, а священномученик Игнатий Богоносец был епископ города Антиохии. Его

называли Богоносцем потому, что есть предание, что он был носим на руках Спасителя.

Первые христианские апологеты

В середине второго столетия христианские древние памятники – это в основном сочинения апологетов. Сохранились сочинения Кадрата, Афинагора, Аристида – грекоязычные, а латиноязычные – Минуция Феликса. Языком древней Церкви был по преимуществу греческий; и так оставалось и в эпоху Вселенских соборов. Империя была разделена на две части: на востоке господствовал греческий язык, на западе – латинский, при этом в империи жили люди, родным языком которых был ни тот, и ни другой: на востоке – сирийцы, армяне, в Египте – копты, на западе – германцы, иверы, галлы. Сирийский язык, коптский язык – это были письменные языки в эпоху Рождества Христова, как и еврейский язык. При этом языком государства, языком империи даже тогда, когда столица империи была на Босфоре, когда столицей стал новый Рим, Константинополь, оставалась латынь. Правительство во времена Юстининана Великого в шестом веке официально употребляло латинский язык. Он был языком двора, правительства, армии вплоть до императора Ираклия в седьмом столетии. Только в седьмом столетии империя переходит на греческий язык, потому что запад либо уже совершенно потерян, либо там остались только островки от империи. Там были варварские государства, королевства, и только в Италии островки, Рим довольно еще долго оставался под властью императора. Империя до сих пор употребляла латинский язык, государственный и христианский тоже. В это время Церковь, по преимуществу, употребляла греческий язык. Например, Ириней Лионский, его кафедра – Лион, естественно, это сфера латинского языка, но писатель он грекоязычный. И епископы Рима, как писатели, по преимуществу во втором, третьем столетии были грекоязычные.

Иустин Философ наиболее известный из апологетов. Апологетическая литература была тогда двух направлений: одно – это апологетика мировоззренческая, религиозно-философская апологетика, то есть полемика с философией языческой, античной, с философской классикой, а также полемика с иудейской, еврейской религией, не религией Ветхого Завета, а с той формой, которую она приобрела уже после разрушения храма и возникновения христианства. Другое направление – апологетика, направленная на юридическую защиту, на доказательства неосновательности обвинений против христиан. Апологетика этого рода была адресована императорам. Иустин Философ писал в обоих направлениях. Он написал две Апологии и еще несколько сочинений; среди них – «Беседа с Трифоном иудеем». Иустин Философ, пользуясь своими обширными знаниями различной литературы того времени, написал: христиане обычно доказывают, что Христос – это и есть обетованный пророками Мессия, которого евреи Ветхого Завета ожидали и который пришел. Это его Апология религиозно-философского характера. В своей Апологии политико-юридического характера он доказывал, пытался убедить императоров и языческие власти империи в том, что христиане – добрые граждане Рима. Они верны Риму, обладают всяческими добродетелями, самоотверженные граждане, готовые пострадать, отличающиеся совершенной честностью, не склонные к тому, чтобы

использовать служение в интересах своей личной выгоды, что они верны императорам как политическим руководителям страны, что они молятся за императоров несмотря на то, что те преследуют христиан и не разделяют христианского вероучения. Он убеждал императоров посмотреть иными глазами на христиан и прекратить гонения. Однако в целом отношение к христианству было нетерпимое, и сам Иустин Философ закончил свою жизнь как мученик.

Св. Ириней Лионский

Следует назвать еще такого богослова, которого именуют одним из отцов Церкви, Иринея Лионского. Ириней Лионский написал труд «О ересях», из которого мы знаем о гностических ересях. Важна мысль, которую он постоянно повторяет в своем труде – мысль о важности апостольского преемства. Помимо богословских, логических аргументов против ересей, он еще утверждает правоту православных общин и несостоятельность общин еретиков-гностиков тем, что православные или кафолические общины имеют преемство через их предстоятелей, епископов, восходящее к апостолам и самому Господу Иисусу Христу. Он говорит, что Господь Иисус Христос избрал апостолов, а апостолы поставили епископов, и епископы затем преемственно ставили епископов, так что в Церкви через это апостольское преемство сохраняется Священное Предание, которое Сам Господь Иисус Христос преподал Своим ученикам. В то время как гностические общины возникают как самодеятельные общины, просто некие кружки по интересам, где интересуются учением Христа, Евангелием, но и излагают его очень своеобразно. Что же касается апостольского преемства, то есть две разных идеи: одна идея – преемства, иногда историки Церкви называют это «топологическим преемством», то есть связанное с Церковью, с кафедрой, с городом – это Церковь Рима, которая через череду епископов Рима восходит к апостолу Петру; Церковь Антиохии, которая через череду епископов Антиохии, через Игнатия Богоносца восходит к тому же апостолу Петру. И другая идея – преемство персональное, кто кого рукополагал, и наконец все это восходит ко Христу. У самого св. Иринея Лионского более сильный акцент делается на преемство топологическое – преемство епископов, занимающих кафедру.

Сочинения Оригена

Исключительно влиятельным христианским писателем был Ориген, писатель второй половины второго века, и начала третьего века. Он писал толкования на Священное Писание. Написал он гораздо больше, чем сохранилось, и был он настолько интеллектуально продуктивен, что за ним записывали. Ориген оказал большое влияние на отцов Церкви четвертого столетия – свт. Афанасия Великого, свт. Василия Великого, свт. Григория Богослова и свт. Григория Нисского в особенности. В то же время в учении Оригена были некоторые элементы, которые расходились с православным учением, со Священным Преданием, так что впоследствии пятый Вселенский собор осудил Оригена. Он особенное внимание уделял проблеме тринитарной, то есть учению о Божественной Троице. Скажем, разделяя учение о Божественной Троице, он в таких терминах говорил о Божестве Сына, что из его рассуждений не вытекала мысль о совершенном равенстве Сына Отцу, что потом свт. Афанасий Великий назвал «единосущием». Ориген особенно настаивал на

термине «образ Отца», «отражение Отца», как бы некий зеркальный образ. Он рассуждал, что так соотносятся Сын и Отец – как отражаемый в зеркале и образ отражаемого. Это называется субординационизмом, то есть Сын ставится в положение несколько приниженное по отношению к Отцу. Однако главная причина его последующего осуждения на Пятом Вселенском соборе заключается в других идеях. Он разделял учение об апокатастасисе, то есть о всеобщем восстановлении, о спасении всех. Однако и это не самое опасное, потому что это учение после него разделял и один из отцов Церкви – свт. Григорий Нисский. Худшее в учении Оригена, и за что собственно он был осужден как еретик, это учение о предсуществовании душ. Он считал, что души человеческие сотворены при начале творения. Не так как мы это представляем, что душа рождается вместе с телом. Ориген начало существования души человеческой возводит к самому акту творения, а сам акт творения рассматривает в философски-сложном плане: с одной стороны, это акт творения мира, а с другой стороны, до акта творения нет времени, и в Божественной мысли весь мир уже присутствует. Поэтому это называется идеей о предсуществовании душ. В рождении человека Ориген видит некое ниспадение души в косную плоть, что явно сближает его и с отдельными гностическими идеями. И несмотря на то, что Церковью он осужден, но сочинения его не уничтожались, и известным авторитетом они всегда пользовались.

Один из выдающихся латиноязычных христианских древних писателей – Тертуллиан. Тертуллиану принадлежит мысль, которая давала повод антихристианским полемистам показывать нелепость христианства. Он сказал: верую, потому что абсурдно. На самом деле его слова исполнены глубокого смысла. Он говорит: то, что совершил Христос, лежит за пределами естественной способности человеческого постижения. Это абсурдно в смысле сверхрационально, а не вмещается в плоскую рациональную логику. Ему принадлежит и другой замечательный афоризм, который христианская литература постоянно повторяет, о том, что кровь мучеников – семя Церкви. Но о Тертуллиане известно, что в конце жизни он оказался впадшим в монтанистскую ересь.

В середине третьего столетия из числа латиноязычных писателей особенно значительным был свщмч. Киприан Карфагенский. Он был предстоятель Карфагенской церкви, Африканской Церкви. Священномученик Киприан трудился во времена гонений Декия, обрушившихся после относительного спокойствия. Христиане, которые входили в его общину, а также зависящие от него пресвитеры, епископы, по-разному повели себя во время гонений. Были отпавшие от Церкви, были полупадшие. Отпавшие – это значит павшие по страху. Полупадшие – называемые либеллатики, не совершали языческих жертвоприношений. Что собственно требовали от христиан, чем они могли спасти свою жизнь? В иных случаях требовалось прямое отречение от Христа. Например, Поликарпу Смирнскому сказали, чтобы он либо похулил Христа, либо он будет казнен. Он сказал: «Восемьдесят пять лет я пользовался всякими благодеяниями от Него, так зачем же вдруг я стану Его хулить?» Однако часто этого не требовалось. Достаточно было просто покадить перед изображением

богов, и все. Для христиан это было вероотступничество. Так на чем же держалось это упорство христиан, убеждение в том, что это вероотступничество, это совершенно невозможно? На том, что им предстоит в каждом таком случае выбор: быть со Христом и значит, выстоять до конца, либо поступить иначе, прибегнув ко лжи. От них не требовалось, чтобы они изъявляли искренность своего почитания, а всего лишь совершили эту жертву. Но это было бы жестом падения. В этот важнейший жизненный момент, момент испытания верности Христу, они бы избежали сораспинания со Христом, прибегнув ко лжи и тем омрачили бы образ христианина в глазах народа. Христиане стремились всех привести к познанию истины. Бывало так, что стояние в истине вызывало желание подражать им. Народ, видевший, что могут претерпеть христиане, убеждался в том, что они обладают чем-то таким, ради чего не жалко пожертвовать жизнью, и это людей подталкивало к принятию христианства. Поэтому христиане не могли этого сделать. В свою очередь либеллатики несколько формально смотрели на важность не совершить каждения фимиамом перед языческими статуями. Они не делали этого, но подкупали чиновников и те им давали справку, что они будто каждение совершили. Вот таких называли либеллатиками. Наконец, многие христиане выбирали такой путь – бежали. Сам священномученик Киприан, впоследствии принесший себя в жертву Христу, то есть был замучен за Христа, во время гонений Декия оставил Карфаген. Вместе со своей общиной он скрывался. Поэтому в Африканской Церкви возник вопрос о падших. Священномученик Киприан Карфагенский определенно и ясно учил, что как совершившие воскурение фимиама перед идолами, так и либеллатики совершают церковное преступление, совершают тяжкий грех. Однако они могут быть приняты в Церковь в результате покаяния и при условии временного запрещения причащения. Те же, которые бежали, скрылись от гонений, не совершили греха. Он рекомендовал христианам, которые не доверяют собственным духовным и физическим силам, бежать и скрываться для того, чтобы не претерпевать искушений свыше их меры.

Были и другие подходы: либеллатики не совершают греха, потому что они каждения не совершали, то есть более либеральное отношение к падшим, а было и отношение более строгое – падшие не могут уже быть воссоединены с Церковью. В связи с этим священномученик Киприан настаивал, что в Церкви должна быть дисциплина. Мнения могут быть разные, но это не основание для разделения. Церковь должна подчиняться епископу. Епископ, как преемник апостолов, как отвечающий перед Богом за духовное благо своей паствы принимает то или иное решение, и община ему должна подчиняться. Кто не делает этого, тот оказывается вне Церкви. Священномученику Киприану принадлежат слова, что без епископа нет Церкви, где епископ, там и Церковь. И еще: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец». Таким образом одна из главных мыслей свщмч. Киприана Карфагенского заключается в том, что христианская община должна быть единой, должна во всем следовать воле епископа, быть в совершенном ему послушании, а всякое разделение, всякое неповиновение епископу ставит христианина за границу Церкви. Однако существовали и разные

расколы, возникшие из-за вопроса о том, как принимать или не принимать падших.

Существовали ереси, и существовала также проблема, как относиться к таким христианам, которые приняли Крещение вне православной, вне кафолической Церкви. Этот вопрос послужил предметом полемики между епископом Римским св. Стефаном и свщмч. Киприаном Карфагенским. Киприан Карфагенский, отстаивавший мысль о единстве Церкви, о несовместимости с ней каких бы то ни было разделений, считал, что всякое священнодействие, в том числе и Крещение, совершаемое вне кафолической православной Церкви лишено значения. Поэтому приходящие из расколов и ересей в кафолическую Церковь должны приниматься через совершение над ними действительного и истинного Крещения. Епископ Римский Стефан придерживался иной точки зрения, и она соответствовала практике Римской Церкви. К еретикам и раскольникам отношения были разные. В зависимости от того насколько глубоки были заблуждения еретиков и раскольников, одни из них действительно принимались как не христиане и крестились, придя в кафолическую Церковь; другие, пришедшие из расколов, принимались не через Крещение, а либо через покаяние, либо через Таинство, соответствующее нашему Миропомазанию, но тогда оно совершалось возложением рук епископских. Церковь в своей практике выбрала позицию епископа Римского Стефана. И в наше время в Русской Православной Церкви инославные христиане принимаются по-разному. Кто через Покаяние, как армяне, католики или копты, кто через Миропомазание – как протестанты или старообрядцы, кто и через Крещение – крайние еретики, которых можно поставить рядом с гностиками. Например, богородичники, адвентисты седьмого дня, иеговисты и прочие крайние и явные еретики.

Вопрос об отношении к падшим занимал и священномученика Петра Александрийского, который был замучен за Христа уже в конце гонений, при императоре Диоклетиане, даже уже при императоре Галлерии. Гонения, что начались при Диоклетиане, при Галлерии продолжались без всякого перерыва. Священномученик Петр установил разные уровни падения. Например, падшие во время мучений, а потом раскаявшиеся, и за это подвергнутые еще мучениям, но все-таки выжившие, вовсе не подлежали прещениям, если после первоначального падения они исповедовали Христа, за что подверглись вторичному мучению. Падшие во время мучений, а потом оказавшиеся на свободе и вырвавшись из рук гонителей, исповедывали Христа, подлежали более мягким прещениям, то есть сравнительно короткому, в несколько лет отлучению от церковного общения. Наиболее тяжким прещениям подвергались те, кто не испытал мучений, а только от страха отрекался от Христа.

Теперь скажем о ересях и расколах. Поводом для уточнения тех или иных богословских доктрин, для углубления богословской мысли чаще всего в истории были ереси. Возникало некое вероучение, которое подвергало в смущение многих христиан, выдавая себя за истинное, и как бы вытекающее из Предания, а истинная Церковь, носительница истинного Священного Предания должна была найти аргументы, опровергающие то или иное вероучение. Поэтому тема развития богословской мысли идет рядом с темой ересей.

Монтанистская ересь

Дальним отголоском гностической ереси была ересь Монтана. Монтан не был гностиком, он был церковным христианином и разделял учение о Божественной Троице. В ту пору это учение разрабатывалось не так сложно, со всеми нюансами и оттенками, как оно было выработано самою Церковью после Никейского собора. Ересь Монтана заключалась в том, что он пришел к убеждению, будто Господь, который обещал ученикам Свои послать Утешителя, Святаго Духа, пошлет Его таким образом, что Утешитель этот воплотится, так же как воплотился Сын Божий. Не так, как это произошло в действительности в день Пятидесятницы – даров Святого Духа в виде огненных языков, через дарование способности говорить на разных языках и силою духовною проповедовать истину. Дальше он решил, что это воплощение совершилось и именно в нем, в Монтане пребывает Святой Дух Параклит.

Это учение нашло сторонников, Монтан сразу был окружен почитателями, особенно почитательницами, некая Прискилла была одной из верных его учениц. В основном ересь Монтана получила распространение во Фригийской провинции, где он появился и приобрел известность. Однако ее отголоски распространились по всей Римской Империи. В монтанистскую ересь впал Тертуллиан совсем в другой провинции, в Африке. Это территория государства Карфаген, то есть теперешний Тунис и частично Алжир. Это была латиноязычная часть империи.

В ту пору приобретает определенное влияние идея, которую разделял и Монтан, но она не сводится к Монтану. Эту идею разделяли некоторые христианские писатели, не ставшие еретиками. Несмотря на это, сама по себе идея еретическая – так называемая «хилиастическая» ересь. «Хилиа» – это по-гречески «тысяча». Упоминание в Апокалипсисе о тысячелетнем царстве было понято некоторыми как пророчество о пришествии этого царства, как о возобновлении земного рая на тысячу лет. Ортодоксальное церковное учение интерпретирует мысль о тысячелетнем царстве как о царстве благодати, как о Церкви Христовой, которая пребудет неопределенное число лет до второго пришествия Христа, до кончины мира. В свою очередь хилиасты понимали его как пришествие в мир, как утверждение здесь, на Земле тысячелетнего царства. Исследователи всякого рода социально-утопических учений находят связь этих доктрин с христианской ересью хилиазма.

Тема 3. Миланский эдикт и Никейский собор. Церковь в эпоху между I и II Вселенскими соборами. II Вселенский собор

В истории Церкви вслед за Евангельскими событиями, важнейшее – Никейский Собор, и предварявшее его издание Миланского эдикта. В 313 году св. император Константин вместе с соправителем Ликинием в Милане издали эдикт, даровавший христианам свободу. Предшествовало этому – самые массовые и последовательные гонения открыты императором Диоклетианом, продолженные императором Галлерием и закончившиеся. Христиан не стало меньше. Были и отпадшие, но больше было тех, для кого пример мучеников был

вдохновляющим, кто принимал христианство. Была политическая логика в том, чтобы прекратить эти гонения. Государственная логика заставляла эти гонения возобновлять, потому что религия Рима, на которой держалось государство, противостояла. Христианство своим торжеством должно было разрушить религию Рима.

Миланский эдикт

Константин воспитывался в семье, где его отец, Констанций Хлор, был терпимым по отношению к христианству и не сочувствовал его гонителям, а мать, царица Елена, была христианкой. Констанций Хлор был одним из соправителей Диоклетиана и потом Галлерия. Константин стал одним из соправителей. Ко времени издания Миланского эдикта, ему, как законному правителю западной Империи, пришлось воевать с узурпатором Максенцием. В решающем сражении он победил Максенция и сумел войти в Рим. Церковное Предание и отчасти исторические документы сохранили сведения о том, как император Константин на небе видел знак креста в канун сражения. Это предание, а историческое свидетельство – то, что он велел изобразить на военных доспехах знак, подобный знаку креста. Церковь вспоминает это событие, как событие, связанное с действием Промысла Божия – видение Креста и слова, которые император Константин услышал: «Сим победиши». После победы был издан Миланский эдикт. Этот эдикт обозначал не только свободу христиан, несколько раньше издавался эдикт о свободе для христиан, но гонения возобновлялись. Эдикт повелевал вернуть христианам конфискованное имущество и их храмы, в Малой Азии. Этот закон поставил христиан в одинаковое положение с язычниками, но никак не ограничивается свобода и язычников.

Император Константин очень скоро обнаружил себя христианином по убеждениям, обнаружил себя защитником Церкви. При этом он не принимал Крещения достаточно долго. Крестился он на смертном одре. В этом нельзя видеть нечто необычное. И другие христиане откладывали Крещение до последних времен своей жизни. Сейчас, когда оглашение предшествует Крещению, это трудно представить – что значит некрещеный христианин. Однако последование оглашения совершалось отдельно, и это были уже христиане. Таким избрали на Константинопольский престол Нектария, таким избрали св. Амвросия Медиоланского, предстоятеля города, откуда вышел этот великий по своим последствиям для Церкви эдикт. Эдикт проложил путь к союзу христианской Церкви и государства, под знаком которого протекала европейская история, история Средиземноморского и Ближневосточного регионов в течение веков. Переломный этап христианские историки оценивают либо негативно, либо индифферентно, объективно академически. Протестантская церковь оценивает скорее, негативно. Не потому, что протестантская церковь считает эпоху, предшествующую Константиновой, наилучшей для Церкви. Однако с их точки зрения многие из изменений в церковной жизни, которые рассматривались протестантами как искажающие, проистекают из вмешательства государства в церковную жизнь, являются следствием эпохи. Протестантские историки либо ставят под вопрос позитивные последствия Константиновской реформы, либо

дают негативную оценку. И у католических историков есть тенденция давать неоднозначную оценку. Понятно, что католическая церковь принимает все то, что происходило в эпоху Константина и Вселенских Соборов в церковной жизни. Сам характер отношений Церкви и государства, каким он сложился при императоре Константине, вполне соответствует условно-теократическому идеалу, который был выработан в Средневековье католической доктриной. Применительно к Новейшему времени, католическая церковь не выставляет, как знамя, идеал Средневековья, настаивает на независимости, протестует против вмешательства государственных властей в церковную жизнь. Вслед за Константином, имеются в виду типичные православные византийские императоры, Юстиниан, сложилась симфония священства и царства, Церкви и государства. В Средневековье в католической церкви было иначе – была выработана «доктрина двух мечей», использовался Евангельский эпизод, когда Господь сказал, чтобы взяли с собой мечи, и двух оказалось достаточно. Верховный первосвященник, епископ Рима, наместник Христа, преемник «князя апостольского» Петра располагает двумя мечами: один – это церковная власть, другой – государственная власть, которую он вручает тому, кому считает нужным вручить и отнимает у того, у кого считает нужным. Средневековая доктрина сформулирована в крайней последовательности при папе Иннокентии. В Византии сложившиеся отношения имели иной облик. Речь шла о принципиальной независимости и о согласовании власти церковной и власти государственной. Говоря политически – о паритете. Со стороны католической истории отношения к Константину, к его действиям, идеалам церковно-государственных отношений неоднозначное. Однако это не означает критики самого Миланского эдикта. Миланский эдикт ценен для каждого христианина. Православная история Церкви в деяниях императора Константина видит подвиг. Это не значит, что в личной жизни императора, в методах все было безукоризненно по-христиански, что у него не было промахов в церковной политике. Однако принципиальная оценка позитивна.

Император Константин стал покровителем Церкви и публично это выразил для того, в частности, чтобы укрепить государство, укрепить империю. Ликиний и Константин были вместе против Максенция, но оказались соперниками между собой после победы над ним. У Ликиния был Восток, у Константина – Запад. Христиан было несравненно больше на Востоке. Однако Ликиний выбрал опереться на языческий элемент. Константин опирался на христианский элемент. Поставление на один ряд христиан и язычников является следствием компромисса, того, что соправитель, август, не христианин. Константину пришлось стать участником некоторых внутрихристанских споров. Это могло заставить его усомниться – окажется ли христианская Церковь прочной опорой его правления? Он сталкивался всю жизнь с разделениями внутри Церкви, но это не было поводом изменить отношение к Церкви и это говорит о его личных христианских убеждениях.

При Константине в Африке возник донатистский раскол. Тогда Африкой называли не весь континент, а область современного Туниса, Алжира – Карфагенское государство. Один из местных епископов, Цецилиан, был обвинен

в том, что поставлен павшим епископом Аврелианом, который во время гонений был предателем, то есть выдал священные книги. На этом основании противники Цецилиана отказали ему в повиновении. Местный собор рассматривал дело и признал Доната, который возглавил движение, неправым, признал законность Цецилиана. Личные грехи епископа, пока они не явились основанием для его извержения из сана, в правильном порядке церковно-судебного приговора, не делают его недействительным. Может быть Аврелиан и заслуживал извержения из сана, но поскольку он не был извержен, поставление учиненное им законно. Цецилиан законный епископ, невзирая на личные грехи того, кто его поставил. Это очень важный принцип. Если бы он не существовал, были бы постоянные предметы для учинения всякого беспорядка. Донатисты обратились к Константину, надеясь, что он поймет и рассудит иначе. Первая реакция была мудрой, Константин сказал: «Как я могу быть кому-либо судьей, когда я сам ожидаю суда Христова над самим собою». Однако все же было решено провести в Риме повторное дело и призвать в качестве судей епископов из Галлии. В ту пору Галлия не переживала гонений, там не было падших. Судьи подтвердили правомерность предыдущих решений, Донат – раскольник и должен покориться. Он не покорился. После этого император Константин решил применить власть для того, чтобы пресечь раскол и принял правительственные меры против донатистов. Тогда Донат, некогда обращавшийся к императору, сказал: какое дело императору, кто он в Церкви? Это часто повторялось в истории. С донатистами обнажилась нехристианская природа этого раскола. Это модель раскола, за которой не стоят богословские идеи. Однако не выражено за ним стоит искажение экклезиологической мысли. Донатисты, которые были не павшими и превозносились этим, не дрогнули перед преследованиями императорской властью. После Доната они сохраняли верность его «заветам», подвергались и телесным наказаниям, претерпевали. В конце концов, они пришли к такой идее, что без претерпения мучений, а лучше смерти за Христа – как им представлялось, спастись невозможно. Поэтому они стали искать мучения, иначе говоря, провоцировали власти на преследования. Рассеявшись по отдаленным местам, они выходили на большую дорогу, нападали на легионеров, чиновников, на тех, у кого оружие или некое подобие оружия и требовали, чтобы они их убили. При отказе угрожали дубинами, и добивались.

Созыв Вселенского собора в Никее

Чтобы найти ответ на вопросы, волновавшие церковный народ, император Константин созвал в городе Никее собор всех христианских епископов. Сам человек Запада, латиноязычный, в небольшом древнем городке Византии, Константин решил построить себе новую столицу, новый Рим, также как император Диоклетиан, выбрал другой город, Никомидию в качестве своей императорской резиденции. Рядом была Никея. Съехались многие епископы, 318 отцов Никейского собора. Многие приехали со свитой. Клирики из свиты епископов тоже участвовали в дискуссии, происходившей на соборе. Тут необходимо назвать имя диакона Александрийской Церкви святого Афанасия Великого, который приехал в свите своего епископа Александра Александрийского. Среди участников собора были такие почитаемые Церковью

святые, как свт. Николай Мирликийский, как предстоятель одной из церквей на Кипре Спиридон Тримифунтский. Председательствовал на соборе епископ с дальнего Запада, Оссия Кардубский (Кордовский). Участвовал в соборе и сам император Константин со своей свитой. Император и открывал собор, который вошел в историю как первый Вселенский.

Вопрос о пасхалии на соборе

Пасха празднуется по лунному календарю. Солнечный календарь – это календарь, в котором дни стоят неподвижно относительно астрономического солнечного года. Лунный календарь употреблялся у семитских народов и, в частности, у израильтян. Солнечный календарь в основании своем имеет астрономический год, это полный оборот Земли вокруг Солнца. Древняя астрономия думала наоборот. Лунный основан на ином календарном элементе, которым является месяц, Полный лунный цикл – от рождения до умирания Луны, то есть основной элемент календаря 28 дней. В год астрономический таких месяцев входит 12 с лишним. Выход из этого, чтобы год был приблизительно годом. Выход в том, что одни годы были более длительными, а другие более краткими. В лунных календарях одни годы включают 12 месяцев, таких три, а четвертый год включает 13. Если так, то начало и конец года смещается относительно астрономического года в зависимости от того, 12 или 13 месяцев. По календарю такого типа жил Израиль. И время распятия и Воскресения Христа Спасителя из Священного Писания известно по лунному календарю. Мы знаем, что Христос был распят 14 нисана. Нисан – это первый весенний месяц, который начинается в разное время, но не раньше весеннего равноденствия. Если бы был точно год, то можно было бы праздновать Пасху в определенный день. Дионисий Малый вычислил этот год. Церковь исходила из большой условности этих вычислений. Современная библейская история склоняется к тому, чтобы считать годом Рождества Христа, не первый год, а несколько лет раньше. Часто говорят о 4 годе до Рождества Христова, как времени действительного рождения. Реально было два правила празднования Пасхи, которые разделяли Церковь на Восточную и Западную. Они оба связаны с лунным календарем. Однако в основании одной практики стояла дата 14 нисана, то есть 14 нисана была Великая пятница, а 16 нисана Воскресение Христа. Это была практика большинства Малоазийских церквей. Другая практика исходила из того, что 14 нисана было точкой отсчета, и не праздновать Воскресение Христово ранее. Дальше надо было соблюсти в праздновании и дни недели. Господь был распят в пятницу и воскрес в первый день недели, ставшим символическим восьмым днем. Поэтому после 14 нисана в первый воскресный день и надлежит праздновать Пасху. Так и постановил Никейский собор. Таким образом Никейский собор определил праздновать Пасху в воскресенье, следующее за полнолунием первого весеннего месяца, то есть того месяца, полнолуние которого или совпадает со днём весеннего равноденствия или бывает после этого дня. Выбрали вторую практику – Римской и Александрийской Церквей.

Однако если так постановил Никейский собор, то почему в дальнейшем празднование Пасхи разошлось у Восточной и Западной Церкви? Это связано с

тем, что от Никейского собора до нас дошли: укороченный список участников, Символ веры, 20 правил и косвенные свидетельства историков о нем. Из правила Зонара вытекает, что собор постановил праздновать Пасху после еврейской пасхи. В этом виделся религиозный глубокий смысл. Христианская Пасха, истинная Пасха празднуется после иудейской пасхи. Указание на решение собора о праздновании Пасхи содержится в книге Евсевия Кесарийского – в жизнеописании императора Константина. Там помещено послание императора Константина Церквам, в котором он излагает решения собора и, в частности, обращается к пасхальной теме. В ту пору празднование Пасхи было по астрономическим признакам: весенние равноденствие, полнолуние и затем первый воскресный день. Это не вступало ни в какое противоречие с тем, чтобы праздновать Пасху христианскую после еврейской. Затем еврейский календарь был изменен, и среагировали на это Западная и Восточная Церковь по-разному. Западная Церковь решила ничего не менять, и стали понимать, что праздновать Пасху нужно, не сообразуясь с евреями. Восточная Церковь понимала в буквальном смысле «нельзя праздновать до еврейской пасхи». Поэтому, когда евреи изменили время празднования, то была отредактирована и Александрийская пасхалия.

Арианская ересь

Арий был александрийский священник, по-своему благочестивый и исповедник, при этом очень начитанный, в том числе хорошо знал философскую литературу. Поэтому стремился христианское богословие, тайну христианского учения о Троице – о Божестве Отца и Сына и Святого Духа, осознать с помощью логики греческой философии. При этом с безусловным отвержением идеи троебожия, с отстаиванием идеи единобожия, Арий пытался рационально объяснить эту тайну. Это делалось и до него. Божественная Троица – это вера христиан изначальная. Господь заповедал крестить принимающих Евангелие во имя Отца и Сына и Святого Духа. Отец и Сын и Святой Дух поставлены в один ряд. Господь Иисус Христос почитается христианами изначально как Бог. Апостол Фома сказал: «Ты Господь и Бог мой». В то же время Господь Иисус Христос молится Отцу. Поэтому слова Господа «Я и Отец одно» не допускают полного слияния лиц Отца и Сына, иначе невозможна была бы молитва Сына к Отцу. При этом христиане не троебожники, а исповедуют веру в единого Бога. Это не легко было осмыслить рационально.

Уже в третьем веке попытка дать философски приемлемый ответ предприняли Савелий и Павел Самосадский. Учение того и другого было антитринитарным, но поскольку они были не единственными проповедники подобных ересей, то в истории появились типологические их названия. Одна называется модалистической – это савелианская ересь, другая динамической – это ересь Павла Самосадского. По представлениям Савелия: «В Божестве – одно Лицо и одно существо. Сын и Святой Дух – внешние выразители Отца, как абсолютной и бесконечной монады, или единицы, проявляющие Его, соответственно нуждам и потребностям мира и человечества». В Ветхом Завете как Отец, во времена земной жизни Христа действовал как воплотившийся Сын, но это то же самое Лицо. Он же и Святой Дух, действующий в Церкви во

времена после Христа. Не три Лица, а одно. Три модальности, три проявления одного и того же Лица. Идея единобожия здесь проводится неукоснительно, отвергается личностное бытие Отца и Сына и Святого Духа. С точки зрения здравого смысла становится не понятно, каким же образом Сын молится Отцу. Ересь Савелия была отвергнута.

Ересь Павла Самосатского называется динамической, потому что он учил, что Сын Божий и Дух Святой не тождественны Отцу и не являются личностями. Они всего лишь силы Божии или Божественные энергии. Таким образом, тоже отвергается личностное бытие Христа. Павел Самосатский учил: «Отец, Сын и Святой Дух одно Лицо; Христос есть Логос – ум, мудрость. Эта премудрость соединилась с человеком Иисусом при Крещении, и потому-то Христос, Сын Божий, учил истине, творил чудеса». Опять возникает тот же вопрос о молитве Сына Отцу.

Отвергая эти ереси, христианские богословы, с одной стороны, отстаивали учение о триипостасном Божестве, призывая держаться за веру изначально в Церкви содержащуюся. В основном это была позиция Церкви Римской. На Востоке Ориген давал ответ по этим темам очень глубокий, но несколько погрешительный. Поэтому его тринитарное богословие характеризуют как субординистское, как ставящее Сына ниже Отца. Он учил о вечном бытии Сына, при том, что он учил о предсуществовании душ, а, следовательно, о вечном существовании душ в идеях Божиих, то этим учением о вечном существовании Сына Божия не очень отделял Сына от тварных существ, потому что мысли Божии существуют вечно. Отношения Сына и Отца он представлял таким образом, что Сын является образом – зеркальным отражением Божества Отца. Этим умалялось то, что со времен свт. Афанасия Великого называем единосущием Сына Отцу, потому что образ адекватен изображаемому, но он не той же самой природы, он онтологически не равен. Ориген сознавал ограниченность всех тварных образов и поэтому он не делал выводов совершенно буквальных из этих образов.

Что же касается Ария, то он, противодействуя отголоскам Савелианства и ереси Павла Самосадского, желал отстоять идею полноценного личностного бытия Сына, потому что, с одной стороны, Отец не отличим от Сына, а, с другой, – только действие Божества. Основные положения арианской ереси сводятся к следующему: «Было время, когда существовал один только Бог Отец, нерожденный, первопричина сущего. Восхотев создать мир и зная, что мир, бесконечно удаленный от Бога, не может вынести непосредственного действия Его творческой силы, Бог Отец творит из несущего посредствующее существо между Ним и миром, – Сына Божия, чтобы через Него создать мир. Как сотворенный из несущего, Сын также изменяем по природе, как и все творения».

Теперь поясним. Арий говорил: Сын Божий самостоятельное лицо, отдельное существо. Он не Отец и не сила Отца, но, чтобы не возникала идея троебожия, ему казалось недостаточно сказать, что Отец, Сын и Святой Дух не три Бога, а один Бог. Он решил, что нужно рационализировать это, сделать легко представимым как это может быть. Арий говорил, что Сын рождается от Отца, следовательно, рождается во времени, потому что по-другому нельзя себе это

представить, следовательно, было время до рождения Сына, значит, было так, что был Отец, а Сына не было. Поэтому Сын Божий перворожденный всей твари. Сын рожден или сотворен Богом. Арий не различал эти понятия. Сын Божий как первое творение для того, чтобы послужить орудием для творения мира. Церковь Христова, услышав это учение Ария, была потрясена этим. Нашлись и сторонники весьма многочисленные, но свт. Александр Александрийский его сразу осудил как злостного еретика, потому что сразу увидел, что из учения Ария вытекает отрицание подлинного, совершенного, полного, истинного Божества Христа. Сын Божий поставлен Арием в ряд с тварным миром. Это была главная тема Никейского собора.

Никейский собор подтвердил христианскую изначальную веру, Божество Отца, и Сына, и Святого Духа. Для того, чтобы, с одной стороны, исповедать веру в личностное бытие каждого Лица из Пресвятой Троицы, а, с другой стороны, подчеркнуть единство Божества, чтобы не было упрека во многобожии опровергнута ересь Ария, заключавшаяся в том, что он уничижал Божество Сына Божия, считал Его тварным от природы, называя Его перворожденным из всей твари, рассматривал Его всего лишь орудием Божиим, послужившим творению всего прочего мироздания. Никейский собор присоединил анафематствование ариансой ереси: «Говорящим же, что было (время), когда не было (Сына), что он не существовал до рождения и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, или что Он создан, или преложим, или изменяем, предает анафеме Кафолическая Церковь».

Никейский Символ веры

На соборе был составлен Символ веры, в который включено было слово о единосущии, что Сын единосущен Отцу, Им же вся быша. Это единосущие, с одной стороны, определенно и ясно говорило, что бытие Сына отдельно и некоторым образом иное, чем бытие Отца, и поэтому выражалась мысль о самостоятельности ипостасного бытия Сына, а, с другой стороны, указанием на одинаковую сущность, одинаковую природу с Отцом, подчеркивалось и Его равночестность. Этим онтологическим равенством с Отцом и отстранялась мысль о многобожии, о троебожии. Это был Символ веры, который дошел до нас, но Символ веры, который мы произносим, сейчас называется Никео-Цареградским, потому что в него впоследствии были внесены дополнения. Однако поскольку самая суть этого символа осталась неизменной, иногда называем нашу веру Никейской.

В течении того времени, которое прошло между первым и вторым собором, богословский спор шел вокруг Никейской темы. Были защитники и противники веры Никейского богословия. На соборе Арий был осужден, отлучен, извержен из сана и был приговорен императорской властью к ссылке. При этом император, воспользовавшись своею властью, угрожал смертной казнью тем, кто после Никейского собора будет исповедовать учение Ария. Все отцы подписали Никейский символ, но при этом была дискуссия. У Ария были защитники и покровители. Самым влиятельным из них был епископ Никомидийский, как раз того города, который был столичным в ту пору. Константин еще только начинал устраивать Константинополь, а на Востоке у него была резиденция в Никомидии.

Епископ Евсевий Никомидийский согласился подписать Никейский символ, но отказался подписать акт об осуждении Ария. Впоследствии сторонники Ария пытались уклониться от того, чтобы определенно и ясно заявить кто они – ариане или православные никейцы. Они говорили примерно так: как можем быть мы арианами, когда Арий всего лишь пресвитер и священник, а мы епископы, не уточняя, как же они все-таки смотрят на учение Ария.

Правила I Вселенского собора

Никейский собор принял 20 правил. Эти правила касаются церковной дисциплины, церковного устройства. В частности, эти правила засвидетельствовали для истории существование тогда уже Поместных Церквей в виде митрополий. Тогда было обозначено и первенство христианских церковных престолов: Римский, Александрийский, Антиохийский. На соборе присутствовал и свт. Николай Мирликийский. Имени его в подписях нет, но там только некоторые имена сохранились. Из его жития известно, что он был участником Никейского собора, известно, что он очень горячо высказался об осуждении ереси Ария, и более того, известно, что он в споре с Арием по горячности своей ударил его по щеке. Святитель Николай подвергся осуждению за это рукоприкладство, его хотели лишить архиерейства и потому его имя оказалось не включенным в список отцов Никейского собора. Потом открылось в виде видения некоторым епископам, что, действуя так необычно для христианского архиерея, он все-таки исполнял служение Божие, и был прав.

Арианская и полуарианская ереси после I Вселенского собора

Смута в церковной среде не утихла после Никейского собора. Очень скоро обнаружилось, что все-таки многие епископы являются в той или иной мере последователями Ария. Это были как действительно очень определенные и явные ариане, вроде Евсевия Никомидийского, который впоследствии говорил о том, что уместно было бы почитать Сына Божия как подобного Отцу, так и более умеренные, не ариане, но не соглашавшиеся с Никейским символом. Это были богословы и епископы, которые, соглашались с идеей Никейского собора в том виде, в котором она в Церкви присутствовала всегда, то есть Сын Божий – Бог, и Бог совершенный, что сказано в самом Евангелии. Однако при этом они возражали против употребления слова «единосущный». Возражали по соображениям, что слово это не библейское, оно заимствовано из философской лексики, вероятно, неоплатонической, и поэтому неуместно ему находиться в христианском символе. Такой точки зрения придерживался Евсевий Кесарийский, которого тоже называют арианином. Евсевий Кесарийский известен как первый церковный историк. Из его книги мы полностью черпаем сведения из жизни христианской Церкви до Никейского собора. Он же и автор жития императора Константина. И при том оба эти Евсевия (Никомидийский и Кесарийский) были близки к императору Константину, могли оказывать на него влияние. Поэтому вскоре и сам император Константин поколебался в верности Никейскому символу. Все больше верх получали и в Малой Азии, и в некоторых иных странах ариане и полуариане.

Св. Афанасий Великий

После смерти свт. Александра Александрийского, наступившей после Никейского собора, св. Афанасий был поставлен на кафедру Александрийскую, став его преемником. Он был всего двадцати семи лет; и такая юность давала повод для критики в его адрес, для рассуждений о незаконности его поставления богословскими противниками. В конце концов, против него воздвигнуты были обвинения, даже в убийстве одного из своих оппонентов – ариан. Потом состоялся суд, Афанасий представил живым мнимо убитого человека, но в дальнейшем вся жизнь свт. Афанасия исполнена тяжелых испытаний. Многократно он подвергался ссылкам, причем впервые при императоре Константине, потом при его преемнике Констанции. Ссылался, не один раз низлагался с кафедры и изгонялся, но он был символом Никейской веры. В конце концов ситуация складывалась так, что за Никейскую веру, за Никейский символ стояла в основном Александрийская Церковь. Именно в той ее части, которая была верна наследию Александра Александрийского, верна своему законному архиерею свт. Афанасию. Там присутствовали еретики, оттуда вышел и Арий, но Александрийская Церковь была в ту пору самой богатой, ученой силой. Поэтому там с наибольшей обстоятельностью обсуждались и решались богословские вопросы. Восток, Малая Азия была областью, где возобладали ариане разных версий или оттенков.

Что происходило с духовной властью в империи? При императоре Константине умер Арий при обстоятельствах, набрасывающих тень на него. В очередной раз должен был состояться суд, от которого одни ожидали его оправдания, другие его осуждения. Однако он прямо перед судебным заседанием скончался в отхожем месте, его внутренности оказались выпавшими. Это для многих христиан было знамением. Это итог жизни Ария, его борьбы с Православием, его борьбы, по сути дела, с Церковью. Вскоре после этого умер император Константин, Крещение он принял на смертном одре, и крещен он был епископом арианином Евсевием Никомидийским, который был особенно к нему приближен в последние годы его жизни. Тем не менее, Православная Церковь, Восточная Церковь его канонизировала, он причислен к лику святых. Над всеми его ошибками стоит тот исторический факт, что при нем Церковь обрела свободу. Именно он сделал империю христианской, и Православная Церковь его чтит как святого, так же как и его мать – святую равноапостольную царицу Елену.

После императора Константина оказалось несколько императоров – его сыновья: Константин Второй, Констанс, Констанций. Константин Второй и Констанс скоро погибли. Возникали смуты, появлялись узурпаторы, были сражения с ними. В конце концов, Констанций стал императором во всей империи. Констанс и Константин были ревностными сторонниками и защитниками Никейской веры, защитниками и свт. Афанасия, а Констанций, в конце концов, возобладавший, был покровителем ариан и последователем Евсевия Никомидийского. Император Константин скончался в 337 году. Во все время его царствования, продолжавшегося до конца 350-х годов, арианство господствовало на Востоке. На Западе оно тоже пользовалось покровительством властей, но епископы Запада тогда держались по преимуществу Православия.

Точно так же и епископы Рима, хотя такой епископ как Ливерий временами колебался, но не по причинам богословских идей, а ради того, что император Констанций был покровителем арианства. Само арианство возобладало в империи и получило официальный статус. Например, Антиохийский собор, осуждавший свт. Афанасия, от него остались правила, которые приняты Церковью. Собор в Антиохии носил полуарианский характер, или арианский. Само арианство разделилось на различные версии, потому что богословская мысль ариан, оторвавшись от Никейского символа, запнулась, и появился целый набор градаций и символов. От символов, близких к православному Никейскому, до предельно еретических, которые пошли дальше самого Ария в отвержении подлинного и истинного Божества Христа. Так наиболее близкими к Православию стояли так называемые «омиусиане» («подобосущники»). Их доктрина об отношении Сына Божия и Бога Отца была, вероятно, очень близка к тому учению, которого придерживались Евсевий Кесарийский и некоторые другие участники Никейского собора, согласившиеся подписать Никейский символ, но потом от него отошедшие, из-за слова «единосущие». Омиусиане, потом сами заимствовали варианты этого термина. Но как объясняли они отношения Отца и Сына, говорили о подбосущии Сына Отцу, т.е. сущность Отца и сущность Сына иная, но подобная сущности Отца. Эта доктрина наиболее близких к Православию полуариан. Этого учения придерживался Василий Анкирский, епископ города Анкиры.

Следующая, по удалению от православного учения, доктрина заключалась в том, что Сын Божий исповедовался подобным Отцу. Вопрос о сущности совершенно устранялся. Однако было соображение, которое могло некоторых из богословов тех лет насторожить по поводу термина «единосущие». Дело в том, что в эти десятилетия после Никейского собора одним из очень горячих сторонников свт. Афанасия Великого был такой богослов как Фотин. Этот богослов Фотин придерживался учения о единосущии, но в своих богословских сочинениях он интерпретировал его таким образом, что затенялась самостоятельность бытия Сына Божия, как, говоря современным языком, отдельной испостаси. И почему это казалось опасным? В том, что его доктрина была уже близка к монадистической ереси Савеллия, отрицавшего различие лиц, различие ипостасей. Поэтому сам свт. Афанасий, через то, что Фотин стоял рядом с ним и его поддерживал, тоже обвинялся противниками в савеллинианстве. Это надо иметь в виду, объясняя термин «подобосущие», говорили: это не для того, чтобы как-то принизить Сына в сравнении с Отцом, а для того, чтобы показать отдельность Его существа, что Он отдельное, иное Лицо, чем Отец, чтобы не сливать Лица, а подобное уже более растяжимо и неопределенно.

И, наконец, наиболее противоположная доктрина учению Никейского собора, учению свт. Афанасия, крайне арианская доктрина, которая шла дальше самого Ария. По терминологии она называлась «аномейской», а по имени Евномия – «евномианской» ересью. Суть ее заключалась в следующем. Евномий учил о неподобии Сына Отцу. Он считал, что все дело в том, чтобы показать самостоятельность бытия Сына Божия, отдельного от Отца. Каким образом

можно лучше всего подчеркнуть эту самостоятельность и отдельность Его? Это возможно, если мы скажем, о Его совершенном неподобии Отцу. Если Он совершенно неподобен Отцу, Он, несомненно, иное существо, и тогда отпадает всякое подозрения в савеллианстве, со сливающимися лицами. Причем это строилось на очень наивной философской доктрине. Евномий учил примерно так, что всякое познание человеческое заключается в правильном наименовании. Если я даю вещи, персоне, предмету правильное имя, то значит, я его познаю до конца, потому что другого никакого познания быть не может. Поэтому я, находя подходящее слово для того, чтобы обозначить надлежащее отношение ипостасей Отца, Сына и Святого Духа, наилучшим образом, то я в полноте познаю тайну Божественной Троицы. Такому крайней наивности противопоставлял свт. Василий Великий свое катафатическое богословие. Как раз в споре с Евномием он написал свой самый знаменитый богословский трактат о словах, который называется «Против Евномия».

Вернемся теперь к событиям политической истории, связанной с историей Церкви. Император Констанций был арианин. Он был гонитель свт. Афанасия и многих других защитников Православия. Одновременно он был ревностный по-своему христианин, ревностный христианин-еретик, поэтому строгий гонитель язычников. Та относительная терпимость, которой пользовались язычники во времена его отца, Константина, уступила место сильному давлению, вплоть до прямых казней язычников. Многие языческие обряды были запрещены, под угрозой казни были языческие жертвоприношения, языческие гадания. Язычество сохранялось еще на селе. До него не дошла настоящая христианская проповедь. С другой стороны, в кругах аристократических, у сенаторов латифундистов были десятки тысяч рабов, традиции, связи, они позволяли себе оставаться язычниками, среди сенаторов было много язычников. Третье, это ученые мужи в Афинах, собственно в афинском университете долго еще сохранялось язычество. Констанция характеризуют как низкого, коварного хитрого интригана. Наследник престола, его двоюродный брат, племянник св. Константина, внук Констанция Хлора Юлиан подвергался различным притеснениям. Констанций видел в нем опасного соперника и опасался, что тот захочет захватить высшую власть в стране. Юлиан воспитывался таким образом, что все более проникался сочувствием к язычеству. Когда Констанций умер, а Юлиан стал императором, то вскоре обнаружил себя язычником. Так он оказался отступником.

Первоначально воцарение Юлиана, которого не интересовали богословские споры, разделившие полуариан, ариан и православных никейцев, даже благоприятно сказалось на положении православных, подвергавшихся преследованиям со стороны Констанция. Свт. Афанасий в очередной раз был возвращен из ссылки и смог вернуться в Александрию при Юлиане Отступнике, он не преследовался по религиозным причинам. Потом Юлиан все больше обнаруживал себя язычником, провозгласив себя уже не в чисто титулярном смысле верховным первосвященником, «pontifex Maximus», а как языческий верховный жрец. Это вызывало обличения со стороны христиан, Юлиан начал их преследовать, снова пролилась христианская кровь. Его царствование было

недолгим – четыре года. В первой половине 360-х годов Юлиан управлял империей. Юлиан воевал, как и почти все на протяжении истории Рима или Византии, с Ираном и был убит в одном из сражений. Ему принадлежат знаменитые слова: «Ты победил, Галилеянин», сказанные перед кончиной. Они по крайней мере были свидетельством поражения Юлиана как реставратора язычества. Понятно, что в этих словах «Галилеянин» – это Господь Иисус Христос, он пренебрежительно, презрительно именовал Христа Спасителя, по месту Его земной жизни в Галилее.

В самой же Святой земле, где царица Елена, его бабушка, совершая паломничество, открывала святыни, созидала храмы, Юлиан, пользуясь своей императорской властью, дал перевес евреям над христианами. Он просто видел в христианстве своего давнего врага и в этой земле использовал иудеев, всячески им содействуя. После гибели Констанция, некоторые из полководцев стали императорами-соправителями. Юлиан и Грациан были христиане, но они быстро отошли. Потом был Валент – христианин-арианин, при котором арианство стало пользоваться поддержкой власти. Большая часть кафедры была занята арианами. Еще в большей степени арианство господствовало в Малой Азии и в Сирии.

Каппадокийские отцы

На самом Востоке развивается каппадокийское богословие. Новоникейцы, как их называют, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Нисский, свт. Амфилохий Иконийский, по рукоположениям своим связаны с полуарианским Востоком. Как и свт. Кирилл Иерусалимский, по вероучению они все в большей мере осознавали свое совершенное единомыслие со свт. Афанасием Великим. Святитель Василий Великий и его окружение, среди которого был богослов, равный ему, свт. Григорий Богослов, уточняли богословскую терминологию для того, чтобы опровергнуть аргументацию противников свт. Афанасия Великого, подозревавших учение свт. Афанасия в скрытом савеллианстве, то есть в слиянии Лиц. Святитель Василий Великий находит слово, которое раньше не употреблялось православными никейцами, это слово «ипостась». Это слово также почерпнуто из платонической, неоплатонической терминологии. Что обозначало первоначально «ипостась»? Индивидуализированную природу, то есть вот так: дерево – «ousia» (усия). Здесь этому слову соответствует «природа», «сущность»; ему соответствует латинское – не «natura» (натура), а «substantia» (субстанция). Дерево – субстанция, или усия, по-гречески, а вот стол – ипостась. Ипостась дерева в виде конкретного стола – вот что такое индивидуализированное. Опредмеченная природа, то есть ипостась не потому, что это именно стол или дерево в форме стола, а потому что это не просто дерево, а это конкретный кусок дерева.

Святитель Василий Великий стал употреблять термин индивидуализированная, конкретная природа, конкретная сущность, для обозначения Лиц Божественной Троицы. Поэтому его учение заключалось в том, что Бог Отец имеет Божественную природу и является ипостасью; Сын Божий имеет ту же Божественную природу Отца, но является иной ипостасью; Святой Дух тоже имеет Божественную природу, но является иной ипостасью, отличной от Отца и Сына. При этом свт. Василий Великий говорил, как часто святые отцы,

сознавая всякую недостаточность примеров из тварного мира, тем не менее, широко их употребляли, потому что находили это все-таки удобным для человеческого постижения. Поскольку некий свет проливается, можно приблизить свою человеческую способность постижения к этим Божественным и окончательно непознаваемым тайнам. Святитель Василий Великий говорил, что подобно тому, как Петр, Иаков и Иоанн имеют одинаковую человеческую природу, но это три ипостаси, или три лица – Петр, Иаков и Иоанн. Однако в таком случае можно было бы сказать, и это говорили против свт. Василия Великого, что это три отдельных лица, три отдельных человека, имеющие одинаковую сущность, одинаковую природу. Поэтому свт. Василий Великий добавлял, что эти три Лица Божественных, Отец, Сын и Дух Святой, безконечно ближе друг другу, чем люди – Петр, Иаков и Иоанн. Об этом свт. Василий Великий написал в «Словах против Евномия». И чтобы показать, что мы не можем никаким образом постигнуть тайну Божества в Его полноте, свт. Василий Великий противопоставлял гносеологическому оптимизму Евномия противоположное. Святитель Василий Великий сказал, что имя – всего лишь оболочка. Зная имя, в отличие от Евномия, мы, по сути дела, ничего не знаем, и в тайну действительного бытия не проникаем. Мы, по словам свт. Василия Великого, и в тайну своего собственного бытия, а также как и всякого бытия, и существования иного тварного существа проникнуть не можем, и оно для нас непостижимо до конца. Тем более непостижимо для нас Божественное бытие. Поэтому, называя имена, употребляя слова «сущность», «ипостась», мы всего лишь, имея откровение от Бога, знаем только некую часть истины, а истина Божественного бытия для нас абсолютно непостижима. Это основные идеи свт. Василия Великого.

Часто для того, чтобы выразить смысл в иных контекстах одно слово надо переводить другим. Поэтому употреблявшееся никейцами три Лица, по-гречески «prosopon», и по-латински «persona», они разделяли. Латинское слово «persona», восходит к актерской маске. «Persona» для некоторых латинских богословов вызывал иллюзию, что речь идет о тех же самых масках, которые снимаются и надеваются одним и тем же Божественным Лицом, то есть это указание на савеллианскую ересь.

К власти пришел император Феодосий Великий, который исповедовал Православие, был последователем в своих богословских мнениях свт. Афанасия Великого. В эти годы, предшествовавшие второму собору, Константинопольскому, обнаружилась македонианская ересь. Македоний был православным, единомышленным свт. Василию Великому, свт. Григорию Богослову в учении о Божестве Сына, но расходился с ними в своем учении о Духе Святом и отказывался признать ипостасное бытие Духа Святого. По представлению Македония, Святой Дух – это некое действие Божества, это некая энергия Божества, это сила Божия, но не Лицо, не ипостась. Поэтому Македоний оказался еретиком-духоборцем, так назвали эту ересь. Святитель Василий Великий написал целый трактат о Духе Святом, в котором он отстаивал учение о Святом Духе как ипостасном самостоятельном Божестве, о единосущии Святого Духа Отцу и Сыну. Однако при этом свт. Василий Великий проявлял и большую

деликатность по отношению к своим оппонентам. Он писал, что «для единения с придерживающимися мнения Македония достаточным условием будет, чтобы они не отрицали Божества Святого Духа, чтобы мы могли на них не возлагать условием соединения, восстановления с ними общения». Другими словами, для того, чтобы Македоний положительным образом исповедал Божество Святого Духа, достаточным будет, чтобы он не утверждал обратного.

Одним из самых плодовитых был брат свт. Василия Великого свт. Григорий Нисский. Он был особенно осведомлен в языческой философии, платонической, неоплатонической, и сам пытался интерпретировать богословское учение, Священное Предание на языке философии. Святитель Григорий Нисский в этом отношении сознавал себя учеником Оригена. Однако он заимствовал учение Оригена не то, которое было осуждено на Пятом Вселенском соборе как ересь – о предсуществовании душ, но те выводы, которые делал Ориген из своего учения о предсуществовании душ. Ориген придерживался мнения о всеобщем восстановлении, это значит, что в конечном счете, при кончине всякого тварного бытия, грех будет побежден совершенно и окончательно, и все спасутся. Следовательно, свт. Григорий Нисский, не отвергая очень ясно присутствующего в Священном Писании учения об адских муках, отвергал учение о вечности этих мук, то есть вечные муки не вечны.

II Вселенский собор

В Константинополе, столице Империи, господствовало арианство, и во времена святого царя-императора Феодосия Великого был созван собор в 381 году, ясным образом для того, чтобы утвердить Никейскую веру, все участники этого собора были православными никейцами. Интересно, что западные отцы на соборе не присутствовали, в то время как на Западе господствовало Православие, казалось избыточным приглашать западных отцов. Приглашены были епископы Александрийской, Антиохийской Церкви и главным образом малоазийских Церквей, где во все эти трудные десятилетия верх держало арианство. Сто пятьдесят отцов были участниками Второго Вселенского собора. Второй Вселенский собор утвердил новую редакцию Символа веры, где подробнее изложено учение о Святом Духе, об исхождении Его от Отца, о равночестности Божественных ипостасей, а также учения на иные не тринитарные темы христианского богословия: о едином Крещении, о воскресении из мертвых, о жизни будущего века. Поэтому Символ веры, который мы исповедуем, называется Никейским и Никео-Цареградским, или Константинопольским, потому что окончательная редакция была на Цареградском соборе.

От Константинопольского, Второго Вселенского собора, как и от Первого Вселенского собора, не сохранились деяния. Однако известно, что кроме отцов присутствовал император Феодосий Великий со своей свитой, его влияние обеспечило торжество и победу Православия. Собор принял и некоторые иные решения. Прежде всего возник вопрос о судьбе Константинопольской кафедры, в ту пору уже столичной. Дело в том, что Александрийская Церковь, епископы, приехавшие из Египта, среди них Тимофей Александрийский, преемник и родственник Афанасия Великого, сочли необходимым поставить нового епископа на Константинопольский престол еще до открытия Собора. Они нашли

Максима Киника. Это значит «циник», то есть некотором образом последователь Диогена. Видимо, он когда-то раньше был циником, потом стал христианином, но его поставление собор стал рассматривать вновь, и нашел его незаконным и недействительным. Оказалось, что богословские воззрения Максима Киника сомнительны, и, кроме того, его епископство в Константинополе было признано недействительным и потому, что кафедра уже имеет епископа, таким был свт. Григорий Богослов. Максима Киника не признали епископом, «не был, не есть и не будет епископом», но в то же время вопрос о замещении кафедры рассматривался, потому что возникли соображения, что и свт. Григорий Богослов занимает кафедру незаконно, потому что в ту пору еще не было практики переводить епископов с одной кафедры на другую, факты переводов были, но канонически уязвимые. Всегда мог быть поставлен вопрос о законности такого перевода, и уже во втором тысячелетии переводы стали сравнительно часто случаться.

Святитель Григорий Богослов был поставлен на кафедру в Каппадокии, в небольшом городе Сосиме, поэтому отцы Собора сочли, что он не может оставаться Константинопольским и решили избрать на Константинопольскую кафедру другого архиерея, и избранным оказался Нектарий, который в ту пору еще не был крещен. Напомню, что в те годы это было обыкновенным делом, когда христиане принимали Крещение ближе к смерти. Так поступил и Нектарий, сенатор, человек очень влиятельный, государственный сановник, христианин, твердых и определенных православных убеждений, был еще не крещен, но затем крестился и прошел все необходимые церковные степени.

Цареградский собор, кроме того, принял ряд правил, как и Первый Вселенский собор. Правил Цареградского собора семь или восемь, в зависимости от того, делят ли последнее на два или сохраняют как единственное. Среди этих правил есть несколько важных для всей последующей истории. Важным является правило, которое запрещает епископам одних Поместных Церквей вмешиваться в дела других Церквей.

Непризнание собором Максима Киника епископом зафиксировано в четвертом правиле Второго Вселенского собора. На занятую кафедру уже не может быть поставлен одновременно другой епископ. Именно на этом основании поставление Максима Киника было признано незаконным и недействительным. Затем третье правило Никейского Собора возвышает Константинопольский престол. Константинопольский епископ этим правилом поставляется епископом Нового Рима, вторым епископом после Древнего Рима. Официальным названием Константинополя был Новый Рим. Во-первых, кафедра Константинополя оказалась первой на Востоке, в греческой империи она поставлена была выше антиохийской и александрийской. Кроме того, это правило формулирует универсальный принцип, который является аргументом в полемике с западным, с римским правом, потому что римское право, исключительные права Римской кафедры связаны с апостольством Петра. Надо сказать, что легаты римского епископа участвовали в соборе и они опротестовали это правило, впоследствии только смирились с фактом поставления Константинопольского епископа на второе место. Второй Вселенский собор указывает на причину, потому что

говорится в правиле, что Константинополь – это город императора и сената. Это является основанием для столь высокого звания Константинопольского епископа среди кафедр епископов христианского мира. Это значит, что диптихи не имеют догматических оснований, а всего лишь исторически складываются, в то время как Рим исходит из того, что первое место в христианских диптихах занимают кафедры, имеющие прямое происхождение от апостолов. Дальше утверждается, что на самом первом месте среди кафедр апостольского происхождения стоят кафедры связаны с первоверховным апостольским князем Петром, и поэтому римская кафедра, которая явилась поприщем мученической смерти апостола Петра, и занимает первое место в христианской Церкви. На втором месте стоит Александрия, кафедра, основанная учеником апостола Петра, апостолом Марком, на третьем Антиохия, тоже кафедра апостола Петра. Второй Вселенский собор, своим правилом поставивший Константинопольскую кафедру на второе место с мотивировкой «город царя и синклита», отчетливо говорит, что места епископов в диптихе следствие всего лишь политического веса имперского города.

Еще одно правило этого Собора касается принятия в Церковь крещеных в ересях и расколах. В данном случае правило следует за свт. Василием Великим, потому что он сформулировал эту мысль в своем первом правиле, и его суть в том, что крещеные в ересях и расколах принимаются по-разному: одни через Крещение, другие через Миропомазание, третьи через Покаяние. Это в отличие от учения св. Киприана Карфагенского, который считал, что Крещение вне Православия, вне Церкви, во всяких ересях и расколах совершенно недействительно, и перекрещиванием должны быть присоединяемы к Православной Церкви.

Тема 4. Церковь на рубеже IV-V столетий

Итак, ко времени Никейского собора примерно десятая часть населения Римской империи была христианской. Естественно принятие христианства императором вызвало сдвиг, и все четвертое столетие, несмотря на внутрихристианские, внутрицерковные споры, появление ересей, разделение между христианскими общинами, несмотря на реставрацию язычества при Юлиане Отступнике, все-таки было эпохой сравнительно быстрой христианизации Империи. В основных частях Римской империи, в основных странах древней культуры и цивилизации, христианство становится вероисповеданием большинства горожан. Это стало так в Италии, на греко-язычных Балканах, в Африке, в Египте. В Малой Азии уже ко времени святого Константина до половины или больше было христиан. Язычество держалось до конца четвертого века в сельской местности, все-таки там жило много народа. В Галлии, Британии язычество преобладало еще и в пятом веке. Правда, несколько иначе обстояло дело на юге Галлии, уже основательно христианизированной; Лион был в древности христианским центром. Однако христианство существовало и за восточными пределами Империи, на территории Ирана, что для нас важно, потому что мы исторически связаны с Кавказом.

В начале четвертого века христианами становятся армяне, а потом грузины, причем как государственное исповедание армяне первыми приняли христианство, при царе Тиридате и Григории Просветителе. В начале царь Тиридат был гонителем Григория Просветителя и христиан, а потом, пораженный высотой жизни, терпением страданий, чудотворениями Григория Просветителя сам принял христианство и сделал государство христианским. За ним последовало и грузинское царство при Мириане, при св. равноап. Нине в том же четвертом столетии. В этом четвертом столетии христианство было принято и в Эфиопии, связано это со святым Фрументием. Потом, правда, в Эфиопии была иудейская реакция, там время от времени сохраняла сильные позиции иудейская община. Однако в конце концов Эфиопия сохранила себя как христианскую страну. Надо сказать, что с эпох, в которые иудеи господствовали в Эфиопии. сохранились некоторые своеобразные обычаи в Эфиопской Церкви, например, там совершается и обрезание. Там много своеобразия, несмотря на то, что они схожи с Коптской Церковью. Однако есть особенности, которых у коптов нет, например, священные пляски, подражание царю Давиду, плясавшему перед Ковчегом завета.

Важным для истории является принятие христианства варварами германцами, но не всеми германцами. Если иметь в виду англов, саксов, северных германцев на территории современной Германии, то фризы, хатты и другие племена германские уже во второй половине тысячелетия принимали христианство, а готты, в ту пору самое мощное германское племя, приняли христианство в четвертом веке. Готты – один из германских народов, но они ближе к современным скандинавам, чем к немцам или англичанам. Их язык ближе к языку шведскому, норвежскому, датскому; они когда-то, по-видимому, жили за Скандинавией. Есть остров Готланд в Балтийском море, явно названный по имени готтов, потом в Прибалтике, где-то в верховьях Вислы. Уже в начале тысячелетия они занимали значительную территорию современной Западной Руси, Белоруссии и Украины. Они спустились по Днепру, потом перекочевали на Балканы, а потом стали вторгаться в пределы Римской империи. В конце концов, развал западной Римской империи связан с действиями разных германских народов – и вандалы, и бургунды в этом участвовали, но в особенности готты, которые, продвинувшись на Аппенины, образовали там Остготское королевство, а на Пиренеях – Вестготское королевство. Готты приняли христианство арианское. На готтский язык было переведено Евангелие, Новый завет, сохранились фрагменты Евангелия, перевод был сделан Ульфиром. Они приняли христианство во времена императора Валента, когда в Империи господствовало арианство, но арианство приняли не все. Интересно, что были и готты, принявшие православное христианство, и когда остальная часть народа с северного Причерноморья ушла на Балканы и дальше, то небольшой остаток этого племени спустился в Крым. В Крыму готты были православные, и они не до конца были ассимилированы греками, вплоть до татарского ханства. Еще в пятнадцатом веке путешественники из Западной Европы слышали в Крыму в определенных местах речь, которая звучала для европейцев, немцев немножко знакомо. Это была готтская речь, хотя, конечно, богослужения совершалось по-

гречески. Разумеется, они были двуязычными, они знали греческий язык, но они еще помнили свое готское имя и владели своим древним готским наречием. С тех пор, после пятнадцатого века об их существовании ничего уже не слышно.

Завоевание готами арианами Италии, Испании произошло уже в пятом столетии, что могло бы повлечь печальные последствия для западного христианства, если бы не обстоятельство более позднее. Остававшиеся до тех пор франки завоевали Галлию, так что из Галлии получилась Франция. Хлодвиг, король франков, раньше уничтожал христианские святыни, завоевывал христианские города, избивал христиан, но в конце пятого, начале шестого века франки приняли православное христианство, которое тогда было католическим. Епископ, который крестил Хлодвига, сказал ему знаменитые слова: «Теперь, когда ты стал христианином, ты должен сжечь все, чему ты ранее поклонялся, и поклониться тому, что ты ранее сжигал». Христианство приняли и часть кельтов, причем не те, которые жили поблизости к Римской империи, а ирландские кельты, жившие в крайнем удалении от очагов западной культуры и цивилизации. Они принимали христианство целыми кланами, хотя миссионерами там были и латиняне, и греки. Несмотря на то, что латинский мир гораздо ближе к Ирландии, чем мир греческий, но в Ирландии на протяжении всего первого тысячелетия местный обряд был с некоторыми особенностями, но в целом это был не латинский, а греческий обряд. И в устройстве церковной жизни там было много общего с восточной Греческой Церковью. Латинская Церковь вводит целибат, уже в начале четвертого века в отдельных епархиях Западной Церкви целибат становится обязательным. К середине первого тысячелетия Римская Церковь и большая часть Западной Церкви, это Церковь, где для священства обязателен целибат. Находившаяся в юрисдикции Рима Ирландия уже в начале второго тысячелетия под очень жестким давлением из Рима принимает обязательность целибата. Таким образом, на дальнем Западе на северо-западе, севере христианского мира была часть такого мира, где сохранялся греческий строй церковной жизни и греческие обряды.

Начало монашества

Монашество возникает еще в третьем столетии, но как определенный церковный институт оно сложилось и получило широкое распространение в четвертом веке. Можно усматривать совершенно очевидную связь между институализацией монашества и распространением монашества с христианизацией империи. Чем больше христиан, тем больше естественно ищущих подвига, монахов. Надо сказать, что есть некая предыстория монашества. Сам Господь Иисус Христос является примером и образом для всякого монаха, как проведший совершено целомудренную земную жизнь. И ученики Его, по большей части жили без семьи, в совершенном целомудрии. В этом смысле слова определенно мы можем сказать об Иоанне Богослове. Мы определенно знаем, что имел семью апостол Петр, о семьях других апостолов ничего не знаем, но есть основания предполагать, что и другие апостолы скорее были подобные в этом отношении апостолу Иоанну Богослову, чем апостолу Петру. Во всяком случае, идеал целомудрия, совершенного посвящения себя Богу, искони существовал в Церкви, и уже в апостольские времена и мужей

апостольских, во времена гонений на Церковь христиане не только жили, но еще и давали перед епископом и перед общиной обет целомудрия. При этом они не образовывали никаких отдельных общин, они не выходили из мира, оставались жить в тех городах, селениях, своих семьях, и образ жизни, образ деятельности их был таким же, как и других христиан, мирских. Мы называем первоначальниками монашества прп. Антония Великого и прп. Павла Фивейского, причем прп. Павел Фивейский раньше пришел в пустыню. При них не было устроенных монастырей, не было института монашества, но особенность их подвига заключалась в том, что они ушли из города, ушли из своей среды, ушли из мира и удалились в пустыню, и там совершали подвиги строжайшего поста и молитвы. Поэтому они уже почитаются за монахов в собственном смысле слова.

Фиваидская пустыня лежит между Красным морем и рекой Нилом, она приближена к Красному морю рядом с высокими горами. В этой Фиваидской пустыне подвизались эти два подвижника, причем они были отшельниками, анахоретами, или пустынножителями, то есть они совершали свой подвиг в уединении. Ясно, что они не могли иметь в своих пещерах, где они подвизались, церкви. В христианской церковной жизни они участвовали, посещая церкви и христианские общины, где молились вместе с мирянами, но они ушли из мира. Преподобный Антоний Великий подвизался как пустынножитель и дожил до Миланского эдикта, до Никейского собора, обличал Ария, его знал свт. Афанасий Великий. Святитель Афанасий Великий составил его житие из бесед с ним, хотя он по-гречески не говорил. Александрия был город греко-язычный, центр столицы Египта, а прп. Антоний был копт. Наверное, свт. Афанасий Великий умел говорить по-коптски, но был человек греческого языка и греческой культуры.

Монашество увеличивается, растет в четвертом столетии. У прп. Антония и прп. Павла Фивейского появляется много подражателей. При прп. Пахомии Великом складывается первая монашеская община, таким образом к нему восходит общежительное монашество, он составитель Устава общежительного монастыря. В ту пору и в общежительном монастыре не было ни храма, ни священника. Сам монашеский образ и статус воспринимался как несовместимый со священством, потому что монашество – подвиг покаяния в своих грехах, всякого самоумаления, а со священством связана духовная власть, и поэтому священство тогда воспринималось как нечто такое, что никак не может быть делом монашества. Лишь со временем, для того чтобы изоляция от мира была более жесткой, для того, чтобы монах не исходил из своей общины, не удалялся в город, где бы он мог развеяться или погружаться в мирскую суету, монахи стали просить, чтобы к ним направляли священников, чтобы у них строился храм, чтобы там совершалось богослужение. Так и стало устраиваться уже во второй половине четвертого века. В конце концов дело дошло до того, что стали из среды самих монахов посвящать в священники. Таким образом, складывается уже более или менее для нас привычный, понятный образ монастыря с храмом и священством в нем.

Очаг монашества появляется в Египте. Однако уже во второй половине четвертого века монашество распространяется и в иных странах: в Палестине и Сирии, в Малой Азии, не везде в Малой Азии, а в Каппадокии, где подвизались свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Назианзин. В Каппадокии до сих пор сохранились в очень большом числе пещерные монастыри и еще до конца первой мировой войны они были населены монахами. Святитель Василий Великий составил Устав монашеский, и сам подвизался, как и свт. Григорий Богослов, как монах. Восточное монашество в основном следовало Уставу свт. Василия Великого в веках. Когда появились униатские церкви и униатское монашество, то как стали называть монахов-униатов? Базилиане, потому что в орденах католической церкви восточные традиции монашества рассматриваются как орден свт. Василия Великого.

Монашество распространилось и на Западе первоначально в тех местах, где было велико греческое влияние, на юге Италии, прежде всего, Монте Кассино. От имени св. Кассиана, и потом Венедикт Нурскийский, особенно оказавший большое влияние на все западное монашество. Это уже следующее столетие, поэтому самый древний на западе орден бенедиктинцев восходит к Венедикту Нурсийскому. Судя по имени и по тому, что он писал на латинском языке, Венедикт был латинянином, но на юге Италии повсеместно были греческие поселения, греческое население в городах. Влияние греческого мира было удобным средством перенесения очага монашества на юг Италии. Другой очаг уже в шестом веке это Ирландия. Там порой мелкими кланами принимали монашество, и в образе кланового устройства появлялся монастырь. Один из основоположников северного, кельтского, ирландского монашества – Колумбан. Монашество в Британии, а потом и в северной Галлии, в Германии, в середине тысячелетия в основном распространялось из Ирландии или через Шотландию. Ирландия, Шотландия, потом и шотландцы тоже кельты в ту пору с традициями ирландского монашества устраивали монастыри в северной континентальной Европе.

Распространение монашества определенно было связано с христианизацией Империи. Империя становится все более христианской, поэтому и все больше монахов, но в то же время монашество, само стремление уйти из мира в монастырь, было некоторым образом реакцией на христианизацию империи. Во времена до Миланского эдикта жизнь христианина была исполнена самых крайних опасностей, то есть христианство в Римской империи было вне закона. Поэтому христианин до Никейского собора шел узким путем, он был христианин до конца. Потом, подражая императору, и люди простые стали принимать христианство не вследствие внутренней перемены, а потому что христианство пользуется покровительством. Во времена Констанция – это арианское христианство, широкий и просторный путь. Поэтому христианство становится массовым, и не только не предшествуют ему внутренние изменения, но и за этим не следует перелом, то есть образ жизни остается обыкновенным, со всеми житейскими попечениями, заботами об имуществе, карьере и даже со всеми обыкновенными житейскими грехами, с нечистотой жизни, супружеской неверностью, со всем тем, во что погружена греховная человеческая жизнь. В

этой ситуации, когда, с одной стороны, почти все вокруг христиане, а общий уровень жизни из-за этого резко понизился, то христиане, которые на самом деле более всего помышляют о спасении, для личной жизни испытывают сильную потребность что-то радикально изменить, изменить образ жизни, выйти из этого мира. Раньше не надо было выходить – потому что уже как христианин, ты этому миру не принадлежишь и каждый день помнишь о том, что ты здесь странник; сегодня ты еще жив, но завтра за исповедание Христа могут казнить, а теперь ничего не будет. Поэтому христиане высокой духовной жизни, исполненные любви ко Христу, стремятся удалиться из мира. Это был главный мотив к распространению монашества.

В эпоху гонений нельзя сказать, что существовало разделение на Поместные Церкви. Каждая община имела своего епископа, причем – хорепископа. О свт. Григории Чудотворце, подвижнике второй половины второго века из жития его известно, что, когда он был поставлен епископом Неокесарии, это понтийская провинция на берегу Черного моря, то там он застал семнадцать христиан. Община из семнадцати христиан имела во главе епископа. Когда же он закончил свое служение, то в городе Неокесарии оставалось семнадцать тысяч христиан. Каждая городская христианская община имела во главе епископа. Первоначально пресвитеры, которые возглавляют обыкновенно приход, были сослужителями епископа. Между собою христианские общины не находились в отношениях административного подчинения друг другу. Признавался особый авторитет некоторых общин, связанных с апостолами, основанных самими апостолами, либо находившихся в больших и значительных городах, либо иначе отличавшихся подвигами своих предстоятелей, своих христиан. Епископы таких общин имели особый авторитет, когда к ним обращались с просьбой о наставлении и поучении и давали наставления, а когда была необходимость поставить нового епископа на овдовевшую кафедру во главе овдовевшей христианской общины, то собирались епископы отдельных городов и ставили. Поэтому христианская Церковь в канун Никейского собора очевидно имела более тысячи епископов.

Соборы проходили в ту пору, их называют поместными, но в том смысле, что это был собор епископов соседних городов, более широкого состава, чем когда собирались епископы для поставления только нового архиерея, но когда надо было обсудить важные темы. На рубеже третьего и четвертого столетия появляются Поместные Церкви, и совершенно определенно существование Поместных Церквей зафиксировал Никейский собор: в одном из правил своих он говорит о митрополитах.

В четвертом веке Антиохийский собор, несмотря на то, что он был полуарианского характера и осудил свт. Афанасия Великого, сформулировал правило, которое сейчас часто используется в полемике с Римом, потому что он запретил аппелировать к епископам Рима. Святитель Афанасий Великий, имея поддержку на Западе – там были единомышленники, православные епископы, часто обращался к епископам Рима, прося пересмотреть те дела, которые против него воздвигались арианами или полуарианами на Востоке. Антиохийский собор определенно говорит о митрополитах как главах Церквей своих округов, своих

областей, как о первых епископах. Митрополит – это епископ столичного города провинции, а провинция по-гречески называлась «eparxia». Столичный город провинции по-гречески назвался «mahthr polis», «мать-город» (митрополия). На рубеже третьего – четвертого века, но совершенно определенно перед Никейским собором, митрополит получает юрисдикционные права по отношению к епископам иных городов провинции. Если раньше собирались вместе епископы для обсуждения разных дел или для поставления нового епископа, признавали авторитет некоторых, это могли быть епископы столичных городов провинций, но не обязательно, то теперь создается административная структура Церкви, и она совпадает с административной структурой Империи. Сама эта структура приобрела на несколько столетий устойчивый характер в результате административной реформы Диоклетиана, который более обширные провинции тех лет разделил на более мелкие. Приблизительно больше ста провинций было при Диоклетиане. И ко времени Никейского собора существовало тогда больше ста Поместных Церквей. До конца четвертого века над митрополитами никаких иных центров не было.

Кто же такие хорепископы? Христианские общины стали появляться и в сельской местности, и христиане не имели возможность или им было трудно идти для участия в богослужении в город. Когда возникали такие малочисленные общины в сельской местности, то поскольку христианское богослужение возглавлял епископ, первоначально и в эти сельские места стали поставлять епископов, но они назывались хорепископами, от слова «xora», по-гречески «село», «деревня». Они имели ограниченные права экклесиологически, потому что считались поставленными не в образ двенадцати апостолов, каковы епископы в собственном смысле слова, городские, а поставленные в образ семидесяти апостолов. Ограниченность их в правах заключалась в том, что они не могли самостоятельно, своею властию решать вопрос о поставлении пресвитеров и диаконов, а могли только совершать хиротонию, исполняя поручение городского епископа, от которого зависели. Этот институт просуществовал недолго и к концу четвертого века исчезает. По-видимому, было понимание того, что преемник апостолов обладает предельной сакраментальной властью, ведь перед Богом все епископы равны друг другу. Священники, диаконы – это исполнители воли епископа, а епископы по отношению к первым равны. Первые епископы всего лишь первые среди равных. Епископ – преемник апостолов со всей полнотой власти в Церкви. В административном порядке есть первые епископы, предстоятели Церквей, но каждый епископ преемник апостолов. Высота этого служения, очевидно, требовала избранных качеств: и святости, и мудрости, и знания всего христианского богословия, Священного Писания, всего того, чему не могли соответствовать многочисленные хорепископы. Если в каждое село ставить епископа, то нужны десятки тысяч, сотни тысяч. Было понятно, что преемников со значительной частью апостольской власти не может быть так много. Поэтому от института хорепископов скоро отказались и стали ставить во главе сельских общин пресвитеров. Потом стали ставить и в больших городах, помимо главной общины вокруг соборного храма, другие христианские церкви, мы бы стали

называть их приходские, стали ставить пресвитеров. Появилось уже такое устройство церковной жизни, которое дошло до нас: епископ – административный глава Церкви, а Церковь эта включает в себя множество общин. В столичных городах, как Константинополь, Александрия, Антиохия может быть и сотня церквей, но в них уже служат пресвитеры.

Главная линия изложения церковной истории связана с соборами. Халкидонский собор, состоявшийся в середине пятого века, зафиксировал в двадцать восьмом правиле и в некоторых других правилах уже иное церковное устройство. Следующая ступень в укрупнении поместных церковных образований – появляются так называемые великие области, во главе которых стоят уже экзархи или архиепископы, и эти великие области включают в себя уже по нескольку митрополий, то есть над митрополитами выстраивается еще один уровень церковной власти. К концу четвертого века, к середине пятого столетия Поместные Церкви это уже более крупное образование, чем то, что было на рубеже третьего и четвертого веков. Каждая митрополия – Поместная Церковь. В данном случае церковно-административное устройство идет вслед за административным устройством Империи.

Эта система складывается при императоре Константине, когда Империя состояла из двух столиц, выделенных из общего регионального деления, это Рим и Новый Рим – Константинополь. Остальная территория Империи разделена на четыре префектуры во главе с префектами, преториями. Границы между ними проходили с севера на юг, на крайнем Западе это была Галлия, но это была не только Галлия, в префектуру Галлия входила также Британия, Испания, и на Африканском континенте – Мавритания, то есть территория современного Марокко и отчасти Алжира.

Следующая префектура на Восток называлась Италией, но в префектуру Италии входила кроме Италии, без Рима, также Германия – та, которая к югу от Дуная, Норика – это примерно современная Австрия, Паннония – это современная Венгрия вместе со Словакией, затем на Балканском полуострове все Балканы, кроме Фракии, кроме крайнего востока Балкан. На африканском континенте собственно Африка, там Карфаген, где сейчас Тунис и часть Алжира.

Иллирик составлял третью префектуру, самую маленькую территорию, это в основном территория Балкан, причем без крайне западных Балкан, Истрия – это примерно современная Словения, и без востока Балкан, но с Дакией, теперешней Румынией, и с Македонией, это отчасти Греция, отчасти Македония.

Наконец самая обширная и самая населенная, где примерно половина всего населения Империи проживало – префектура Восток, в которую входили: в Европе – Фракия, это территория современной европейской Турции, недалеко от Греции, и юго-восток Болгарии. Затем все, что было у Империи в Азии. Граница на востоке все время смещалась вследствие того или иного развития военных отношений с Ираном, потом, после Ирана, с арабским халифатом, там граница все время перемещалась, и на африканском континенте это Египет.

В свою очередь префектуры делились на диоцезы – примерно то, что соответствует более или менее современным государствам. Можно точно сказать из каких диоцезов пяти состояла префектура Восток: это Фракия в Европе, там,

где современная азиатская Турция, два диоцеза – Понт и Азия. Вот как они разделялись: если мысленно провести диагональ от Мраморного моря к Тарсу и Антиохии, где поворот Средиземноморского берега на юг; все что к западу и югу от этой диагонали, это называлось Азия со столицей в Ефесе, а то, что к северо-востоку от этой линии, это был диоцез Понт со столицей в Кесарии Каппадокийской. Сама столица империи, Константинополь, находилась на территории Фракийского диоцеза, но не входила во Фракию. Рим Ветхий и Новый вне территориального деления. Столица Фракии был город Ираклий. Территория современной южной Турции со столицей в Антиохии – развалины Антиохии в Турции, на границе с Сирией, современные государства Сирия, Ливан, Израиль, оккупированная Палестина и Иордания – это был диоцез Сирия с центром в Антиохии, на крайнем севере самого диоцеза Антиохия и тут же Малая Азия. И Александрия – столица диоцеза Египет, с Ливией и Пентаполем, то есть это территория Египта. Итак, получилось пять диоцезов: Фракия, Понт, Азия, Сирия и Египет.

В полном соответствии с этим административным устройством Империи епископы столичных городов – диоцезов, во второй половине 4 века получают юрисдикцию над митрополитами, и они приобретают новые титулы, они именуются уже либо как гражданские начальники этих областей, на греческом «экзархи» (это была вначале должность гражданского начальника диоцеза), латинский вариант «викарий», что стало тоже обозначением церковной должности, либо другое название – архиепископ. Следовательно, древние архиепископы и стоят выше митрополитов. В этом значении титул архиепископа сохранился; например, сейчас глава Элладской Церкви, Афинский арихепископ, а под ним – много митрополитов. Святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, что значит архиепископ, стоящий уже над митрополитами: Анкирским, митрополитом Галатийской провинции, Неокесарийским, митрополитом Понтийской провинции, и так далее, а все вместе называлось Понт, хотя центр его был в Кесарии в Каппадокии, а не в провинции. Число Поместных Церквей сокращается, но получается, что между епископом и предстоятелем Поместной Церкви, архиепископом, промежуточная ступень – митрополиты.

Затем следующий этап, который развивается, начиная с середины пятого века, и окончательно складывается к шестому веку. Это уже последний этап, когда между пятью патриархами оказалась поделена в церковном отношении вся территория Римской империи.

Иерусалим только начинает снова называться Иерусалимом, потому что император Адриан уничтожил город и назвал его своим именем Элия Адриана. Епископ Элии Адриана, который не был даже митрополитом, а входил в митрополию Палестина (центр был Кесария Палестинская, а в свою очередь митрополия Палестина входила в Сирийский диоцез, который возглавлял архиепископ Антиохийский). Второй Вселенский собор из особого уважения к древности матери всех Церквей, Иерусалимской Церкви, постановил этап за этапом: на первом этапе Иерусалимский епископ получает независимость от Кесарийского митрополита, а на втором этапе он становится митрополитом всей

Палестины, а на следующем этапе он приобретает независимость от архиепископа Антиохийского. Таким образом, территория Палестины выделяется в отдельную, самостоятельную область. Египет с Александрией – там ничего не меняется, Антиохия теряет часть территории, а что касается трех областей, Фракии, Понта и Азии, то Халкидонский собор в середине пятого века подчиняет этих трех архиепископов архиепископу Константинопольскому. Таким образом, особый статус Константинополя, второй после Рима, не наполненный административным содержанием, приобретает административно выраженное содержание. Константинополь ставится над тремя диоцезами, и эти три диоцеза с сохранением титулов архиепископов, или экзархов, утрачивают юрисдикционную власть над митрополитами, она сосредотачивается у Константинополя. Антиохия попыталась распространить свою юрисдикцию на Кипр, но Ефесский Собор отверг эти притязания, сохранив за Кипрской Церковью административную независимость, а власть епископа Рима распространяется постепенно на весь Запад, причем в широком смысле этого слова, на целых три префектуры – и на Африку, и на Галлию, и на северную Италию, где довольно долго две церкви – Медиоланская (Миланская) и Равеннская сохраняли независимость от Рима, и еще на Балканы.

Таким образом, ко второй половине пятого века сложилась ситуация, когда вся христианская империя в церковно-административном делении разделилась на пять главных областей – на область епископа или архиепископа Рима, Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима и одну особую – Кипрскую. Тогда уже в конце пятого века появляется по отношению к этим архиереям термин «патриарх», который со временем приобретает официальное значение. Так сложилась система пентархий, пяти патриархатов, Римский, Константинопольский, Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский. Только область Кипра, сохраняя свою автокефалию и свою административную независимость, никогда не приобретает для своих архиереев этого статуса патриарха. Из множества церквей, в начале без всяких Поместных Церквей, потом в канун Никейского собора в каждой провинции Поместная Церковь, это примерно сто Поместных Церквей, затем на следующем этапе – великих областей примерно двадцать Поместных Церквей, складывается система пентархий, пяти патриархатов с добавлением особой Кипрской Церкви, не ставшей патриархатом, но сохранившей автокефалию.

На сегодня только Римский епископ отпал от Православия, а, кроме того, территориальное произошло распределение, императоры иконоборцы передали юрисдикцию над Иллириком, а также над Сицилией и Южной Италией Константинопольским патриархам, отняв у Римских епископов. Затем Рим, конечно, восстановил в Южной Италии и на Сицилии свою юрисдикцию, а Балканы по границам Восточного и Западного Иллирика остались у Константинополя, и в результате, при разделении Церквей эти территории – современной Греции, Болгарии, Румынии, Сербии – остались православными.

Тема 5. Христологический вопрос. III и IV Вселенские Соборы

Теперь обратимся к событиям церковной истории рубежа четвертого и пятого столетий. Следует обратить внимание на деятельность отцов Церкви рубежа столетий, которые оказываются за рамками деяний первого и второго Вселенского собора, но которые оставили огромный след в истории Церкви. Это на греческом Востоке свт. Иоанн Златоуст; есть еще сирийский Восток, и там такие отцы, как прп. Ефрем Сирин, прп. Исаак Сирин, которые писали по-сирийски, свт. Кирилл Иерусалимский, который писал по-гречески, он тоже с негреческого Востока. Святитель Иоанн Златоуст – учитель Православной Церкви, а западные отцы – это блж. Иероним, блж. Августин, свт. Амвросий Медиоланский.

Святитель. Иоанн Златоуст был родом из Антиохии и там как проповедник стяжал заслуженную известность, так что имя его стало известно по всему христианскому миру, и поэтому он в конце четвертого столетия призван был на Константинопольскую столичную кафедру. Это был христианин святой жизни, замечательного и бесстрашного дара слова, так что он обличая общественные грехи и пороки новых христиан, обратившихся ко Христу, но не победивших в себе ветхого человека, не страшился обличать и сильных этого мира, и влиятельного одного из евнухов, по сути дела правителя Империи, и саму императрицу, за это пострадал, его возненавидела императрица, против него был устроен суд епископского собора – «под дубом», под таким названием он вошел в историю, под председательством епископа Феофила Александрийского, который под разными надуманными обвинениями осудил его, приговорил к лишению сана, он претерпел ссылку, и окончил свою жизнь в Команах, это в современной Абхазии.

Святитель Иоанн Златоуст настолько был красноречивый и убедительный проповедник, что с тех пор именование «златоуст», которое было и его собственно, и именем, и оценкой его трудов, стало нарицательным словом вообще для обозначения красноречивого проповедника. Кроме того, многие его слова представляют собой толкование на евангельские тексты и апостольские послания, поэтому это еще и замечательная экзегеза Священного Писания, и когда свт. Феофан Затворник писал свои толкования на послания апостолов, то использовал более всего наследие свт. Иоанна Златоуста. Архиепископ Феофил Константинопольский, несмотря на несправедливую расправу над свт. Иоанном Златоустом, тем не менее среди канонов Церкви имеет правило, как выразителя Предания Александрийской Церкви, которое в ту пору пользовались особенно высоким авторитетом во всем христианском мире.

Блаженный Иероним – это латиноязычный писатель, который значительную часть своей жизни провел на Востоке, в Палестине, в Сирии, и главное его наследие – это перевод Священного Писания на латинский язык. «Вульгата», так назвали эту книгу, это значит «народная» Библия, потому что подразумевалось широкое распространение. Латинский перевод Библии существовал и раньше, но перевод блж. Иеронима вытеснил более ранний перевод, и на века и до сих пор Вульгата для Католической церкви остается официальным текстом Библии, самым авторитетным текстом Библии. Надо сказать, что этот перевод действительно обладает явными достоинствами, потому что блж. Иероним

пользовался подлинниками. Он великолепно знал еврейский язык и другие семитские языки, арамейский язык здесь особенно важен, и он переводил с подлинника. В его переводе сохранилась одна из библейских книг, третья книга Ездры, которая не сохранилась в еврейском подлиннике. Этой книги нет даже на греческом языке в Септуагинте, так что единственный текст, дошедший до наших дней, это латинский перевод, по крайней мере она была до недавних пор неизвестна.

Самым влиятельным для западной Церкви из отцов является блж. Августин. Это святой Африканской Церкви, и значит латиноязычный, который свой жизненный путь описал в книге «Исповедь». Этот путь, прежде чем Августин стал христианином, был трудным, долгим, он прошел эпоху увлечения. Он воспитывался в семье, где мать была христианка, а отец не христианин, Августин испытывал разные влияния, прошел через период увлечения манихейством, и, в конце концов стал православным христианином. Блаженный Августин стал епископом города Иппона, это не большой город в африканском диоцезе, и написал ряд трудов, из которых, пожалуй, самый известный после «Исповеди» «О граде Божием». Блаженный Августин в своих трудах затронул все важные отрасли богословского знания, и религиозную философию, и эсхатологическую концепцию всемирной истории, и догматические вопросы, нравственного богословия. Блаженный Августин оказался включенным в церковную полемику широкого значения в связи с еретиком Пелагием. Это характерная черта западного, латинского богословия, ее обращенность по преимуществу не к проблемам высокого богословия, онтологическим, а к реальной христианской этике, к христианской антропологии. Поэтому спор о значении первородного греха, спор о действии благодати Божией, спор о спасении, пути человека к спасению, в своих принципиальных основных линиях решался в ходе спора между Пелагием и блж. Августином. Тогда особую позицию занял западный богослов прп. Иоанн Кассиан.

Пелагий учил тому, что грех Адама и Евы сам по себе не имел безусловных роковых последствий для человечества, что никакого коренного повреждения человеческой природы вследствие этого греха не произошло в силу абсолютной и совершенной свободы человека. Всякий человек свободен не грешить, свободен до такой степени, что собственно каждый грешник после Адама всего лишь следует его примеру, фактором греха не является поврежденность самой природы человека, и поэтому Господь Иисус Христос спасает не тем, что Он онтологически исцелил в Себе человеческую природу, а тем, что Он дал образ, пример христианской истинной жизни по заповедям Божиим, и достаточно только этому примеру подражать.

Большая часть сознательных и мыслящих христиан обнаружила в этом противоречие коренным основаниям христианской сотериологии, то есть христианскому учению о спасении. Блаженный Августин в противоположность Пелагию развивал мысль о том, что первородный грех повредил человеческую природу. С тех пор сам источник человеческого бытия оказался загрязненным, и человек рождается во грехе, но не так, чтобы совершенно был лишен свободы, потому что, если бы человек был совершенно лишен свободы выбора добра и

зла, то это значило бы, что он и не несет ответственность за зло, которое он совершает, если бы он принудительным порядком его совершал. Потенциальная и реальная свобода существует, но природа человека повреждена первородным грехом, и так что из поколения в поколение эта поврежденность усугубляется грехами всех тех предков, которые отделяют нас от первозданного человека, и она самым мощным образом влечет человека ко греху. Одними только своими силами в данном состоянии человек не в силах противиться злу, но зло остается злом, потому что потенциально человек свободен выбирать, и поэтому он несет ответственность за то, что подчиняется влечению темной стихии зла, которая вошла в человеческую природу. Поэтому только благодать Божия может освободить человека от состояния всецелой обращенности ко греху, стремления ко греху. Стремление ко греху заключается в том, чтобы служить не Богу и не ближнему, а служить самому себе, жить по собственным похотям, жить так, чтобы угождать своим влечениям, своим страстям – в этом в сущности обнаруживается греховность, поврежденная человеческая природа. Поэтому только благодать Божия является действующим, активным началом, которое способна вырвать человека из этой всецелой погруженности в грех. Однако благодать Божия, действовавшая всегда до Христа, не действовала таким образом, чтобы освободить человека для вечной жизни, для спасения. Поэтому согласно изначальному христианскому учению до того, как в мир пришел Сын Божий, который соединил в Себе Божественную и человеческую природу, который не совершил греха и по человечеству, потому что Он и родился иначе, чем рождаются обыкновенные люди, так что семя тли, семя греховное, не затронуло Его, до тех пор успехи в преодолении греха, в борьбе со грехом могли быть только относительными. В самом Христе человеческая природа изменена, исправлена, очищена, исцелена, так что Он явился новым Адамом, что представляет собой хорошо известную древнюю изначальную христианскую идею. В дальнейшем уже есть возможность вырваться из плена греха, но для этого необходимым условием является действие благодати Божией, которая по предвидению последствий выбирает того, кто оказывается способен потом воспринять эти благодатные дары.

Пелагианство было отвергнуто, анафематствовано как ересь. Однако в учении блж. Августина есть и некоторые особенности, которые были не безспорны. В Католической церкви блаженными именуются те, которые стоят на низшей ступени святости, чем святые в собственном смысле. В Католической церкви Августин почитается как величайший учитель и святой, но Православная Церковь сохранила почитание его только как блаженного. В этом его учении о благодати умалялось представление о том, что человек выбирает и сохраняет полноту свободы выбора следовать благодатному призыву Божию или отвергнуть этот призыв. Преподобный Иоанн Кассиан, который тоже участвовал в этом споре, писал о синергии, о том, что спасение созидается действием Божественной благодати, но содействием самого человека. «Энергия» – действие, «синергия» – это содействие человека действию благодати Божией, и является истинным условием спасения. Западное богословие той эпохи отвергло учение прп. Иоанна Кассиана, которое в Православной Церкви стало

восприниматься как совершенно адекватно выражающее самую суть христианского учения о грехопадении, о грехе, о благодати, о свободе воли, о человеке в целом. Однако на Западе прп. Иоанна Кассиана обычно называют полупелагианином. Впоследствии эта тема о соотношении действия благодати, действия первородного греха и свободной воли человека в западном богословии было предметом богословских рассуждений. Фома Аквинат, крупнейший западный, католический церковный учитель, скорее повторял учение прп. Иоанна Кассиана. В конце концов в ходе Реформации самые последовательные, но уже совершенно неприемлемые для изначальной христианской антропологии выводы из некоторых идей Августина сделаны были Кальвином. Кальвин учил, что Господь по Его воле выбирает одних для вечного спасения, а других для вечной погибели, и этот выбор служит большей славе Божией, потому что торжество одних и гибель других, которая предопределена волей Божией, демонстрирует силу Божию и высшую Божественную справедливость. Потом уже после Кальвина в семнадцатом веке вновь возник этот спор в католическом богословии и известно направление, связанное с именем Янсениуса, янсенизм, к которому примыкал такой известный физик, ученый, философ, богослов, как Паскаль. Оно было верно школе Августина, но поскольку в учении о спасении, о природе человека повторяло часть идей Кальвина в смягченном виде, то есть, по сути дела, едва ли повторяло Августина, оказалось отвергнутым Ватиканом, отвергнуто собственно официальной властью и учительством Католической церкви.

У блж. Августина в его учении о троическом богословии есть особенности, которые дают повод для того, чтобы упрекнуть его в некоем скрытом, тонком, но свойственном латинской богословской мысли модализме, то есть в неизжитом наследии савеллианства. Есть единая Божественная субстанция, Божественная сущность, которая актуализируется в трех Божественных Лицах, в трех персонах или Ипостасях – этот термин он согласился принять, но употреблял чаще слово «персона». В его рассуждениях в порядке логического рассуждения или богословского умозрения единая Божественная сущность предшествует Лицам, то есть трем персонам – Отца, Сына и Святого Духа. В то время как свт. Василий Великий, который ввел в православное употребление слово «ипостась», начинал не с Божественной сущности, но с Отца, Сын есть иное Лицо, иная Ипостась, но та же сущность, что и у Отца, то есть он не формулировал идею сущности в самом начале. В начале реальное индивидуальное личностное бытие Отца, от Которого рождается Сын, и от Которого исходит Святой Дух, и Сын, и Дух имеют ту же сущность, поскольку они единосущны Отцу. Западная философия, классическая немецкая философия опиралась в значительной степени на Августина, а его акцент на том, что сущность – прежде всего, единая Божественная сущность, в трех ипостасях проявляемая, дает основание для критики.

У блж. Августина есть много замечательных мыслей, он рассуждает очень убедительно в книге «Исповедь» о том, что только Божественное бытие является подлинным и истинным бытием, а бытие тварного мира не совсем подлинное, потому что Божественное бытие – вневременное бытие, и только вневременное

бытие, не находящееся в плену бытия времени, является бытием истинным, и чтобы убедить насколько наше временное бытие не подлинно, он спрашивает: из чего состоит бытие во времени? Оно состоит из трех модусов: бытие из прошлого, настоящего и будущего. Прошлого уже нет, есть только призрачное бытие, оно было, но его нет, и никак нигде не уловить, а будущего еще нет, а что же такое настоящее? Это не имеющее никакой длительности и никакой собственной реальности всего лишь граница, между уже не существующим – прошлым и еще не существующим – будущим. Граница между безднами двух небытий, или неполноценного бытия прошлого и неполноценного бытия будущего – это настоящее. Это сильные мысли в подтверждение не подлинности тварного бытия. Отсюда становится особенно понятным и сильным библейское имя Божие «Аз есмь Сущий». Я Сущий в отличие от всего остального тварного мира, который не до конца и не вполне сущий.

Два Вселенских собора сформулировали учение о Божественной Троице: о Боге Отце, Единосущном Ему и от Него рождающемся Сыне, и из Него исходящем Святом Духе, так что отвергнуто было арианство и полуарианство во всех его проявлениях, македонианство или духоборство. В начале пятого столетия появился богословский вопрос, который оказался на несколько столетий в самом эпицентре богословской мысли: как следует понимать тождество Сына Божия, второй ипостаси Божественной Троицы, вечно сущего, до всякого времени и вне времени от Отца рождающегося, с рожденным в Вифлееме Сыном Человеческим, Иисусом Христом, рожденным от Девы Марии? На эту тему рационалистическая мысль предстает в учении Апполинария. В отношении тринитарного богословия он был православным, но своеобразно понимал соотношение Божества и человечества во Христе, но в явном расхождении с церковным Преданием. Аполлинарий говорил, что природа человека троична, трисоставна. Учение о трисоставной или двусоставной природе восходит прямо к Священному Писанию, к апостольским посланиям. Мы мыслим человека на греческом языке дихотомически, то есть состоящим из тела и души, а если более сложно представлять природу человека, то она состоит из тела, души и духа. О теле, душе и духе писал еще апостол Павел, то есть трихотомическое учение. Оно не противоречит дихотомическому, просто душа в контексте трихотомическом разделяется на два разных элемента, на дух и душу, так сказать, низшую часть души именуется душой, а высшую – духом.

Апполинарий высшую часть души называл не духом, а умом. Он учил, что в Господе Иисусе Христе присутствовала человеческая плоть в полном смысле слова, и плотью Он единосущен Адаму, нам в Адаме. Во Христе присутствовала и человеческая душа, то, что иногда называют животной душой, то есть та, которая есть во всяком живом существе, которая не просто плоть, а живое существо, оживотворяющая, одушевляющая это животное существо, но ума человеческого в Господе Иисусе Христе нет, а Сын Божий, вторая ипостась Божественной Троицы, или в этом контексте лучше сказать Слово Божие, Логос заменяет в Господе Иисусе Христе то, что у обыкновенного человека является его умом или духом. Это радикально расходится с церковным учением, потому что вся сущность человека заключается не в его телесном составе, где отличие

человека от животных лишь относительного порядка, и не только в низшей части души, потому что низшая часть души присутствует и в животном, но в человеке это гораздо более совершенно как эмоции, влечения, а самое главное, что составляет особенность человека и заключается в его духе, уме, где ум в обычном смысле слова только некий элемент этого ума. Получается, что подлинной человечности такой взгляд в Господе Иисусе Христе Апполинарий не обнаруживал, и значит он впадал в древнюю докетическую ересь. Докетизм – от греческого слова «dokew» – показывать, то есть суть ереси заключается в том, что отрицалась подлинность страданий Христа, подлинность Его смерти на кресте. Это представлялось всего лишь как демонстрация для людей, потому что сохранялась идея о бесстрастии Божества. Бог бесстрастный не мог претерпеть страданий, мучений и это всего лишь была иллюзия креста, то есть это грубая ересь, порывавшая радикально с самыми основаниями христианского учения и совершенно несовместимая со всем Евангельским текстом о страстях, распятии и смерти на кресте. Конечно, Апполинарий не стал бы отрицать подлинность креста, но богословско-философское осмысление проблематики ставило его в ряду с этими еретиками.

Ересь Нестория

Эта тема обнаружилась и стала предметом богословских споров в связи с призванием на константинопольский престол Нестория, который происходил из сирийской провинции, отличался красноречием как проповедник, нравственными достоинствами, и он стал Константинопольским архиепископом. Несторий высказался, что совершенно неправомерно и богословски несостоятельно именование Девы Марии Божией Матерью и Богородицей, потому что это абсурд учить, что человек Дева Мария может родить Бога, поэтому следует называть Деву Марию Христородицей – Она родила Христа, но не Бога, потому что Бог – начало всякого бытия и никак не может рождаться человеком. Надо сказать, что Несторий не был оригинальным богословом, а только озвучил учение, которое до него развивал Феодор Мопсуестийский. Феодор Мопсуестийский, чтобы показать несостоятельность учения о Богородице, называл в некоторых своих сочинениях Деву Марию человекородицей. Несторий, развивая и продолжая мысли Феодора, представлял учение, что Сын Божий и Сын Человеческий – это два разных существа. Сын Божий сущий от начала и изначально рождающийся от Бога Отца в последние времена воспользовался сыном человеческим, рожденным от Девы Марии, чтобы сын человеческий послужил Ему орудием действия благодати Божией. Таким образом Несторий во Иисусе Христе видел две разных ипостаси: ипостась Сына Божия и ипостась Сына Человеческого. Таким образом Иисуса Христа, рожденного в Вифлееме и распятого на Голгофе, он представлял всего лишь только как наиболее совершенного из святых людей, из пророков Божиих, из служителей Слова. Несторий подчеркивал нетварное бытие Сына Божия и тварное бытие Сына Человеческого. Однако мы исповедуем тварную природу человеческую во Христе, но никогда не называем Сына Человеческого тварным существом, а говорим, что Иисус Христос по человечеству имеет тварную природу, но имеет и Божественную природу. Несторий имел явную опору в

Антиохийской Церкви, в то время как Александрийская Церковь, а также Западная Церковь в лице тогдашнего папы Келестина (Целестина) это учение отвергла. Возникла необходимость в созыве собора. Самым решительным и богословски подготовленным противником Нестория оказался предстоятель Александрийской Церкви Кирилл.

III Вселенский собор

В 431 году при императоре Феодосии Младшем был созван III Вселенский собор. Очень важным оказалось обстоятельство, где был созван собор – в городе Ефесе, а Ефес – это место особого почитания Божией Матери. Есть версия относительно места последних лет земной жизни, места успения Божией Матери, что это было в Ефесе. Собору предшествовали крестные ходы в честь Божией Матери, песнопения в честь Божией Матери, так что обстановка была очень неблагоприятной для Нестория. Однако съехавшиеся в Ефес Антиохийские епископы во главе с Антиохийским архиепископом Иоанном, а среди них был блж. Феодорит, епископ Кирский, богослов, церковный историк, они на соборе в Ефесе выступили в защиту Нестория. Возглавил собор и добился осуждения Нестория свт. Кирилл Александрийский, который был в единомыслии с епископом Рима Келестином. В противоположность несторианскому учению свт. Кирилл предложил свою знаменитую формулу, которая впоследствии использовалась и до наших дней используется – единая природа Бога Слова Воплощенного. Эта формула была не бесспорна, но она удержала Церковь в исповедании веры в полноту Божества Иисуса Христа, в единство Божественного и человеческого в нем в одной единой ипостаси, которую он не совсем адекватно и точно называл «единой природой», но при этом в отличие от еретиков противоположного по отношению к Несторию направлению, не отрицал человечества во Христе, потому что он говорил о единой природе Бога Слово Воплощенного.

На соборе Иоанн Антиохийский и его сторонники, пытавшиеся противодействовать свт. Кириллу, были убеждены в его правоте и согласились подписать вероопределение – орос Ефесского собора. Однако Феодорит Кирский этого не сделал, он вполне единомысленный с Иоанном Антиохийский и, высказываясь против богословских формулировок Нестория, тем не менее считал, что невозможно говорить о сознательной ереси Нестория, поэтому не подписал этот орос собора, рассматривая его как отчасти неточный, а отчасти результаты этого собора как несправедливые по отношению к Несторию, укорял даже Иоанна Антиохийского в том, что тот сдался перед натиском свт. Кирилла. Несторий был осужден, анафематствован, низложен с кафедры и отправлен в ссылку, где впоследствии скончался.

Ефесский собор принял ряд правил, принял дисциплинарное постановление, которое впоследствии было разделено на ряд правил. Одно из них заключало в себе удар по Антиохийской Церкви, и, в частности, собор отстоял независимость Кипрской Церкви. Поскольку остров Кипр расположен поблизости от Сирии, то у Антиохийских архиепископов были претензии на юрисдикцию над Кипром, но собор в Ефесе отверг эти притязания Антиохийской Церкви и подчеркнул независимость на все будущие времена и таким образом автокефалию Церкви

Кипра. Тем самым был сформулирован общий принцип невозможности упразднения церковной автокефалии против воли самой автокефальной Церкви, недопустимость поглощения Церкви. Это не исключает вхождение одной из автокефальных Церквей в состав другой, но когда это соответствует стремлению церковного народа интегрируемой Церкви.

Еще одно постановление Ефесского собора заключало в себе осуждение произвольного составления Символа веры. Собор рассмотрел два символа веры, составленные в частном порядке, нашел их неудачными и их отверг, и запретил составлять произвольные символы веры. Это окончательный запрет на внесение изменений в Символ веры на последующие времена. Есть и другая интерпретация, которая допускает возможность редактирования Символа веры, усовершенствования, восполнения соборной волей Церкви.

Ересь Нестория была отвергнута, но это не значит, что с несторианством было покончено. Во-первых, была необходимость в дальнейшем богословском выяснении, углублении и размышлении на эту тему, то есть тема еще оставалась по открытой, а, во-вторых, несторианство распространилось очень широко за восточными границами Римской или уже Византийской империи. Поэтому христианские общины в пределах Персии по большей части оказались несторианскими; затем несторианство по большей части распространилось и дальше на Восток – Индия, Средняя Азия, Китай, Монголия.

Монофизитская ересь

После смерти свт. Кирилла, архиепископа Александрийского, престол перешел к Диоскору, который хотя оказался и почитатель Кирилла, но уклонялся в иную сторону в своем богомыслии. Этот уклон Диоскора, который оказался очень опасным для Церкви, последовательнее всего выразился в суждениях очень влиятельного Константинопольского пресвитера Евтихия. Евтихий, как ему казалось, что он только повторяет мысль свт. Кирилла Александрийского, которого он почитал своим учителем, в действительности распространял мысли, не совпадающие с православным учением. Евтихий прямо говорил, что до Боговоплощения – две природы: человеческая и Божественная, но по Боговоплощении – одна природа. Евтихий прямо называл эту природу Божественной. По Евтихию человеческая природа во Христе как бы сожжена огнем Божества. Евтихий говорил, что от Божией Матери Господь Иисус Христос – Сын Божий, Слово Божие – прошло через Нее, как бы через некую трубу, не приняв в полноте человеческого естества и человеческой природы. Это учение еретическое, отрицавшее полноту человечества во Христе, повторяло в иных выражениях апполинарианскую ересь, граничащую с докетизмом, потому что древний гностический докетизм отрицал полноту человечества во Христе. Она была обнаружена Константинопольским архиепископом Флавианом и расценена как еретическая. Поэтому после того как Евтихий определенно и упрямо повторял эти формулы, полагая, что он только продолжает мысли свт. Кирилла, архиепископ Флавиан его осудил и отлучил. Однако это стало широко известно и вызвало волнения в Александрийской Церкви, так что предстоятель Александрийской Церкви, Диоскор, выступил в защиту Евтихия, обвинив Константинопольского архиепископа в несторианстве. Тогда эту тему

рассматривал и епископ Рима, Лев Великий. Диоскору казалось, что епископ Лев, взяв под защиту архиепископа Константинопольского Флавиана, изменил Православию и уклоняется в несторианскую ересь. Диоскор явился инициатором созыва собора в Ефесе в 449 году. Председательствовал Диоскор, Евтихий был на этом соборе оправдан, а Флавиан осужден как несторианин. Осужден и отлучен от Церкви был блж. Феодорит Кирский и некоторые другие Антиохийские епископы, отцы и богословы, в частности, священник Ива Едесский, один из тех богословов, которые на эту тему писали. Очень влиятельными участниками собора в Ефесе были монашествующие, и они все тогда стояли за Диоскора и Евтихия. По окончании этого собора Флавиан, осужденный как еретик-несторианин, приговоренный и императорской властью к ссылке, был еще и избит ревнителями из числа монахов. После этого избиения он скончался. Ввиду всего этого собор получил в истории название «разбойничьего собора», то есть собора беззаконного.

Тогда понадобилось епископу Рима, Льву Великому, который решительно был не согласен с тем, что постановил этот Эфесский собор, вмешаться более энергично. Папа Лев составил томос, послание, в котором развивал мысли, что в едином Лице, единой ипостаси Иисусе Христе присутствует две природы: Божественная и человеческая. Папа Лев приводит разные места из Священного Писания и пишет, что Господь Иисус Христос как человек плакал о мертвом Лазаре, и как Бог воскресил его из мертвых. Папа Лев вспоминает и ряд других евангельских событий, указывая через них на Божество и человечество во Христе. Надо сказать, что Константинопольскую кафедру после кончины Флавиана занял Анатолий, который на соборе в Эфесе был единомыслен с большинством, но после собора согласился с учением папы Льва.

На императорском престоле произошла перемена: Феодосий Младший скончался, престол перешел к его сестре Пульхерии и ее мужу Маркиану. Император решил созвать собор в Халкидоне. Халкидон – это город рядом с Константинополем по другую сторону Босфорского пролива, на азиатском берегу. Сейчас Халкидон уже не отдельный город, а это часть Константинополя или Стамбула.

IV Вселенский собор

Собор в Константинополе оказался по числу своих участников – отцов самым многочисленным из всех Вселенских соборов, их было около семисот. Были легаты римского папы и отдельные епископы Запада. В основании исследования темы о соединении Божества и человечества во Христе IV Вселенский собор положил томос папы Льва Великого, а также сочинения Флавиана Константинопольского и других отцов на эту тему. Халкидонский собор принял догматическое определение, орос – это название догматических соборных определений, в котором отчетливо и последовательно в противоположность ереси Нестория и одновременно в противоположность ереси Евтихия, получившей название монофизитской ереси об одной природе, провел учение о том, что в единой ипостаси, в едином Лице Богочеловека Иисуса Христа соединяются две природы – Божественная и человеческая. Таким образом, богословская терминология в основном была окончательно выработана

ко времени Халкидонского собора. Термины, ставшие богословскими терминами, «ипостась» или «лицо», с одной стороны, «природа» или «сущность», с другой, они стали употребляться однозначно и терминологически определенно. В Боге – Бог Троица, Бог в трех ипостасях, но имеет одну и ту же Божественную природу, так что полнота Божества явлена и в Отце, и в Сыне, и в Духе Святом. В Богочеловеке Иисусе Христе, в единой Богочеловеческой ипостаси соединяются две природы – Божественная, природа Бога и Сына Божия, и человеческая природа. Господь Иисус Христос единосущен Отцу и Святому Духу по своему Божеству, и единосущен всякому человеку, или Адаму и потомству Адама, потому что и Сам, по человечеству Своему, один из потомков Адама. Об этом соединении Божества и человечества во Христе Халкидонский орос говорит четырьмя отрицательными определениями: не слитно, неизменно, нераздельно, неразлучно. Эти четыре определения должны предостеречь человеческую мысль от уклонения в сторону слияния Божества и человечества во Христе, так, чтобы была искажена одна или другая природа, так же как это вероопределение исключает и поглощение человечества во Христе, и этим направлено против монофизиства. В то же время, утверждая единство ипостаси, единство Лица Богочеловека Иисуса Христа, Халкидонский орос отвергает и ересь Нестория, разделявшего одного и того же Богочеловека Иисуса Христа на отдельно Сына Божия и отдельно сына человеческого. На Халкидонском соборе был осужден не только Евтихий, но и Александрийский архиепископ Диоскор и другие епископы, остававшиеся в единомыслии с ними. Было подтверждено и осуждение Нестория. От Феодорита Кирского потребовано было, чтобы он осудил Нестория, и он согласился анафематствовать Нестория, после чего был воссоединен в церковном общении.

На Халкидонском соборе были утверждены правила первого, второго и третьего Вселенских соборов, а также нескольких поместных соборов, как правила, всей Вселенской Церкви, и сам собор принял тридцать правил. Двадцать восьмое правило Халкидонского собора имеет особое значение и остается очень актуальным в церковной жизни до наших дней. Этим двадцать восьмым правилом Халкидонского собора в развитии идеи, сформулированной на втором Вселенском соборе, о том, что кафедра нового Рима, Константинополя, занимает второе место после Римской, поскольку это город царя и сената, наполняется уже реальным административным содержанием. У Константинополя не было юрисдикции, он не был митрополичьей кафедрой и находился в зависимости от кафедры архиепископа Ираклии – это сравнительно небольшой город во Фракии. Константинопольские архиепископы часто поставлялись из Ираклийских. Двадцать восьмое правило Халкидонского собора подчинило юрисдикции Константинополя три диоцеза – Фракийский, Асийский и Понтийский. Таким образом, были заложены основания для образования Поместной Церкви, которая стала именоваться Константинопольским патриархатом.

В этом правиле, в частности, говорилось, что от Константинопольского архиепископа зависят также Церкви варварских стран, примыкающих к этим трем диоцезам: к Фракии, к Азии и к Понту. К Азии ничего не примыкает,

потому что он граничит с Средиземным и Эгейским морем. К Фракии примыкают варварские Балканы, а к Понту примыкает Кавказ и Иран. Легаты римского епископа Льва опротестовали это правило и его не признали. Именно на основании именно этого правила Константинопольская патриархия стала претендовать на центральную Европу, и на дальнейший мир, который как-то связан с центральной, западной и восточной Европой, потому что вся Центральная и Восточная Европа и есть те варварские страны, которые примыкают к Фракии и Понту. И западная Европа, и вышедшая из западной Европы Америка, с ее северным и южным континентом – это область древнего Рима, в которой замещает его, новый Рим, Константинополь.

Александрийская Церковь почти вся отвергла учение Халкидонского собора. Диоскор был сослан, но избранный на его место Тимофей Эллур был последователем Диоскора. В Антиохийской Церкви, где была очень сильная опора у несториан, образовалась сильная монофизитская группировка. Итак, из-за монофизитской ереси отпал Египет, Эфиопия, часть Сирийской Церкви, и дальше на восток – Армянская церковь.

Впоследствии в следующем столетии внутри монофизитства произошло разделение. У монофизитов встал вопрос о тленности или нетленности тела Христа Спасителя. Одни богословы придерживалась теории о нетленности, а другие богословы, в частности, Севир Антиохийский, придерживались идеи, что хотя тело Господа Иисуса Христа после Его распятия не подверглось тлению, но по природе своей как унаследованное от падшего и смертного Адама, как смертное, оно было тленным и только не подверглось тлению, и Он воскрес. Надо сказать, что эти слова Севира Антиохийского было созвучны тому, что мыслило и православное богословие. Таким образом, внутри монофизистства произошло разделение на крайних монофизитов, по сути дела, отвергавших подлинность человечества в Иисусе Христе, говоривших о нетленности человечества в Иисусе Христе, и умеренных монофизитов, которые рассуждали о человечестве во Христе так же, как и православные: не подвергшееся тлению, оно было смертным и поэтому тленным. В конце концов, эта более умеренная линия Севира Антиохийского в монофизитстве возобладала. Современное монофизитство не повторяет вслед за Евтихием, что Господь прошел через Деву Марию как бы через некую трубу, ничего от Нее не восприняв, или что человечество во Христе было сожжено огнем Его Божества, но они повторяют формулу Евтихия, что из двух природ – Божественной и человеческой есть одна природа, Богочеловеческая. Таким образом, современное монофизитство – это и Коптская, и Эфиопская, и Армянская церковь отрицают наследие Халкидонского собора, потому что подозревают отцов Халкидонского собора в уклонении в несторианство, то есть современные монофизиты не хотят употреблять термин: две природы, одна ипостась, считая, что сам термин природа в данном случае разделяет Отца и Сына. Это для них скрытое рассечение Отца, Сына Божия и Сына человеческого, поэтому их формула: природа, ипостась, это одно и то же слово, за ними нельзя усмотреть принципиально отличия, поэтому исповедуют – единая богочеловеческая природа Иисуса Христа, или единая богочеловеческая ипостась Иисуса Христа, что для них одно и то же.

После Халкидонского собора попытки императоров поддержать православных не приводили к тому, чтобы прекратилась широкая народная поддержка монофизитов в Египте. Некоторые из императоров склонялись к поддержке именно монофизитов. В конце пятого столетия был император Зенон, который решил, что прекратить эту богословскую полемику можно через составленное вероучительное определение, которое соединяло бы в себе общепризнаваемые теми и другими вероучительные положения, с запретом обсуждать каким бы то ни было образом те вопросы и темы, которые разделяют. Тогда был издан «Энотикон» Зенона, где повторялась мысль о полноте Божества и человечества во Христе, но не употреблялся термин «две природы». Однако это тоже ни к чему не привело, потому что православные говорили, что это шаг в сторону монофизитства, потому что Халкидонский собор игнорируется в этом определении, и оставляется в стороне его орос. В то время как монофизиты были недовольны тем, что Халкидонский собор не подвергается явному осуждению, как еретический. Поэтому споры продолжались, а спорящие подвергались преследованиям со стороны властей.

Эпоха св. императора Юстиниана

Император Юстиниан (VI в.) был один из самых великих императоров в истории Византии, можно сказать в истории Европы в целом, потому что западная Римская империя была разрушена варварами. Появились варварские государства, германские государства на территории Италии потом готы, остготы при Теодорихе, но Юстиниан Великий сумел отвоевать практически всю Италию, Африку и часть Испании, и под его властью почти вся древняя Римская империя вновь была воссоединена, но ненадолго.

Вид римского права, в котором оно дошло до современности, принадлежит эпохе Юстиниана и самому Юстиниану. Именно при нем был составлен корпус Юстиниана, причем, несмотря на то, что империя уже более двухсот лет до него столицу свою имела в Константинополе, на греко-язычной территории, правительство, двор и администрация продолжали употреблять латинский язык. Для императора Юстиниана это был его родной язык. На латинском языке существует гражданское право, которое состоит из четырех книг: первая книга – имперские законы от императора Адриана до момента издания корпуса уже при Юстиниане. Вторая часть – Дигесты – это толкования на разные трудные темы, коллизии, возникающие в правовой среде. Третья книга Институций – это учебное руководство по праву. Четвертая книга – Новеллы, то есть новые законы; законы назывались Конституциями. Эти законы называются так, потому что они вышли дополнительно и не успели войти в корпус, они дополнительно были изданы и принадлежат самому Юстиниану, причем второй половине его царствования. Эти Новеллы вышли сразу на двух языках: не только в подлиннике на латинском языке, но и в переводе на греческий язык. Ряд законов императора Юстиниана посвящен исключительно церковным делам. В шестой новелле сформулированы принципы симфонии священства и царства, которые обычно интерпретируют как Церкви и государства.

Император Юстиниан вошел в историю через строительство храма св. Софии. Святая София имела значение и для принятия Русью христианства, когда

посланные св. князя Владимиром, оказавшись в св. Софии во время богослужения, были так сильно поражены, что говорили потом: «мы не знали где мы – на небе или на земле, и нигде в мире нет и не может быть такой красоты, как там». Император Юстиниан инициатор и его попечениями строился храм св. Софии.

V Вселенский собор

Богословские споры тогда вращались вокруг христологической темы, которая разделила монофизитов и православных диафизитов, учения о Божестве и человечестве во Христе. Супруга Юстиниана, императрица Феодора более сочувствовала монофизитам. Сам же он был православным. В конце концов, император Юстиниан, стремясь к единению Церкви, счел аргументы диафизитов не лишенными оснований. Оставался вопрос: Халкидонский собор оправдал блж. Феодорита Кирского, между тем Феодорит отвергал главное богословское сочинение свт. Кирилла Александрийского, его анафематизмы против Нестория. Получалось так, что, если свт. Кирилл признается православными за учителя веры, то какое место у Феодорита, полемизировавшего со свт. Кириллом, чуть ли не называвшего его еретиком, причем Феодорит только на Халкидонском соборе согласился анафематствовать Нестория, а на самом Ефесском соборе возражал Антиохийскому архиепископу, который согласился с этим анафематствованием, хотя сначала пытался защищать Нестория. Потом оказалось, что были сочинения за Нестория Феодора Мопсуестийского, который отвергнут Халкидонским собором и осужден не был. Поэтому была мысль: если снять недоразумения, то может быть монофизиты снимут свои возражения и воссоединятся с православными. Был созван собор в 553 г., ставший пятым Вселенским собором в Константинополе, столице империи. На этом соборе рассматривались сочинения трех богословов: Феодорита Кирского, Ивы Едесского и Феодора Мопсуестийского. Собор постановил: Феодора Мопсуестийского, как явного еретика и учителя Нестория, анафематствовать. При этом один из поместных соборов еще при жизни Феодора его уже осуждал. Что касается Ивы Едесского, то его сочинения расценены были как несторианские и были осуждены. Однако сам Ива Едесский осужден не был; собор исходил из того, что нельзя осуждать тех, кто ушел на Суд Господень, если он не был при жизни осужден. Что же касается блж. Феодорита Кирского, то собор осудил места из его книги, содержащие критику свт. Кирилла Александрийского, но воздержался от осуждения всего наследия Феодорита Кирского в целом, и тем более от осуждения личности Феодорита Кирского, поэтому Феодорит Кирский почитается во святых как блаженный.

Кроме того, собор, чтобы сделать более приемлемым для монофизитов православное учение, выработал такое понятие, как «общение свойств» в Иисусе Христе. Не просто не слитно и не раздельно во Христе пребывает Божество и человечество, но Божество пронизывает человечество Христа. Пронизывает иным образом, чем действует благодать вообще в мире и во всякой душе человеческой, потому что Божество и человечество во Христе соединены в единой ипостаси, а из этого следовало, что приемлемыми и благочестивыми являются такие выражения, как «Бог был распят на кресте». Не потому, что Он

был распят по Своему Божеству – конечно Божество не распинаемое и безстрастное, но так как с Божеством соединено было человечество, то можно говорить: «Бог распят был на кресте», но распят по Своей человеческой природе. Так же как Бог родился от Девы Марии, то оправдано и именование Божией Матери Богородица, на чем настаивал еще и свт. Кирилл Александрийский.

Император Юстиниан был еще и гимнографом: ему принадлежит гимн, песнопение, которое мы слышим в Божественной литургии. В составе второго антифона есть песнопение «Единородный Сыне», которое составлено Юстинианом Великим, что обнаруживает в нем глубокого богослова. Полностью это песнопение такое: «Единородный Сыне и Слове Божий, безсмертен Сый, изволивый спасения нашего ради воплотитися от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся, распныйся же, Христе Боже, смертию смерть поправый, Един Сый Святыя Троицы, спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас». Этот гимн точно выражает главную идею пятого Вселенского собора об общении свойств во Христе. Единородный Сын относится к Сыну Божию, к Логосу, ко второй Божественной Ипостаси, но о Нем же говорится, что Он непреложно вочеловечивыйся, то есть совершенно воплотившийся. О Нем же говорится же что Он «распныйся за ны», то есть Сын Единородный Бога Отца за нас распялся.

Тема 6. Монофелитская ересь и VI Вселенский собор. Иконоборческая ересь и VII Вселенский собор

На рубеже шестого и седьмого столетий после императора Юстиниана православным оставался Запад, но в ту пору почти весь Запад был вне империи. У императора были лишь отдельные владения на территории Италии, потому что после Юстиниана вновь были утрачены значительные владения в Италии. Север был занят лангобардами, и остальной весь Запад – это варварские королевства, причем франки – православные, а в Испании вестготы – ариане. Что же касается Востока, то греческая часть: Балканы, Малая Азия – это была православная часть империи, а Восток в собственном смысле слова, то есть Египет и значительная часть Сирии оставались монофизитами.

В начале седьмого столетия императором был Ираклий, который был успешный полководец, одерживал победы в почти не прекращавшихся войнах с Ираном, при нем удалось возвратить ранее захваченный иранцами, персами Голгофский крест, обретенный во время паломничества св. Елены в Иерусалим. Это был император реформатор, он по-новому устроил административно империю, на место прежних провинций ввел деление на фемы, в основном связанное с военными округами. Поэтому территории, где квартировали отдельные части императорской армии, содержались за счет местных средств и становились основными административными единицами Империи. Император Ираклий, чтобы преодолеть церковные разделения, решил выдвинуть среднюю линию, но опыт был уже до императора Юстиниана. Ираклий общался с монофизитами, и со стороны монофизитства была высказана идея, что может быть монофизиты могли бы согласиться с учением о двух природах, если бы при

этом была определенно изложена доктрина о единстве воли во Христе, потому что тогда исчезало бы подозрение, что диафизиты, халкидониты это все-таки скрытые несториане. Некоторые из православных богословов сочли это приемлемым, в частности, патриарх Константинопольский Кир. Таким образом, император Ираклий явился по сути дела инициатором нового еретического движения, созданного из политических расчетов императорской власти. Был издан императорский декрет, экфесис, которым был сделан шаг в сторону монофизитов: о природах предписывалось не спорить, а исповедовать веру в единую волю в Иисусе Христе. На монофизитской стороне это вызвало большее согласие. Однако произошло разделение на последовательных монофизитов, которые не желали умалчивать о том, во что они верили, в единую богочеловеческую природу Христа, так как крайнее монофизитство было уже изжито, и вслед за Евтихием уже не повторяли о единой Божественной природе Христа. На предложение о единой богочеловеческой природе и единой богочеловеческой воле значительная часть православных, в особенности, епископов, согласилась с этой формулировкой. Однако это стало предметом богословских споров, продолжавшихся до конца седьмого столетия. История Церкви сохранила имена трех самых великих защитников тогда Православия: свт. Софроний епископ Иерусалимский, св. епископ Римский Мартин Исповедник и прп. Максим Исповедник. Уже именование их исповедниками говорит о том, какую они претерпели участь. Императоры монофелиты стали преследовать православных, как преследовали они и последовательных монофизитов, не согласившихся на компромиссную формулу. Поэтому их низлагали с кафедр, подвергали избиениям, тюремным заточениям. Даже епископ Римский, св. Мартин, подвергнут был аресту, пленению. Что же касается прп. Максима Исповедника, то ему, в конце концов, после долгих мучений отрубили руку и отсекли язык, это имело символическое значение, чтобы заставить его умолкнуть и не писать сочинения, которые считались опасными, еретическими. Однако учение, принятое Церковью, это учение, сформулированное прп. Максимом Исповедником. Он был сослан в пределы прежней Российской империи, на границе современной Турции с Грузией, там закончились дни его жизни. От него требовали, чтобы он в знак своей подчиненности соборной воле Церкви причастился вместе с теми, кто в истории остались еретиками, говоря, что все, нет уже никого, кто бы противился этому учению, этой доктрине, это учение всей Церкви. Конкретно от него требовали, чтобы он с Константинопольским патриархом причащался вместе. Он тогда сказал, что «если бы даже и весь мир с ним причастился, я один не причащусь», потому что в вопросах веры места для компромиссов действительно нет.

Преподобный Максим Исповедник учил тому, что воля или энергия является порождением или проявлением природы; природа и проявляется через волю, или энергию, или действие – все эти слова тогда употреблялись. Поэтому если отказывать человеческой или Божественной природе во Христе в самостоятельном волеизъявление, самостоятельном волении, действовании, энергии, тогда окажется признание двух природ во Христе, лишенных содержательного значения, потому что природа окажется никак себя не

обнаруживающей. Поэтому две воли во Христе подразумевает: одна Божественная, проистекающая из его Божественной природы, другая человеческая, проистекающая из его человеческой природы. Сам подвиг Христа Спасителя, подвиг, которым Он спас человеческий род, заключался в том, что Его человеческая воля подчинялась Его Божественной воле, потому что в противном случае, если бы человечество во Христе не имело своего произволения, своего хотения, своего действия, проявления, то тогда не видно было бы в чем заключается подвиг Христа, не внешним образом совершаемый, а внутренним образом. Таким образом один волящий, тот, кто желает, потому что, если отрицать, что эти воли действуют разрозненно, тогда окажется несторианство, но действует один Богочеловек Иисус Христос и окончательное волевое решение принимает один Богочеловек Иисус Христос, но это его единое действие является результатом того, что человеческая воля во Христе подчиняется Божественной воле. Прп. Максим Исповедник находил в этом повторение того, что выражалось в томосе, обращенному к Халкидонскому собору. Гефсиманская молитва Христа Спасителя является очень ясной иллюстрацией к тому, чему учил прп. Максим Исповедник. Господь Иисус Христос страшится смерти, и по-человечески просит Отца, чтобы чаша эта была пронесена мимо Него. Но поскольку воление является проявлением природы, то эта воля Отца одновременно проистекает из природы Сына, и является действием всей Божественной Троицы, и она такова, что Господь по человечеству должен принять смерть, распятие, и поэтому по человечеству Господь Иисус Христос Своим человеческим волением покоряется воле Божества. И говорит об этом прямо и ясно: «Но не Моя воля будет, а Твоя».

Преподобный Максим Исповедник был один из отцов Церкви наиболее богословски и философски образованных и искушенных, он владел самыми тонкими и сложными нюансами неоплатонической мысли, вполне владел всей терминологией неоплатонической философии и некоторые ее элементы использовал, но уже в своих христианских построениях. Это был, пожалуй, вместе с свт. Григорием Нисским один из тех, кого можно назвать не только христианским богословом, но и христианским философом. Его сочинения не ограничиваются только этой темой, а охватывают широкий круг самых разных тем и проблем.

После того, как на императорском престоле оказались православные императоры, открылась возможность, чтобы дать соборный ответ православных против монофелитов. В 681 году в Константинополе был созван шестой Вселенский собор. Состоялось несколько заседаний этого собора, но они продолжились и в 682 году. Этот собор принял догматический орос, в котором было воспроизведено в основных чертах учение прп. Максима Исповедника, а монофелиты были анафематствованы как еретики. Макарий, Антиохийский патриарх, защищал монофелитство, говоря, что в Господе нашем Иисусе Христе одно хотение и одно богомужное действие. Собор сначала лишил его омофора, а потом анафематствовал. Поскольку монофелитство в отличие, скажем, от монофизитства выросло из расчетов политических императорской власти, держалось на компромиссах, у него не оказалось значительной почвы ни в среде

духовенства, ни в среде народа. Впрочем, на самом шестом Вселенском соборе был все-таки один фанатик монофелитства по имени Полихроний, который вошел в историю Церкви. Он был монах и как один из тех, кто был рядом при соборе. Он настолько был убежден в правоте своих богословских взглядов, что был готов совершить чудо, причем далеко превосходящее обычные проявления благодатного действия Божия. Полихроний заявил отцам собора, что он докажет истинность своей веры тем, что воскресит умершего. Ему была предоставлена такая возможность, но сделать этого он не сумел, был посрамлен и назван «безумным Полихронием», и был анафематствован, потому что все равно не смирился.

Трульский собор

У шестого Вселенского собора было своеобразное продолжение. Примерно десять лет спустя после собора в 691 году епископы вновь были призваны на собор в императорский дворец в Константинополе, в зал этого дворца, называемый Труллы. В значительной части это были те же самые отцы, за десять лет многие все же оставались из прежних на своих кафедрах, отчасти другие. С конца лета 691 года до осени 692 года, в течение всего года отцы собора занимались исключительно вопросами церковной дисциплины, и в результате принято было 102 правила Трулльского (пято-шестого) собора, которые составляют значительную часть канонического корпуса нашей Церкви. В первом правиле собора перечисляются священные книги Нового и Ветхого Завета, во втором правиле – правила, каноны, ранее изданные. Правила этого собора охватывают самые разные стороны церковной жизни, но Трулльский собор ввел новое в церковную жизнь, почва для которого была уже приготовлена. Именно Трулльский собор ввел обязательность целибата для епископов. В католической Церкви обязательный целибат стал утверждаться для всего священства еще в четвертом веке. Правда, и ко времени Трулльского собора далеко не везде на Западе целибат для священства был обязательным, но безусловно он был обязательным самой Римской Церковью и в большинстве западных церквей. Как известно, в Ирландии, где сохранялись греческие, восточные обряды, она сохраняла обычаи, по которым священники были женатые вплоть до одиннадцатого века, когда уже самыми решительными действиями пап все это было прекращено. На Востоке до сих пор священство не целибатное; целибатным оно может быть, но это уже чаще бывает как исключение.

Что касается епископов, то хотя обязательного целибата не было, то ко времени Трулльского собора действительно многие епископы были прямо из монахов, другие были целибатными епископами, и только немногие оставались людьми семейными, женатыми. Собор окончательно решил вопрос о браке и безбрачии духовных лиц; он постановил, чтобы епископы вели безбрачную жизнь. Тем епископам, которые уже были в архиерейском сане ко времени Трулльского собора предлагалось, чтобы они по согласию своих жен с ними разлучались. Но поскольку требовалось согласие жен, значит его могло и не быть, и сами епископы могли не иметь такого согласия, то Трулльский собор постановил, что те, кто останутся в браке, епископского сана не лишаются, потому что лишение епископского сана это было бы наказанием, а наказывать не

за что, поскольку жена не отпускает, но прекращают епископское служение. С тех пор в Православной Церкви епископат безбрачный. Иногда предполагают, что Трулльский собор ввел обязательность монашества для епископов; это не так. Монашество в Русской Церкви имело место среди епископов изначально и остается таким до наших дней; но это не вытекает непосредственно из нормы Трулльского собора. Из решений Трулльского собора вытекает только обязательность безбрачия. В Греческой Церкви и в Грузинской Церкви нет обязательности монашества для епископов, а как правило, греческие епископы монахи, но не мантийные монахи, а рясофорные монахи, которые обетов еще не дают. В Грузинской Церкви может быть епископом целибатный священнослужитель без монашества, но обязательно целибатный.

Иногда говорят, а как же апостольское правило «епископ да будет одной жены муж», и вдруг Трулльский собор ввел другой порядок вещей. Однако в первом случае содержится не такая мысль, что обязательно епископ должен быть одной жены муж, а ясная мысль, что епископ не может быть из двоебрачных. Трулльский собор никак не отменил эту действительную мысль апостольского правила, он только ввел еще более жесткую норму: не просто он не должен быть двоебрачным, но ему не следует быть хотя бы даже и единобрачным, а запрет двоебрачия, составляющего действительный смысл апостольского правила, остался неприкосновенным.

Иконоборческая ересь

Через столетие после императора Ираклия, в начале уже восьмого века, на престоле находился император Лев Исавр. Исавр – это название по национальности, исаврийцы – это одно из сирийских плен. Началась эпоха иконоборчества. Почитание икон, восходящее к почитанию нерукотворного образа Христа Спасителя, знает историю, связанную с исцелением Едесского князя Авгаря. Первым государством, принявшим христианство, была Армения – это еще до св. Константина, в самом начале четвертого века. Но если иметь в виду не государство, а княжество, то князь Едессы Авгарь принял учение Христа еще во время земной жизни Христа. С тех пор идет почитание икон, и оно особенно усилилось во времена издания Миланского эдикта и во времена первого Никейского собора, в четвертом столетии и потом все время возрастало. Это было почитание как икон Христа Спасителя, так и Божией Матери, и святых. При этом, вероятно, имели место злоупотребления, которые заключались в том, что происходила некая фетишизация икон, когда сама икона мыслилась как самостоятельный, полноценный объект почитания, и самую благодатную помощь искали прямо от иконы помимо изображенного на ней святого. Порой употребляли в качестве святыни краску с икон, которую стирали и добавляли в пищу, в святую воду с надеждой на исцеление, в причастие. Особенно такой искаженный характер почитание икон приобретало в среде еще недавних язычников, и их прежние религиозные чувства, привязанные к самым разным объектам почитания, к псевдосвященным языческим изображениям, они замещались почитанием иконы.

У императора Льва Исавра появилась мысль бороться с народными предрассудками и языческими искажениями религиозной жизни, языческими

пережитками в религиозном сознании людей. Но скорее это было для него предлогом. Обыкновенно в связи с иконоборчеством говорят о влиянии инорелигиозной среды, отчасти иудейства, а в еще более сильной форме – ислама, потому что был как раз век, когда ислам распространился по всему Востоку, покорил огромные территории, принадлежавшие ранее Византии. Аргументация ислама против почитания икон и вообще изображений не могла проходить мимо сознания осведомленных людей и среди христиан. Поэтому корни иконоборчества усматриваются в исламе и в иудействе. Ислам радикально запрещает не только священные изображения, но изображения любого живого существа. Такая доктрина существовала и для некоторых христиан это казалось убедительным. Таким был и император Лев Исавр. И ему удалось повлиять своими убеждениями на чиновников и в особенности на армию. Были императоры, склонные к иконопочитанию, потом вводившие иконопочитание, поддерживавшие иконопочитателей, а оппозиция этому всегда оказывалась со стороны армии, то есть там иконоборчество держалось долго.

Сложившаяся ситуация была взорвана таким эпизодом: образ Христа Спасителя находился на императорском дворце, и с этим образом была связана настоящая борьба иконоборцев с иконопочитателями. Император Лев Исавр издал акт, в котором он, ссылаясь на мнение Константинопольских и других иерархов, которые его поддержали, критиковал элементы языческого идолопоклонства в почитании св. икон. Он напоминал, что иконы – всего лишь изображения, и не более того, поэтому он предписывал поначалу, иконы не уничтожать и не запрещал их писать, а запрещал их лобызать, оказывать им молитвенное почитание. Велено было все иконы поднять так, чтобы к ним не могли прикладываться, потому что в этом лобызании икон усматривался языческий обряд. Это было сделано и вызвало ропот среди православных.

В ту пору на защиту иконопочитания особенно ревностно поднялось монашество, стали устраивать крестные ходы с иконами, в особенности иконами Божией Матери по Константинополю и по другим городам. Однако император Лев Исавр оказался непреклонен в своих намерениях и распорядился убрать икону Христа Спасителя с ворот своего дворца. Собрался народ, которому это не нравилось. Была поставлена лестница, а совершавший это дело военный начальник стал разбивать образ Христа Спасителя. Это глубоко оскорбило религиозные чувства собравшихся людей, и из-под него вырвали лестницу. Он упал и разбился насмерть. Тогда были произведены аресты и несколько человек были преданы смертной казни. Церковь прославила этих казненных иконопочитателей как святых, имена их в церковном календаре. Император стал действовать еще более решительно. Иконы стали уничтожаться.

Император Лев Исавр оставил свой престол своему сыну Копрониму, но в промежуток – в Константинополе пришел как тогда называли «тиран». Тиранами тогда называли незаконного правителя, захватчика престола. Однако Константин Копроним вскоре, опираясь на армию, получил престол, который ему оставил его отец, но который он не сумел в начале занять, потому что другой перехватил власть. Константин Копроним стал проводить особенно жестокие гонения против православных, и особенно возмутительное для религиозных чувств

иконопочитателей уничтожение икон. Это иконоборчество привело к тому, что количество икон до Македонской династии сохранилось крайне ничтожным и они сохранились по некоторым отдаленным местам, например, в Синайском монастыре. К этой эпохе относится и чудо явления Иверской иконы Божией Матери на Афоне, в Иверском, что значит грузинском монастыре. По преданию она по морю дошла из Константинополя до Святой горы.

Иконоборческое действие императора встретило противодействие из разных кругов византийского общества, в особенности со стороны монашествующих, впрочем, среди знатных влиятельных фамилий, чиновников, генералов, много было жен, кто был привержен иконопочитанию. Наконец, Запад во главе с папами отвергал иконоборчество. Папа Адриан, Лев и другие папы этой эпохи заявляли протесты против надругательства над иконами и преследования иконопочитателей. К этому времени папы освободились от зависимости от императоров, это произошло через сближение их с франкскими королями. В восьмом столетии франки, которые были со времен Хлодвига православными, то есть католиками для восприятия истории католического Запада, а не арианами, как другие короли варварских германских государств, образовавшихся на развалинах Римской империи. Они изгнали лангобардов ариан из Италии, и епископ Рима воспользовался этим обстоятельством, фактически вышел из отношений подданства по отношению к императорам в Новом Риме, Константинополе, но юг Италии, Сицилия, контролировались по-прежнему византийскими войсками и администрацией.

Тогда император иконоборец Лев Исавр в качестве контрмеры против папы изменил границы юрисдикций римских пап. В их юрисдикции находился весь Запад, а также и Балканы кроме Фракии, то есть территория современной Греции и Югославии и половины Болгарии и Румынии. Только современная турецкая Европа и юго-восточная Болгария с Филипополем, Пловдивом были во Фракии, поэтому здесь уже с четвертого, пятого века юрисдикция Константинопольского патриархата. Император иконоборец Лев Исавр, при Константине Копрониме поддерживалась эта линия, передает Константинопольскому патриарху, принявшему иконоборчество юрисдикцию над Балканами, а также над южной Италией с Неаполем и Сицилией. Впоследствии, после завоевания Южной Италии и Сицилии норманнами, которые приходят туда язычниками и становятся христианами, через них папа восстанавливает юрисдикцию над Сицилией и Южной Италией. Большая часть Балкан остается у Константинопольских патриархов. Это предприняли еретики против тогда православных пап, но если посмотреть на последующие события и размежевание церковных границ, то окажется, что этот акт императоров иконоборцев при разделении Церквей в 1054 году сохранил Православие для жителей Балкан. В результате греки и значительное большинство Балканских славян остались православными, потому что были в юрисдикции Константинополя.

Как в свое время Церковь обрела защитника Православия против монофелитской ереси главным образом в лице прп. Максима Исповедника, так и защитником иконопочитания в эту пору к середине восьмого века стал прп. Иоанн Дамаскин. Прп. Иоанн был по происхождению сирийский араб. Он был

министром у эмира, то есть ближайшим советником, но сам он был православный. Его имя в арабском мире Мансур. Вдали от императоров, неподвластный императором, но, живя в исламской среде, он был по отношению к исламцам иноверцем, но его господина эмира не очень интересовали особенности его христианских взглядов, поэтому он смог стать защитником иконопочитания. Многие годы своей жизни он подвизался в палестинском монастыре св. Саввы Освященного, там до сих пор сохраняется его тесная келья. Это вторая половина его жизни, а начал он как христианский апологет писать сочинения в защиту иконопочитания, когда еще занимал высокую государственную должность, но вне Византии.

Какими аргументами пользовался прп. Иоанн Дамаскин в защите св. икон? Прп. Иоанн Дамаскин продолжал и развивал христологическую тему в связи с вопросом о Боговоплощении. Аргументы иконоборцев заключались в следующем: почитание икон – это своего рода идолослужение, возврат в язычество, но богословский аргумент иконоборцев был таким. Какая природа, спрашивали они, Господа Иисуса Христа изображается на иконе? Божественная или человеческая? Если это попытка изобразить Божественную природу Христа, то это безумие, поскольку Божество неописуемо, Божество не имеет ни пространственных и никаких иных, ни временных границ, неизобразимо абсолютно. Надо сказать, что есть церковное правило воспрещающее изображение Бога Отца, потому что Он не воплощался и в самом деле неописуем. Здесь обсуждение шло о природе Божества Сына, Христа. Следовательно, если Божество неописуемо, неизобразимо, то его и невозможно изобразить. Если же это изображение только человечества во Христе, Его человеческой природы, то напоминали о ветхозаветном запрете почитания человеческого, человекослужение как своего рода идолослужение. Так отвергалась возможность почитания в иконном изображении отдельной человеческой природы во Христе. Кроме того, утверждалось, что это отголосок несторианской ереси, поскольку человечество представляется отдельным от Божества Христа, а Господь Иисус Христос Богочеловек, то, как можно изобразить его в двух природах, одной и другой, неописуемой и описуемой? Примерно такого рода рассуждения.

Преподобный Иоанн Дамаскин противопоставлял этому такое суждение, что не природа изображается на иконе, а на иконе изображается лицо, личность, ипостась. По природе своей икона – это доска и краски, и она никак не соответствует ни Божественной, ни человеческой природе Христа. Так же как и всякое иное изображение, скажем, человека не является изображением его природы, потому что это краски или камни мозаичные, или мрамор. Такое по природе изображение никак не соответствует ни телесной физической природе человека, ни его духовной природе, потому что нельзя воспроизвести ни душу человека, ни его тело в изображении, а это всего лишь иного порядка вещество. Но что изображает всякий образ? Он изображает личность, он изображает ипостась, образ любого человека – это изображение его ипостаси. Таким же образом и икона является изображением ипостаси Иисуса Христа, Его Богочеловеческой ипостаси, и подобно тому как в молитвах своих мы

обращаемся не к человеческой природе Христа или к Его Божественной природе, а мы общаемся к личности, к лицу, к ипостаси Богочеловека Иисуса Христа, так и почитая икону, лобызая икону, мы почитаем не вещество, ни краски, ни дерево, ни камни, а наше почитание восходит через образ к первообразу, к Самому Христу, так же как и, когда мы совершаем акт почитания иконы Божией Матери и святых, то все это относится не к веществу, ни к краскам, ни к материалу, ни к дереву, ни к камню, а к тому кто изображен на этой иконы. Это учение было учением прп. Иоанна Дамаскина и, в конце концов, оно восторжествовало в Церкви.

На Западе развивалась иная доктрина относительно почитания св. икон, и хотя Западная Церковь восприняла седьмой Вселенский собор, тем не менее самая суть отношения к иконе и к всякому иконописному изображению, которое сложилось на Западе, отличается от учения Никейского собора. Главным образом на икону смотрели не столько как объект почитания, хотя это не запрещалось, не отвергалось, но на икону смотрели больше как на священные изображения, которые должны малограмотному и неграмотному человеку представить картинные образы содержания Священной истории. Иначе говоря, как на иллюстрацию библейских книг в первую очередь, конечно Священного Писания Нового завета, историю земной жизни Христа Спасителя, Его Голгофы, Его Воскресение, а также священные события церковной истории или из житий святых. Франкфуртский собор, собранный по вопросу иконопочитания, много сказал против не должного почитания икон, против того, чтобы это почитание икон уподоблялось служению иконам, впрочем, это различение проводил и прп. Иоанн Дамаскин, также как и седьмой Вселенский собор, что почитание икон не должно иметь характер служения, который уместен только по отношению к Богу, а почитание икон должно быть аналогично почитанию Креста, мощей святых и самих святых.

Во второй половине восьмого столетия после смерти Льва Хазара его супруга, Ирина, оказалась иконопочитательницей, и став правительницей государства от имени своего сына, которого она до власти так и не допустила, причем поступила с сыном своим весьма коварно: она велела его ослепить, когда он обнаружил стремление вернуть себе власть. Может быть, ею могли руководить опасения за судьбу иконопочитания, потому что ее сын мог унаследовать от своих предков по отцовской линии иконоборчество. Царица Ирина, оказавшись иконопочитательницей, решила созвать собор, но первая ее попытка оказалась неудачной, войска, верные наследию Льва Исавра, Константина Копронима, Льва Хазара, Льва Армянина, были иконоборцы. В военной среде иконоборчество было очень сильным. и они явно проявили признаки волнений, поэтому была опасность, что они могли свергнуть царицу. Поэтому Ирина действовала более осторожно, и по ее инициативе патриархом был поставлен Тарасий, высокопоставленный чиновник, сенатор, ставший священнослужителем и сразу патриархом – он был иконопочитателем. Видя обстановку в столице Константинополе трудной, смутной, неблагоприятной, Ирина решила созвать собор в Никее. Это был второй Вселенский собор в Никее, и оказался последним православным Вселенским собором, седьмым Вселенским.

Собор был созван под председательством патриарха Тарасия. Незадолго до этого был иконоборческий собор, и многие епископы оставались приверженцами иконоборчества, но монашество выдвинуло из своей среды и защитников иконопочитания и состояло из ревностных иконопочитателей. Поэтому было принято решение в связи с тем, что многие епископы запятнали себя приверженностью к иконоборческой ереси, призвать на собор помимо епископов и простых монахов без сана или с саном, дать на соборе им слово наравне с епископами. И под оросом второго Никейского или седьмого Вселенского собора стоят подписи монахов.

Собор повторил основные учения и положения прп. Иоанна Дамаскина о почитании икон: о том, как это почитание от образа восходит к самому первообразу. При этом проводилась мысль о том, что почитание икон должно отличаться от почитания Бога, и поэтому употребляется иное греческое слово, которое в переводе обычно звучит как «служение» Богу. Догмат иконопочитания, утвержденный на соборе: «Мы определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображения честного и животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок, или мозаичных плиточек, или из какого-либо иного вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться во св. церквах Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах и дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли эти иконы Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, или Непорочной нашей Владычицы Богородицы, или честных Ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще, при помощи икон, они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но не как не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует одному только Божественному естеству. Взирающие на сии иконы возбуждаются приносить иконам фимиам и ставить свечи в честь их, как делалось это в древности, потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней».

Прп. Иоанн Дамаскин написал не только несколько защитительных слов об иконопочитании, его наследие обширное и включает в себя творения разного рода, в том числе и богослужебные тексты, и употребляется до сих пор в Церкви пасхальный канон его сочинения. Кроме того, он написал книгу под названием «Точное изложение православной веры». До него свв. отцы писали богословские творения на определенные темы, чаще всего в связи с борьбой вокруг тех или иных богословских вопросов, для противостояния ересям, для отстаивания православного учения против ересей, но эта книга – «Точное изложение православной веры» – представляет собой систематическое изложение богословия.

Второй Никейский собор утвердил Православие, но это не было окончательной победой над иконоборчеством. Прошло некоторое время и вновь к власти пришли императоры, склонявшиеся к иконоборчеству. При Льве Армянине начало иконоборчества было более умеренным. Не провозглашался

запрет всяких вообще изображений, а возбранялось почитание икон, лобызание икон. Но это вызвало очень энергичный отпор. Константинопольский патриарх Никифор Исповедник отвел новую напасть от Церкви. На этой фазе иконоборчества особенно большую ревность проявил защитник почитания икон, игумен константинопольского Студитского монастыря прп. Феодор Студит. Рядом с ним стоял еще один подвижник из монахов, Феофан Начертанный, так его наименовали, потому что он подвергся мучениям, и на его теле изображали. Событие иконоборчества отложило окончательное торжество православного иконопочитания на несколько десятилетий, а в сороковые годы девятого столетия иконоборчество было окончательно побеждено. В Византии оно уже никогда больше не возникало вновь, возродившись уже в эпоху Реформации на Западе. Это было при правлении империей царицы Феодоры. Эта царица велела совершить чин Торжества Православия, когда совершалось ублажение памяти святых защитников иконопочитания, и святых защитников православной веры против иных ранее появлявшихся ересей, и одновременно анафематствование еретиков иконоборцев, и всех вообще уже ранее анафематствованных и осужденных Церковью еретиков. Этот чин Торжества Православия с тех пор стал совершаться в церквях в каждое первое воскресенье Великого поста, так это продолжается и до наших дней.

Тема 7. Церковь в эпоху патриарха Фотия. Распространение христианства среди славян. Разрыв с Западной Церковью в 1054 г.

Рубеж девятого столетия ознаменован был очень важными событиями в церковно-государственных отношениях на Западе, которые имели огромные последствия для Западной Церкви. До императоров иконоборцев епископы Рима оставались подданными императора Нового Рима. В эпоху иконоборчества они смогли освободиться от этой зависимости, получив поддержку со стороны франкских королей, Карла Мартелла, Пиппина Короткого, которые изгнали лангобардов из Италии. Однако самые важные события произошли при внуке Карла Мартелла и сыне Пиппина Короткого, Карле Великом. Карл Великий в восприятии Западной Европы фигура столь же масштабная, как Цезарь или Август, или Константин Великий. Франкский король, который благодаря военным талантам, может быть еще и слабости окружающих мелких германских арианских государств, сумел покорить, подчинить их. Кроме того, он успешно, хотя и не блестяще воевал на юге, на Пиренеях против арабов. Арабская экспансия или точнее мусульманская экспансия охватила все Пиринеи, а при его деде Карле Мартелле почти всю южную территорию Франции заняли войска халифата, так что Карл Мартелл победил в одном из важных сражений арабов и сохранил христианство в Западной Европе. Кроме того, он вел успешные войны, на восточных границах с саксами, тогда еще остававшимися язычниками. И победил саксов, причем использовал при этом поддержку со стороны соседних с саксами славянских племенных князей, но потом, когда саксы стали христианами, они припомнили славянским своим соседям эту помощь, и началась экспансия немцев на восток. В конце концов, он создал такое мощное

государство, во всяком случае, с обширной территорией, включавшей в свой состав всю территорию современной Франции, стран Бенилюкса, Германии и Италии. Епископ Рима оказывал ему во всем полную и совершенную поддержку, потому что были давние связи между франкскими королями и епископами Рима.

На рубеже столетий (в 800 году) в Риме совершается акт огромного исторического значения, это было восстановлением Западной Римской империи, то есть король Карл поставляется папой в римские императоры. Это обстоятельство поставило политическую власть Европы в особые отношения с римскими епископами. Если императоры Нового Рима, Константинополя, были прямыми преемниками власти от императоров Древнего Рима без разрывов, власть которых имела самобытную причину, стала освящаться Церковью, но не в церковном благословении усматривала свое начало. Поэтому императоры Нового Рима, Константинополя, ставили себя в отношениях с Церковью более высоко, чем это следовало, отсюда частые посягательства и на Православие, и на основы устройства церковной жизни. Однако западный император, Карл Великий, Карл Первый, императорскую корону получил от епископа Рима. И это навсегда поставило императоров западного Рима в зависимое отношение от пап. Конечно, были императоры, которые бунтовали против пап, например, Генрих Четвертый в первой половине одиннадцатого века, Фридрих Барбаросса в двенадцатом столетии, но, в конце концов, епископы Рима находили против них управу. Она обыкновенно заключалась в том, что епископы Рима прибегали к интердикту, к запрету совершения богослужений, в том числе и самых необходимых, как отпевания мертвых, до тех пор, пока не будет свергнута преступная власть, взбунтовавшаяся против римского папы, «наместника Христа». С тех пор, после того как поставили императора, епископы Рима стали именовать себя очень высоко. И раньше обнаруживались притязания Римских епископов на вселенскую юрисдикцию, но в формах, не приводивших к разрыву, потому что чаще всего эти разрывы имели своей причиной впадение в ересь Восточных Церквей. Однако в данном случае никаких ересей на Востоке уже не было, но узурпация вселенской власти епископами Рима на Западе произошла.

Приняв корону из рук папы, и наименовав себя римским императором, Карл Великий, тем не менее, не сделал своей резиденцией Рим. У него не было постоянной столицы, у него было несколько столичных городов, где он время от времени пребывал, они были на территории Северной Галлии и западной Германии. В Риме он не находился, и он не назначил туда своего наместника, который был бы там полновластным администратором. Рим стал управляться с этих пор в значительной мере и в гражданском отношении епископами Рима. Также ряд других владений, которые раньше принадлежали папе, как Ватикан, они становились все в большей и большей мере территориями, где действовал государственный суверенитет, политическая власть папы. Это церковное государство, которое в последствии называли «папской областью», а в наше время государство Ватикан имеет название Святой престол. По дипломатическому протоколу во всех случаях и во всех отношениях первое место принадлежит папе.

Тогда и возникла странная легенда «дар Константинов». Причем она была переведена на славянский язык под названием «вено Константиново», и патриарх Никон включил этот текст в Кормчую книгу. Это текст, будто бы император Константин Великий совершает акт дарения папе Сильвестру за то, что тот исцелил его от болезни. И что он ему дарит и с какой мотивацией? Он, император, познавший свет истины, который ему открыл богоданный епископ Сильвестр, уже не может дерзать на то, чтобы оставаться в городе, где имеет свое пребывание епископ Рима, но со смирением удаляется на Босфор, созидает там себе сам новую столицу, Новый Рим, и при этом он передает и дарит святому Сильвестру, епископу Сильвестру, императорские регалии, Латеранский дворец, город Рим, Италию и весь Запад в его совершенную полную абсолютную власть. Несмотря на то, что в действительности епископы Рима были всего лишь подданными императоров Рима, но после того как епископы Рима поставили себя над императором Карлом, было представлено дело таким образом, будто изначально от самого Крещения св. Константина они занимают такое же точно положение, и являются императорами.

Где же появился этот лжедокумент? Он появился во Франкском государстве, где-то на его границе между французской и немецкой территориями, скорее, в Кельне. И вероятным составителем всех этих фальсификариев является дьякон Венедикт Левита, потому что определенно известно, что ему принадлежат фальсифицированные капитуляры франкских королей, написанные примерно тем же стилем, тем же языком. В семнадцатом веке впервые католические канонисты признали, что это фальсификация, в восемнадцатом веке уже никто не настаивает, что это подлинник.

Эта одна проблема, связанная с расширением власти, с возрастанием уровня притязаний римских епископов. Возникла и другая, богословская проблема, которая впоследствии привела к разрыву в общении. Она имеет латинское название – Filioque, филиокве. Филиокве – в переводе с латинского на русский язык, это «и от Сына». За этим обозначением стоит внесение исправления или дополнения в Символ веры, который был принят в первой редакции Никейским, а в окончательной редакции на Константинопольском соборе и называется у нас Никео-Цареградским Символом. Это включение дополнительного слова относится к исхождению Святого Духа не только от Отца, но дополняется – и от Сына.

Сделано это было впервые на соборе в Толедо еще до завоевания Испании маврами, потому что это были уже в основном не арабы, а принявшие ислам жители Магриба, то есть те, которых сейчас называют берберы. Это было до завоевания Испании, как раз после того, когда вестготские короли приняли Православие, отказавшись от прежнего арианства. Тогда на Толедском соборе было решено, чтобы убедить вчерашних ариан, мысль о равночестности Сына Отцу; основная идея арианства заключается в отрицании равночестности, единосущности Сына Отцу. Казалось наилучшим образом, если исчезнет и некая тень неравночестности об исхождении Духа только от Отца, поэтому от Отца и Сына, казалось очень убедительно и ясно – Сын ставится рядом с Отцом, подчеркивается равночестность ипостаси Отца и Сына указанием на это

исхождение Святого Духа. Вначале это ввел Толедский собор, затем чем дальше, тем больше церквей в Испании, в Галлии стали это изменение заимствовать у Толедского собора. В конце концов, это стало распространяться в церквях Италии, поставлен был вопрос о том, чтобы и в римский Символ Веры это дополнение включить, это было при папе Льве, уже во второй половине девятого века. Однако папа Лев поступил иначе, с одной стороны, он написал, что сам придерживается именно такого богословского представления об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. Обычно западные богословы находят в некоторых словах, выражениях блж. Августина основание для такого учения. Он говорил об исхождении от Отца Духа Святого через Сына, это сопоставляется с «и от Сына». С дугой стороны, папа Лев заявил, что Никео-Цареградский Символ – Символ Веры общий для всей Церкви, и, хотя он не содержит полноты учения, но достаточен и хорош. Ничего не надо менять в общецерковном Символе Веры, оставив это добавление «и от Сына» для такого богословского употребления в отдельных церквях, где это полезно. Поэтому, настаивая для необходимости сохранения общего Символа Веры, одинакового для Востока и Запада, он даже велел начертать его на золотых и серебряных досках, которые были помещены в Латеранском соборе.

В ту пору защитником православного богословия против Филиокве явился патриарх Фотий. Вообще история патриарха Фотия, он был ученейший человек и особенно любитель книг. Ему принадлежит такое своеобразное сочинение как изложение вкратце большей части известной тогда греческой литературы. Поэтому очень многие византийские и древнегреческие сочинения, не сохранившиеся до наших дней, сохранились в этом кратком изложении. Он писал разнообразные сочинения, в частности и богословские. Как и патриарх Тарасий, он был светский высокопоставленный чиновник, сенатор до своего патриаршества, и в патриархи был поставлен прямо из мирян. Это было поводом для обострения отношения с Западом, где настаивали на возвращении низложенного с престола императорской властью Василия Македонянина, святого Игнатия. В нашей церкви оба патриарха почитаются как святые, только св. Игнатий общечтимый, а патриарх Фотий очень почитаемый в богословской среде, но церковно почитаемый как местный святой в Греческой Церкви. Для Запада он главный виновник церковного разделения, хотя оно произошло фактически и окончательно, по крайней мере, почти через двести лет после патриарха Фотия, но при нем все надломилось.

Патриарх Фотий писал о Филиокве, и он находил, что попытка рационального объяснения тайны взаимоотношений между Божественными Ипостасями несостоятельна, из этого ничего не получается, потому что если западные находят, что для того, чтобы показать словесно равночестность Сына Отцу через Филиокве, через придуманное ими исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, то тогда в этой логике получается, что особым образом уничижается Божество Святого Духа. «Тогда уж, если требуется словесно показать равенство ипостасей, тогда мы должны будем, - писал Фотий, - и говорить о рождении Сына не только от Отца, но и от Святого Духа, об исхождении не только Святого Духа, но и Отца от Сына и Святого Духа, и иные,

- добавляет он, - безумные глаголы». Поэтому нет никакой возможности и никаких оснований для того, чтобы придуманными формулами показать равночестность ипостасей. Мы исповедуем равночестность и единосущность ипостасей, а также «исповедую исхождение Святого Духа от Отца», так же как рождение Сына Божественного от ипостаси Отца. Как учили древние святые отцы свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, тайна рождения и исхождения, и в чем заключается различие в рождении и исхождении, нашему тварному уму непостижимо, мы исповедуем только. что в Отце имеют Свое начало ипостаси и Сына, и Святого Духа. И неведомым нам образом происходит это рождение и исхождение. Примерно так показывает патриарх Фотий вслед за древними отцами четвертого столетия непостижимость тайных внутрибожественных, межипостасных отношений внутри Божества, продолжая линию катафатического богословия, когда считается уместным не прибегать к философским умозаключениям, а всего лишь, сознавая ограниченность человеческого постижения, опираться на богооткровенные истины, на то, что дано Самим Богом в Его откровении нам.

Римский папа Николай сознавал себя не просто первым из поместных епископов, а главой всех Церквей со всеми административными правами. Около 10 лет в Риме не признавали патриарха Фотия, а поддерживали св. Игнатия. Св. Игнатий запрещал в служении священников поддерживающих Фотия. В конце концов император Михаил отвернулся от патриарха Фотия. В какой-то момент он захотел наладить отношения с епископом Рима. Вообще он во время своего царствования мало реально управлял. В первое время он находился под опекой Варды, своего родственника, потому что начал царствовать малолетним. Варда был очень властным и был по титулу соправителем Михаила. После смерти Варды, Михаил приблизил к себе одного из своих слуг Василия и сделал его своим соправителем, а затем Василий Македонянин сверг императора Михаила III и стал основателем македонской династии. Эта династия просуществовала до середины XI века – 200 лет.

Когда император Михаил склонился на сторону Рима, тогда был созван в Константинополе большой собор в 869 г., явились легаты папы. На этом соборе был низложен в миряне патриарх Фотий, а поставлен был вновь св. Игнатий. Этот собор признал все требования Римской кафедры, поэтому этот собор для Православной Церкви имеет статус просто Поместного собора, а Римская Церковь рассматривает этот собор как восьмой Вселенский. Затем ситуация изменилась. Патриарх Игнатий был стар, и хотя образ его жизни был очень аскетичным, и он не смог навести в Церкви порядок.

Нестроения тянулись от иконоборчества. Когда иконоборчество было преодолено, то наметились две линии по отношению к бывшим иконоборцам. Одна жесткого неприятия и лишения их сана. Этой линии придерживался и св. Игнатий. Другая линия была икономическая, говорилось о лояльном отношении к покаявшимся иконоборцам. Это была линия патриарха Фотия. Сторонников икономической партии было больше, к тому же на св. Игнатия легло пятно, он явился орудием в руках Рима. Через его восстановление в Константинополе усилилась позиция Рима. Поэтому дело шло к тому, чтобы патриарха Фотия

вернуть. Однако св. Игнатий оставался на престоле до кончины, а после его кончины был созван собор 879 г. в Святой Софии и большинство захотело, чтобы патриархом был Фотий и Фотий был восстановлен. Вскоре новый император Василий Македонянин оказался им недоволен и низложил его. Фотий скончался в изгнании с патриаршего престола, но в 883 г., еще во время своего патриаршества успел издать номоканон в четырнадцати титулах, в котором собраны основные законы, по которым живет Православная Церковь.

Эпоха патриарха Фотия была связана с христианизацией славянских народов. Славяне появились в историческом поле зрения в шестом веке, как серьезная опасность со стороны Дуная. Они были язычниками, но вторглись на территории, заселенные христианскими народами. Однако в VII столетии славяне были завоеваны булгарами.

Во времена царствования Булгарского царя Бориса народ принял христианство. Это было при патриархе Фотии. Им проповедовали греки, вводили византийский обряд, но сам Борис опасался, что включение Болгарской Церкви в Константинопольскую юрисдикцию ограничит его политическую независимость. В Константинополе смотрели на царей народов, принявших христианство, как на подданных. Поэтому Борис подумал, что Рим дальше и решил наладить с ним связи и сохранить независимость.

До императоров иконоборцев на Балканах входила в юрисдикцию Рима только Фракия. Однако императоры иконоборцы отняли Балканы у Рима и передали патриархам Константинополя. Таким образом шел спор из-за Болгарии. Царю Борису Рим обещал королевский титул, но после его смерти сохранился восточный обряд. Однако он поставил вопрос об автокефалии Болгарской церкви.

В те же времена произошла христианизация другого славянского племени – моравов. Моравов как отдельного народа нет, он очень близкий к чехам. Среди моравов стало интенсивно распространяться христианство. Его несли туда в основном германские миссионеры. Однако немцы одновременно стремились поработить их. Поэтому местный князь Ростислав, уже будучи христианином, обратился к императору Михаилу и просил прислать миссионеров. Михаил вместе с патриархом Фотием нашли просветителей свв. Кирилла и Мефодия. Они уроженцы города Фессалоники или Солуни, знали славянский язык и имели греческое образование. Существуют мнения, что свв. Кирилл и Мефодий уже у себя на Родине предпринимали опыты создания славянского алфавита, но бесспорно, что они это делали тогда, когда совершали свое миссионерское служение в Моравии. Был эпизод в их жизни, когда их попросили прийти хазары и они были туда посланы. При этом было сказано, что никто к этому лучше не приспособлен чем они. Подразумевалось под этим то, что они знали славянский язык и это уже была миссия среди восточных славян, наших прямых предков. Среди хазар были разные племена и славяне в том числе, то есть подчинялись Хазарскому каганату. Они пришли в Моравию. Кирилл до монашеского пострига носил имя Константин. Его называли Константин Философ. Философами в Византии называли тех, кто имел полное образование. Мефодий до пострига был военачальник. В Моравии они не только проповедовали Христа, но завершили

свой главный труд – создали славянскую азбуку и перевели на славянский язык Священное Писание. Вероятно, перевели не весь текст Ветхого и Нового Завета, но Новый Завет и значительную часть Ветхого Завета, богослужебные книги и некоторые другие. До нас не дошли ими самими написанные тексты. Ближайшие к их времени – это тексты, относящиеся к X-XI столетиям. Однако эти тексты представляют собой достаточно точные списки того, что написали свв. Кирилл и Мефодий. Какова была наша первоначальная азбука? Принятый у нас алфавит получил название кириллицы. Но существует два славянских алфавита: один распространенный – это церковно-славянский и его производные. Однако есть совсем другая славянская азбука – глаголица. Она имела очень редкое в средневековье употребление. Она употреблялась среди славян католиков в Хорватии, там, где в отдельных уголках сохранялось славянское богослужение. Там употреблялись книги, написанные глаголицей. Есть книги на глаголице киевского происхождения. Начертание букв там совершенно иное. Несколько букв кириллицы точно воспроизводят глаголицу: «ш, ч, щ». В этом стиле и вся азбука глаголицы. В наше время большинство специалистов придерживаются той точки зрения, что Кирилл и Мефодий изобрели глаголицу. И они переложили книги на глаголицу, а кириллица возникла таким образом: когда ученики свв. Кирилла и Мефодия были изгнаны из Моравии, то нашли приют среди Болгар. Там, оказавшись в орбите Константинопольского влияния, они стали переделывать глаголицу на азбуку, гораздо более близкую к греческой. Так возникла кириллица.

Князь Моравии Ростислав покровительствовал свв. Кириллу и Мефодию, но среди моравов не было единства. Был Святополк, который представлял пронемецкую партию. Поэтому были разные интриги, очень сильно противодействовали сва. Кириллу и Мефодию. Противодействовали священники, епископы Зальсбургской кафедры, своей кафедры в Моравии не было, причем жестко настаивали на прекращении деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Их обвиняли в том, что они совершали богослужения на славянском языке. Между тем в Риме существовала доктрина, от которой отказались только на втором Вселенском соборе, что богослужение может совершаться только на трех языках – на тех на которых Пилат написал на распятии, то есть на латинском, греческом и еврейском. Это значило, что служить должны на латинском, у греков на греческом, а еврейским языком христиане не пользовались. Что касается вопросов юрисдикции, то свв. Кирилл и Мефодий действовали деликатно, не стремились включить Моравию в сферу Константинопольского Патриархата, признавали юрисдикцию Рима. Линия Рима была сложной – с одной стороны интересы немецких князей не были их собственные интересы, для них было все равно – немцы или славяне. С другой стороны, за деятельностью свв. Кирилла и Мефодия они видели опасность распространения влияния Константинопольского Патриархата на Центральную Европу. Свв. Кирилл и Мефодий были вызваны в Рим для объяснения. Они сумели прийти туда так, что их приняли с почетом – принесли с собою мощи святого Климента Римского. Они их обрели, будучи в Крыму, в Херсонесе. В Риме есть церковь мученика Климента, где погребен святой Кирилл. Во время

этого визита он, будучи моложе своего брата, скончался и был там погребен. Папа Адриан благословил совершение богослужения по-славянски. Однако потом это благословение было снято. Доктрина постепенно получила характер закона – никаких языков, кроме латинского, греческого и еврейского. Затем святого Мефодия хиротонисали во епископа, но при этом подчинили архиепископу Зальцбургскому. Конфликт продолжался – против святого Мефодия немецкими епископами был созван Собор, его осудили, в Ольгензбурге он провел в заточении несколько лет, потом освободился. В России тем временем Ростислава сменил Святополк – сторонник сближения с немцами, латинизации Церкви. Тогда св. Мефодий перенес центр своей деятельности в Паннонию – это территория современной Венгрии, в ту пору венгры еще не пришли и там жили славяне. Славянский мир смыкался. В Паннонии, после смерти св. Мефодия, жесткая реакция со стороны немецких князей, которые подчинили себе местные славянские верхи, привела к тому, что на этой территории возобладал латинский обряд, латинское богослужение и ученики святых просветителей вынуждены были уйти на Дунай, на Балканы, в Константинополь, и там создался новый центр славянской письменности. Один из учеников Климент Охридский стал предстоятелем Охридской церкви.

X век – век расцвета южнославянской христианской письменности, из которой потом черпала свои книги крещеная в конце X века Русь. Несколько позже крещены были чехи. Это связано было с княгиней Людмилой и ее внуком Вячеславом. Причем они были в своей семье христианами, а другие были язычники. Оба они были убиты. При них христианский обряд вводился греческий. Эта традиция была не до конца искоренена среди западных славян. Там сохранялся восточный обряд и славянский язык в богослужении вплоть до времен Яна Гуса. И когда Людмила и Вячеслав стали христианами, христианство распространилось именно с восточным обрядом и славянским языком богослужения. Однако после них очень интенсивно действовал епископ Дитмар, который сам был славянин из Саксонии. Он очень жестко вводил христианство, истребляя язычество и искоренял восточный греческий обряд. Чехия стала страной западного обряда и при разделении Церквей после 1054 года страной католического мира.

Теперь о христианизации других славянских народов. Поляки стали христианами при Мячиславе в середине X века. Он был первым польским королем. Это было христианство, зависящее от Рима, и предвосхищало католичество. Однако при Мячиславе в очень широком употреблении был еще славянский язык, славянские книги, то есть наследие свв. Кирилла и Мефодия. Там оно тоже вытеснялось епископом Адольбертом, который был славянин, но онемеченный. Он очень жестко вводил Римский обряд. Однако древнейшие польские тексты – это тексты славянские.

Что же касается полабских славян, крайне западных славян то, там христианизация славян предшествовала христианизации последнего германского племени саксов. Саксы были язычниками во времена Карла Великого. И он вел очень упорные войны с саксами, заставляя их принять истинную религию. Славяне, жившие к западу от саксов, то есть полабские славяне помогали Карлу

Великому. Саксы были покорены, их местные династии были истреблены, они признали власть Карла Великого. После того как угасла династия Карла, саксонская династия пришла к власти в Германии. После победы над саксами они вместе с Германией стали христианизировать славян огнем и мечем, одновременно их ассимилировать. Этот процесс затянулся на долго, но христианами они стали уже в X веке.

На этот же период приходится и христианизация скандинавов. Во второй половине IX век началась христианизация данов и ютов – предков датчан. Христианизация шведов – конец X века. Оставались еще язычниками балты и финны. Христианизация западной части восточной Европы завершилась в конце первого тысячелетия.

В начале XI века в Европе появляется плеяда завоевателей – норманы (скандинавские племена, которые обладали самой передовой военно-морской техникой). Они завоевали Британские острова, Францию и проплывали в западное Средиземноморье. Норманам удалось создать свое герцогство на юге Италии, откуда они стали продвигаться к Риму, угрожая светскому авторитету папы. К середине XI в. возникает общность интересов Византии и Рима в плане военного союза по изгнанию норманов из Римских и Византийских владений в Италии.

Император Константин IX Мономах предпринял попытку договориться с папой о совместной защите Италии от норманов, за что обещал вернуть в юрисдикцию папы южные итальянские епархии, входившие как часть империи в юрисдикцию Константинопольского патриархата. Однако в государственном плане эти области император предпочел оставить за Византией. Этот договор долго скрывался от тогдашнего Константинопольского патриарха Михаила Керулария. Он вступил на престол в 1043 г. Михаил происходил из знатной семьи. Во время заговора его хотели сделать императором, но безуспешно. Михаила постригли в монахи и сослали на острова. Однако все преодолев благодаря своим дарованиям, Михаил становится патриархом.

Папой в то время был Бенедикт IX, и лишь в 1049 г. на Римскую кафедру избран Лев IX, который начал укрепление папства на Западе. При нем была сломана система частой смены пап, а кардиналы получили важнейшую роль при избрании пап.

Узнав о тайных переговорах императора с папой, Михаил Керуларий решил показать силу Константинопольского патриархата. По его поручению архиеп. Лев Охридский написал сочинение против латинских обрядов (в то время предметом полемики между Востоком и Западом были не догматические вопросы о папстве и «Филиокве», а обрядовые различия). Лев Охридский писал об опресноках, посте в субботу, употреблении удавленины, пении «Алиллуиа» на Пасху. В этом сказалось сужение богословского мышления Византийских епископов. За этой обрядовой полемикой Михаил скрывал защиту Восточной Церкви от навязываемой ему императором капитуляции перед Римом.

Папа Лев IX написал послание, в котором на все обрядовые вопросы Льва Охридского ответил до крайности заостренным вниманием на исповедании папизма. Лев писал: «Никто не может отрицать того, что, как крюком

управляется дверь, так Петром и его преемниками определяется порядок и устройство всей Церкви. Как крюк водит и отводит дверь, сам оставаясь неподвижным, так Петр и его преемники имеют право произносить суд о всякой Церкви, и никто, отнюдь, не должен возмущать или колебать их состояние, ибо верховная кафедра не судится ни от кого». В доказательство своей особой власти папа ссылался и на дар Константина. В заключении послания папа рисовал Константинопольскую Церковь, как заблуждающуюся, грешную, скандальную, которую Римская Церковь лишь по снисхождению, а не по заслугам удостоила второго места после себя. Такая система воззрений исключала единство Востока и Запада.

Дальнейшая переписка ничего не смогла изменить. Летом 1054 г. в Константинополь прибыли папские легаты: кардинал Гумберт, епископ Петр Амальфитанский и диакон кардинал Фридрих Лотарингский (будущий папа Стефан IX). Император Константин Мономах все еще надеялся на политическую договоренность с папой. Он торжественно принял легатов, оказывал им покровительство. Им в угоду был подвергнут духовной казни монах Никита Стифат (ученик Симеона Нового Богослова), который должен был сжечь публично на площади свои сочинения против латинян.

Патриарх Михаил Керуларий спокойно принял папское послание от легатов, ни оказал им никакого почета, отказался видеться с ними. После пяти недель ожидания встречи с патриархом легаты не выдержали и решились на открытую демонстрацию против патриарха.

Утром 16 июля 1054 г. они вошли перед Литургией в храм Святой Софии и положили на Престол отлучительную грамоту на Михаила и на всех с ним единомысленных. Грамоту эту написал Гумберт, имея на то полномочия от папы. Она была полна фальсификаций и наговоров (греки обвинялись в изъятии «Филиокве» из Символа веры, и, попутно, грекам приписывались всевозможные грехи).

Легаты надеялись на императора, но переоценили его возможности. В Константинополе возник народный бунт, и император был вынужден ретироваться. Официально было заявлено, что греческие переводчики извратили текст грамоты, и она была сожжена; что, мол, греческий текст был смягчен, и император, ознакомившись с ним, не увидел козней легатов, а когда узнал суть, нашел «виновных переводчиков» и наказал их.

Император Константин IX Мономах занял православную позицию. 20 июля 1054 года состоялся собор под председательством патриарха Михаила Керулария в составе 2 архиепископов, 12 митрополитов и 7 епископов. На этом соборе были отлучены легаты и все с ними единомысленные. В решении собора не было обвинений против западных христиан даже по обрядовым вопросам. Патриарх Михаил Керуларий в окружном послании сообщил о соборе и его решениях восточным патриархам, которые поддержали решение собора. Собор носил защитительный характер, а не обвинительный.

Папа Лев IX умер в 1054 г., а следующий папа был избран только в 1055 г. (Виктор II, 1055 – 1057 гг.). Факт отсутствия на кафедре папы позволил в 60-х годах XX столетия снять взаимные отлучения между Константинополем и

Римом, так как по смерти папы должны были бы закончится и полномочия легатов. Создалась иллюзия, что последует дальнейшее сближение Церквей (патриарх Афиногор до чтения Евангелия участвовал в папской мессе). Однако сближения не произошло.

Католики смогли снять отлучение лишь потому, что папы в те времена не было на кафедре и только. Разрыв 1054 г. не был абсолютным рубежом в разделении Церквей. Современниками он осмысливается как временный разрыв между двумя кафедрами, как было и ранее. Трагичности еще не было: церковные связи не были сразу и везде порваны. Династические браки, например, продолжали заключаться (французы не воспринимали латинян как еретиков; дочь одного из русских князей в XII в. вышла замуж за католика и др.), то есть не было отношения Церквей друг к другу, как к запрещенным. Английский хронограф XII в., писавший летописи, не отметил разрыва 1054 г.

Окончательно разрыв перерос в разделение Церквей в следующую эпоху. Решающую роль сыграли крестовые походы. Сначала византийцы надеялись, что с помощью крестоносцев они освободятся от мусульман и освободят Иерусалим, но вышло все не так.

Известно, что в 1204 г. в итоге IV Крестового похода Константинополь взят, разграблен, и на 60 лет была установлена так называемая Латинская империя. Был поставлен латинский патриарх, а сами греки ютились в Никейском и Эпирском деспотатах (княжества на севере Византии).

Именно в эту эпоху разделение Церквей перестало быть спором иерархов и богословов, и вошло в плоть и кровь церковного народа. Латинство на Востоке и греки на Западе – эти слова стали синонимами зла и вражды.

Теперь встречались уже не иерархи, а народные классы. И в их психологии разделение часто превращалось в стихийную ненависть, в которой верность своей вере, обиды за поругание своих святынь смешивались с элементарным отталкиванием от всего чужого без различения в нем хорошего и плохого.

Именно психология разделения наполняет ложью все попытки унии начиная с I Крестового похода (конец XI в.) и до самого падения Византийской империи. На Западе целью этих попыток было теократическое стремление папства, достигшего максимальной мощи при Григории VII, безоговорочно подчинить себе христианский мир. Практически это сводилось к требованию признать власть Римского епископа – и тогда весь западный мир станет союзником.

На Востоке искренних униатов было мало. Большинство восточных униатов считали, что ради сохранения Отечества можно пойти на вероучительный компромисс. Момент политики преобладал над догматикой. Униатами были греческие патриоты – гибель Отечества побуждала их идти на компромисс, но сохранить империю.

Среди униатов были выдающиеся люди, такие, как император Михаил VIII Палеолог (инициатор Лионской унии). Это выдающийся полководец, возродивший Византийскую империю на Западе, национальный герой. Под угрозой турок с Востока, латинян с Запада и Карла Анжуйского Михаил добивался унии, чтобы обезопасить западные границы. В результате он был анафематствован и Константинополем, и Римом, и погребен без обряда тайно.

Сторонником унии был и класс свободных земледельцев в Византии. Ему нужна была крепкая государственность.